

Григорий Пужаев

КРОВЬ И СЛАВА МИУСА

Таганрог
2006 г.

П88

ББК 63.3(2) 622.78 3830 71

ISBN 5-93967-007-5

П88

Пужаев Г. К. «КРОВЬ И СЛАВА МИУСА».

Таганрог: Изд-во «БАННЭРплюс», 2006. — с., ил.

*Печатается по изданию «Григорий Пужаев. КРОВЬ И СЛАВА МИУСА».
Издание второе, дополненное.*

© Г. Пужаев, 1998

© ООО «БАННЭРплюс», 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

После демобилизации учился, стал журналистом. Многие годы отдал газетной работе.

С 1960 года до ухода на пенсию в 1986 году был главным редактором Матвеево Курганской районной газеты. Труд журналиста отмечен орденом «Знак Почета» и медалью «За трудовую доблесть». Ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

В этой книге автор рассказывает о боевых действиях наших войск при обороне и освобождении западной части Ростовской области — приазовских районов и г. Таганрога в 1941-1943 годах от немецко-фашистских захватчиков.

На реке Миус в годы Великой Отечественной войны шли напряженные, кровопролитные бои. Миусские рубежи, на которых немцы создали мощные укрепления, как они считали — неприступные, приостановили наступление наших войск в декабре 1941-го, в феврале и июле 1943 года. И только в августе 1943-го войска Южного фронта сокрушили оборону гитлеровских войск на Миусе, освободили полностью Ростовскую область, а затем, совместно с войсками Юго-Западного фронта, и Донбасс.

Не все боевые операции, проведенные нашей армией, были успешными. Здесь нашим войскам пришлось познать и горечь неудач, и радость побед. Неудачей, например, закончилось наступление 56-й армии, усиленной другими соединениями, начатое 8 марта 1942 года из района Матвеева Кургана — Ряженое — с целью разгрома таганрогской группировки немцев и освобождения Таганрога. Описание этой операции занимает важное место в книге.

В миусской битве совершено много героических подвигов. Из книги читатель узнает о некоторых из них.

При написании книги использованы материалы Центрального архива Министерства обороны России, архивов Ростовской области, воспоминания бывших воинов, участников описываемых боев, а также книги, публикации, относящиеся к рассматриваемой теме.

ПРИШЛИ ТАНКИ КЛЕЙСТА

События первых дней войны развивались не в нашу пользу. Как известно, война началась 22 июня 1941 года, а уже к середине июля, менее чем через месяц, Красная Армия вынуждена была оставить почти всю Прибалтику, Белоруссию, Молдавию, большую часть Украины. В сентябре гитлеровцы подошли к Ленинграду и блокировали город. К середине ноября враг вплотную подошел к Москве. Большие потери в живой силе и технике понесла наша армия. Сотни тысяч солдат были убиты и ранены, попали в плен.

В пределах Ростовской области немцы появились 8 октября 1941 года после падения Мариуполя на территории Федоровского (ныне Неклиновского) района. Развернулись тяжелые бои на Миусе, под Таганрогом, нависла угроза над Ростовом, Новочеркасском, Шахтами.

Немецкое командование, стремясь прорваться к Ростову, бросило сюда отборные части: 1-ю танковую армию под командованием генерала Клейста, дивизии СС «Викинг», «Адольф Гитлер».

Воины нашей армии не дрогнули перед бронированными армадами. Они стойко оборонялись. 13 октября боевое крещение получила на рубеже Ряженое - Б. Неклиновка 339-я Ростовская стрелковая дивизия. На позиции 1133-го полка 13 октября было брошено два немецких батальона при поддержке танков. Полк успешно отбил атаку. Фашисты отступили, оставив на поле боя более сотни трупов и 4 сожженных танка.

14 октября дивизия вышла на линию село Латоново — хутора Сокол — Шароны. Утром 15 октября севернее хутора Платово воины 1133-го стрелкового полка 339-й стрелковой дивизии вступили в бой с превосходящими силами противника. Отходя к Миусу, они упорно сопротивлялись. Небольшая группа красноармейцев, укрывшись в кустах терновника, до последней возможности отбивалась от наседавших гитлеровцев, меткими выстрелами поражала их. Только к вечеру, когда не стало боеприпасов, вражеским мотоциклистам удалось окружить оставшихся в живых троих смельчаков. Их доставили в немецкий штаб. Очевидцы последних часов жизни наших воинов рассказали о мужественном их поведении. Их били, истязали, но красноармейцы держались стойко, остались верными своей присяге, не чувствовали себя побежденными, потому что смело сказал один из них: «Мы солдаты и защищаем свою Родину». Это был коммунист 24-летний Александр Артемович Нагибин.

Ночью их расстреляли в хуторе Уразовском. Перед смертью Нагибин назвал жителю хутора старику Афанасию Сухомлинову два адреса и попросил его, чтобы он после войны сообщил об их смерти. Просьбу Афанасий Сухомлинов исполнил.

В селе Латоново на добровольные пожертвования его и жителей хуторов сельского Совета сооружен мемориальный сквер. В нем на надгробных плитах навечно записаны фамилии почти 400 латоновцев, павших в боях в годы гражданской и Великой Отечественной войн, и более 100 воинов Советской Армии, отдавших жизнь за освобождение от фашистских захватчиков сел и хуторов Латоновского сельсовета. Здесь же покоятся останки 25 воинов 1133-

го стрелкового полка, павших 15 октября 1941 года. Среди них А.А. Нагибин и два его боевых товарища.

Героически сражались воины 1135-го полка этой дивизии на высотах у балки Турково. Они сдерживали в течение дня бешеный натиск немецких солдат и танков. На исходе дня одна вражеская часть прорвалась к командному пункту полка. В бой вступили все воины штаба во главе с командиром полка Василием Алексеевичем Кузнецовым и комиссаром старшим батальонным комиссаром Петром Федоровичем Михайловым. Они гранатами подбивали немецкие танки, ружейным огнем уничтожали оккупантов.

Сохранилось написанное командиром полка перед гибелью донесение в штаб дивизии: «Рыбину. Танки до 12 штук, с пехотой окружают и обстреливают командный пункт. Средств борьбы нет, кроме винтовок и гранат. Это последнее сообщение. Кузнецов. 20.10.1941 г. Балка Турково».

* * *

На аллее трудовой и боевой славы села Покровского есть портрет подполковника И.И. Лободина. Иван Лободин родился в 1900 году в крестьянской семье в Саратовской губернии. В Красной Армии с 1918 года. Воевал в 25-й дивизии под командованием Василия Ивановича Чапаева. Партбилет ему в 1919 году вручал комиссар дивизии Дмитрий Андреевич Фурманов. В качестве командира эскадрона в двадцатые годы Лободин сражался с бандами басмачей в Таджикистане. За отличие в боях награжден орденом Красного Знамени. Правительство Таджикской республики вручило ему орден Трудового Красного Знамени.

Когда началась Великая Отечественная война, подполковник Лободин был начальником военно-конного завода. Сразу попросился на фронт. В августе 1941 года в штабе Се-

веро-Кавказского военного округа его назначили командиром кавалерийского полка, прибывшего из Средней Азии, того полка, в котором Лободин воевал с басмачами.

В октябре 1941 года полк Лободина вступил в бой с танковой армией Клейста, рвавшейся на Таганрог со стороны Мариуполя.

20 октября 1941 года на позиции 179-го кавалерийского полка, прикрывавшего отход нашей 31-й дивизии, в районе хутора Копани (Неклиновского района) пошли в наступление 70 танков и бронемашин, до полка немецкой пехоты. Завязался ожесточенный бой. 6 атак отбили кавалеристы, уничтожив 17 танков, много гитлеровцев. На исходе дня противник вновь контратаковал наших воинов. Гитлеровцы прорвались к командному пункту полка, окружили дом, в котором находился командир полка. Лободин с чердака здания открыл огонь из пулемета, уничтожив около 20 вражеских солдат. Гитлеровцы подожгли дом, до последнего патрона стрелял по ним командир, затем вышел, израненный и обгоревший, с поднятой саблей пошел в атаку на врага. Фашисты изрубили тело героя на части, облили бензином и сожгли на улице хутора.

Подполковнику Ивану Ивановичу Лободину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В первой половине октября 1941 года немецкие войска оккупировали Федоровский и Анастасиевский районы, вторглись в пределы Матвеево-Курганского и Куйбышевского районов. 17 октября немцы заняли Таганрог. Майор Альберто получил приказ за подписью фон Клейста о назначении его ортскомендантом Таганрога. Кроме чисто воинских обязанностей коменданту, согласно инструкции, необходимо было организовать местное самоуправление не только в самом городе, но и в оккупированных селах и районах, на которые рас-

пространялась власть Таганрогской комендатуры. Нужно было подобрать людей, угодных режиму оккупационных властей.

Работник комендатуры офицер Регланд получил задание выехать в Анастасиевку для назначения там районной власти. Вскоре на стол ортскоменданта лег отчет Регланда. «Анастасиевка, - указывалось в отчете, - бывшая казачья деревня (1600 жителей). Внутри района 24 колхоза и 2 совхоза. Скот относительно хорош. Мельница, пекарня частично уже работают. Урожай довольно хороший собран. Часть его не сожжена и не вывезена. В Анастасиевке имеется одна тракторная станция. Бывшее районное начальство, а также все специалисты бывшего управления, за исключением местного районного врача, бежали. Врач снова приступил к работе, занимается восстановлением больницы, аптека в порядке, имеются фельдшер и акушерка.

Начальником района мною назначен бывший почтовый помощник и теперешний бургомистр Анастасиевки Иван Ткаченко, рождения 22 июня 1906 года. Ему выдано удостоверение о назначении и объяснено, что он стоит под непосредственным контролем комендатуры г. Таганрога и от нее будет получать все необходимые указания».

27 октября 1941 года соединения 1-й танковой армии противника находились на линии Колпаковка (дивизия «Викинг»), Валуевский (дивизия «Адольф Гитлер»), Веселый, Синявка, Недвиговка (13-я танковая дивизия), 60-я механизированная дивизия составляла резерв армии — в районе Покровское, Троицкое, Таганрог.

Войска клейста продолжали рваться к Ростову, неся значительные потери.

В районе села Куйбышево была сосредоточена 16-я танковая дивизия немцев. Ее задача — прорвать фронт южнее

Дьяково и двигаться в направлении города Шахты. Завязались ожесточенные, кровопролитные бои.

Войска 9-й армии генерал-лейтенанта Ф.М. Харитонова отбивали частые атаки немцев, которые имели превосходство в силе, особенно в танках.

29 октября противник потеснил передовые отряды частей и соединений 9-й армии, перешел в наступление в направлении на Куйбышево, Ясиновский, Новомарьевку.

Удар немцев приняли на себя воины 30-й Иркутской стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Гончарова Н.Д. Пехотинцы и артиллеристы этой дивизии проявили бесстрашие и отвагу.

На западной окраине села Куйбышево находился 1-й дивизион 59-го легкого артиллерийского полка. На него двигалась колонна немецких танков. Артиллеристы не дрогнули, они поджидали приближения немецких танков, чтобы ударить наверняка. И вдруг командир полка подполковник Марченко И.И. скомандовал: «Огонь!». Загремели выстрелы из орудий. Они следовали один за другим. Вот вспыхнул первый вражеский танк, затем второй. Загорелся автомобиль, в котором находились гитлеровские солдаты. Перепуганные, выскакивали они из машин, попадая под огонь наших солдат или под гусеницы своих же танков.

Атака была отбита. Через несколько часов противник начал новую, бросив в бой до двух батальонов пехоты и 10 танков.

Бойцы роты лейтенанта Есауленко В.В. зашли во фланг и внезапно набросились на вражескую пехоту. Фашисты в панике бежали. На поле осталось свыше 100 солдат противника. Рота лейтенанта Есауленко В.В. отличилась и в последующих боях на Миусе. Тяжелые бои пришлось вести воинам 256-го стрелкового полка под командованием майора Алек-

сеенко С.И. На них наступали мотопехота и 60 танков. Несколько раз фашисты переходили в атаку, но каждый раз от дружного ружейно-пулеметного огня, от огня противотанковых пушек откатывались назад. Однако противнику, несмотря на упорное сопротивление частей 30-й стрелковой дивизии, удалось в течение 29 октября захватить населенный пункт Куйбышево.

Положение 9-й армии значительно ухудшилось. После переброски 14-й танковой дивизии из села Политотдельского в район Алексеевка-Ясиновский соотношение сил и средств на направлении главного удара противника изменилось в пользу противника: по пехоте он имел превосходство в 1,7 раза, по артиллерии — в 2 раза, по танкам — в 10,5 раза.

Войска, оборонявшие Ростов, не выдержали натиска врага, и 21 ноября 1941 года противник овладел Ростовом-на-Дону.

Враг ликовал. «Взятие Ростова является, - сообщалось в немецкой газете «Танки, вперед!», - итогом пятимесячных боев нашей армии на Южном фронте. Передовая индустрия и плодородные земли попали в наши руки. Но взятие Ростова знаменательно еще большим -мы перерезали путь главной помощи Англии и Америки».

Ликование врага было недолгим. 27 ноября войска Южного фронта нанесли мощный удар по ростовской группировке врага с севера, востока и юга и 29 ноября освободили Ростов от фашистских оккупантов.

В ходе контрнаступления войск Южного фронта под Ростовом немецкие войска потерпели первое за все время второй мировой войны крупное поражение. Противник потерял под Ростовом убитыми и ранеными около 30 тысяч солдат и офицеров, много боевой техники и оружия.

Теперь разбитые под Ростовом дивизии 1-й танковой армии Клейста, стремясь избежать полного уничтожения или пленения, поспешно отступали к Таганрогу на правый берег реки Миус.

В газете «Правда» появилось следующее сообщение:

«Южный фронт. (5 декабря 1941 года. 3 часа утра. Спец. корр. «Правды») 4 декабря бойцами части командира Егорова взят Матвеев Курган. Фашисты оставили на поле боя много убитых и раненых. Захвачены большие трофеи. М.Мержанов».

Миусский рубеж приостановил наступление Красной Армии, спас дивизии армии Клейста от полного разгрома. Немцы усиленно стали укреплять оборону на правом берегу реки Миус. Противник на участке Ряженое - Приморка смог создать плацдарм. В руках врага остался Таганрог. 10 декабря 1941 года боевые действия на Миусе затихли. Войска перешли к обороне, война ушла в землю.

Передний край главной оборонительной линии противника проходил по линии Есауловка, западный берег рек Крепенькая и Миус, Ряженое, Панченко и западный берег р. Самбек. Естественным противотанковым препятствием являлся Миус с крутым обрывистым правым берегом. Река имела глубину 1-3 метра. Но в период половодья (март - апрель) — местами до 7,5 метра. Правый берег господствовал над левым и имел большое количество балок..

Передний край главной полосы обороны проходил по восточным скатам высот и холмов. Особое положение в системе немецкой обороны занимала высота 101,0 (Волкова гора). Она господствовала над местностью. Отсюда можно было хорошо просматривать боевые порядки и тылы наших войск

ТАГАНРОГСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

После разгрома немецких войск под Москвой Сталин посчитал, что враг не выдержит ударов Красной Армии и на других участках фронта. Он выдвинул идею общего наступления Красной Армии зимой 1941-1942 гг. По его замыслу, девяти фронтам и двум флотам и военно-воздушным силам предстояло перейти в наступление и решительными действиями окружить и уничтожить основные силы немецких групп «Север», «Центр», «Юг», к весне продвинуться на глубину 300-400 километров, в дальнейшем обеспечить полный разгром немецких войск и закончить войну в 1942 году.

Об этом Сталин сказал на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) и Ставки ВГК в Кремле в январе 1942 года, на котором рассматривался план общего наступления Красной Армии.

Нереальность плана Сталина, надо полагать, понимали многие присутствующие на заседании, но сказать об этом вслух они не решались. Против грандиозного плана общего наступления Красной Армии выступил Г.К. Жуков.

Он сказал, что «на западном направлении, где создались более благоприятные условия, надо продолжать наступление. Но для успешного исхода дела необходимо пополнить войска, и в первую очередь танковыми частями. Если мы это пополнение не получим, наступление не может быть успешным. На остальных же направлениях, — считал Жуков, — где войска стоят перед серьезной обороной противника, без наличия мощных артиллерийских средств они не смогут прорвать оборону, сами измотаются и понесут большие, ничем не

оправданные потери». Г.К. Жуков в своем выступлении указывал на то, что войска испытывают острый недостаток вооружения. Укомплектованность войск Калининского и Западного фронтов на 1 января 1942 года, например, составляла по винтовкам 66,2 процента, станковым пулеметам - 36, по зенитным орудиям - 45, по орудиям наземной артиллерии - 66 и по минометам - 45 процентов. Обеспечение танками было еще ниже.

Г.К. Жуков предложил продолжить наступление лишь на западном направлении.

Генерала армии Г.К. Жукова поддержал кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Н.А. Вознесенский. Он отметил, что мы сейчас не располагаем материальными возможностями, достаточными для того, чтобы обеспечить одновременное наступление фронтов.

Испытывались большие трудности и в людях. За 6 месяцев первого периода войны мы понесли огромные потери. Советское правительство вынуждено было призвать на военную службу мужчин всех возрастов до 1890 года рождения.

В такой неблагоприятной обстановке было принято решение о всеобщем наступлении Красной Армии.

Общего наступления не получилось. Отдельные изолированные операции наших войск не дали ожидаемых результатов. Хотя были достигнуты и немалые успехи. Враг понес большие потери. Германия и ее союзники потеряли убитыми, ранеными свыше 800 тысяч человек. Наши части продвинулись на запад на 200-250 километров, освободили значительную часть нашей территории. Но цена этих побед была чрезвычайно высока.

Зимнее наступление показало, что наши войска крайне нуждались в восстановлении своих сил. Несмотря на это, Ста-

лин не отказался от своего намерения обеспечить полный разгром в 1942 году немецких войск, что потребовало весной 1942 года провести целый ряд наступательных операций, в частности, в районе Харькова, Донбасса, в Крыму, которые окончились неудачей. К таким операциям можно отнести и Таганрогскую наступательную операцию.

Таганрогская наступательная операция (она получила название Таганрогско-Покровская операция) 56-й армии Южного фронта (8 марта - 2 апреля 1942 года) началась после трехмесячной обороны, явилась продолжением Ростовской операции этой армии (17-30 ноября 1941 года), приведшей к поражению армий группы Клейста и возвращению Ростова, но завершения она не получила, войскам армии полностью овладеть рубежом реки Миус тогда не удалось.

Замысел этой операции принадлежит штабу юго-западного направления, главнокомандующим которого был Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко, членом Военного Совета — Н.С. Хрущев и начальником штаба - генерал И.Х. Баграмян.

28 февраля 1942 года главком юго-западного направления издал директиву, в которой указывалось: «В целях лишения противника таганрогского плацдарма и занятия войсками левого крыла Южного фронта выгодного исходного положения для развития наступления в обход донбасской группировки противника с юга, приказываю:

Командующему Южным фронтом подготовить и провести силами 56-й армии, с приданным ей 3-м гвардейским стрелковым корпусом операцию по разгрому таганрогской группировки противника».

В директиве было определено направление главного удара — с фронта Матвеев Курган - Ивановка (западная) вдоль обоих берегов реки Миус на Таганрог. Готовность

наступления назначалась на 5 марта 1942 года. Обращает на себя внимание то, что войскам армии дан весьма короткий срок на подготовку. Всего 6 дней. Срок ее начала был нереальным.

Большой бедой было то, что основные силы ударной группировки прорыва фронта находились до начала марта еще в Ростове.

3-му гвардейскому стрелковому корпусу предстояло совершить переход из Ростова на исходные позиции в район Матвеева Кургана, Ряженого, Политотдельского, других пунктов.

76-я отдельная морская бригада, например, только в ночь с 28 февраля на 1 марта была поднята по боевой тревоге и пешим порядком совершила переход от Ростова в Матвеев Курган. Сюда она пришла 3 марта. 81-я отдельная морская стрелковая бригада в исходный район для наступления прибыла только 6 марта, 63-я отдельная танковая бригада, сформированная в спешно-короткие сроки в Москве, 27 февраля двумя эшелонами по железной дороге проследовала в Ростов-на-Дону в распоряжение 3-го гвардейского стрелкового корпуса. Затем, после 80-километрового ночного марша 5 марта, бригада сосредоточилась в районах населенных пунктов Русско-Сидоровский, Каршенно-Анненский (ныне Родионово-Несветайского района).

На исходные позиции в район сел Ивановка, Ново-Андриановка танки вышли перед самым наступлением, 8 марта. Случилось так, что не было времени детально изучить передний край противника, провести рекогносцировку местности.

А ведь частям и соединениям нужно до начала боя решить много и других задач: занять огневые позиции, наладить взаимодействие войск, обеспечить тылы (подвоз

боеприпасов, горючего, продовольствия). Времени для этого было очень мало. Все делалось наспех. При таком положении трудно соблюсти меры скрытности, маскировки. В первых числах марта в район наступления из Ростова было переброшено несколько соединений, многие тысячи солдат и офицеров. Шли одна за другой большие колонны пехоты, передвигались сотни и тысячи автомашин, орудий, бронетранспортеров, конных повозок. Хотя марш в целях маскировки совершался в основном ночью, передвижение войск не могло остаться незамеченным для противника. Надо полагать, все это дало ему возможность узнать о готовящемся наступлении наших войск и подготовиться к его отражению.

Тыловое обеспечение наступательной операции полностью не было осуществлено. Многие полки, бригады, дивизии перед самым наступлением испытывали недостаток в снарядах, минах, боеприпасах, в вещевом снабжении.

Начальник политотдела 81-й отдельной морской стрелковой бригады батальонный комиссар Г.Н. Каретников начальнику политуправления Южного фронта сообщал в политдонесении за 7 марта 1942 года:

«В частях испытывается острый недостаток грубых кормов: в артдивизионе 76-мм пушек их нет три дня, такое же положение в минометном дивизионе, стрелковых батальонах.

Особенно ощущается острый недостаток в боеприпасах: в минометном дивизионе на 8-30 7 марта нет ни одной мины, несмотря на то что дивизион занял огневые позиции. В артдивизионе 76-мм пушек нет ни одного бронебойного снаряда. Взвод автоматчиков 3-го стрелкового батальона имеет только половину боевого комплекта патронов для ППШ.

Большие недостатки в снабжении питанием. 1, 2, 3-й стрелковые батальоны 7 марта не имели хлеба. В минометном дивизионе третий день нет жиров и сахара. В результате марша у большого количества бойцов обувь нуждается в немедленной замене».

На основе директивы главкома Юго-Западного направления командующий Южным фронтом генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский 1 марта 1942 года в 14-00 (штаб фронта, г. Лисичанск) отдал боевое распоряжение командующему 56-й армии о проведении наступательной операции с целью разгрома Таганрогской группировки противника, в котором ставилась задача: 56-я армия должна овладеть Таганрогским районом и прочно удерживать рубеж: Демидовка, Возыкин-2, Сокол, Ново-Петровский, устье реки Миус и южный берег Миусского лимана. К исходу третьего дня наступления овладеть рубежом Дарьевка, Кошкино.

В дальнейшем главными силами 3-го гвардейского стрелкового корпуса во взаимодействии с 30-й и 347-й стрелковыми дивизиями и морским отрядом овладеть Таганрогом.

Готовность к переходу в наступление — с исхода 5 марта. Переход в наступление по сигналу «Гроза».

Исходя из этого распоряжения командование 56-й армии отдало боевой приказ своим войскам.

В приказе командующего 56-й армии говорилось:

«Перед нами поставлена задача решительным наступлением сломить оборону врага, раздавить и уничтожить уже потрепанные фашистские дивизии и освободить от фашистского гнета советское Приазовье.

Приказываю:

56-й армии перейти в решительное наступление с другими армиями Южного фронта, водрузить славное со-

ветское Красное знамя над освобожденными городами и селами.

С именем Сталина на устах неотступно преследовать врага до полного уничтожения. Вперед, на запад! На просторы советского Приазовья и Украины».

56-я отдельная армия к началу марта 1942 года оборонялась на фронте 85 километров от с. Куйбышево до Таганрога, на восточном берегу реки Миус.

Основной удар наносился на участке 56-й армии силами 3-го гвардейского стрелкового корпуса (2-я гвардейская стрелковая дивизия, 68, 76, 81-я морские стрелковые бригады, 376-й гаубичный артиллерийский полк, 30-я стрелковая дивизия, 13-я стрелковая бригада). К непосредственному участию в операции привлекались 347-я стрелковая дивизия, 16-я отдельная стрелковая бригада, 63-я отдельная танковая бригада, 14-й отдельный гвардейский минометный дивизион и другие части усиления 56-й армии. На этом же направлении действовала 339-я стрелковая дивизия. (В прорыве фронта участвовали четыре стрелковые дивизии и четыре стрелковые бригады).

Оборона противника, подготовленная в течение трех месяцев, при наличии дотов, дзотов, проволочных заграждений и системы противотанковых и противопехотных препятствий, выгодно расположенных на командных высотах западного берега реки Миус с крутым и обрывистым восточным скатом, характеризовалась как упорная. Наиболее укреплена была оборона противника на участке Ряженое, отметки 92,7 высоты Соленой, Самоек.

Направление главного удара пролегало там, где оборона противника была более прочной.

Оборону противника держали:

а) 1-я механизированная дивизия (словаков);

- б) дивизия СС «Викинг»;
- в) 125-я пехотная дивизия, до 20-ти батарей артиллерии, до 11-ти танков;
- г) 92-я механизированная дивизия, 13-й артполк, 13 танков;
- д) 73-я пехотная дивизия (артполк - до 9 батарей артиллерии);
- е) 120-й мехполк 60-й мотодивизии, до пяти закопанных танков;
- ж) части СС «Адольф Гитлер» до 9 артбатарей, до 8 закопанных танков.

Соотношение сил на фронте 56-й армии:

	Противник	Наши войска
Людей	41000	62836
Ручных пулеметов	1000	1054
Станковых пулеметов	425	366
Минометов	360	720
Орудий ПТО	200	—
Орудий	225	440
Ружей ПТР	—	630
Танков	до 40	до 46

План операции предусматривал в течение трех дней про-
рвать тактическую глубину противника, затем на 6-7-е сут-
ки овладеть Таганрогом во взаимодействии с частями, дей-
ствующими на льду Таганрогского залива. Вспомогательный
удар намечалось нанести сводным отрядом Азовской воен-
ной флотилии и инженерным батальоном Донской военной
флотилии.

БРИГАДЫ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ

3-й гвардейский стрелковый корпус был усилен тремя морскими стрелковыми бригадами - 68, 76, 81-й. Формирование этих бригад начиналось в октябре - ноябре 1941 года в Пятигорске, Минеральных Водах и в станице Пролетарской (ныне город Пролетарск Ростовской области).

На формирование бригад прибывали командиры, старшины, краснофлотцы и офицеры Черноморского высшего военно-морского училища и училища противовоздушной обороны военно-морского флота, начальствующий состав, младшие командиры, красноармейцы, окончившие в госпиталях лечение после ранений, военнообязанные, прошедшие обучение в запасных частях.

Костяком 81-й морской бригады стал отряд моряков-черноморцев, отправленный 20 октября 1941 года на теплоходе «Ян Фабрициус» из Севастополя в Новороссийск. Из Новороссийска моряки прибыли в станицу Пролетарскую. Среди них были участники боев с фашистами у Измаила, Килии, Одессы, но большинству моряков предстояло воевать на суше впервые.

Офицерский состав Черноморского высшего военно-морского училища имени П.С. Нахимова полностью вошел в состав 76-й отдельной морской стрелковой бригады. Командиром бригады был назначен начальник училища капитан 1-го ранга Б.Н. Апостоли, комиссаром бригады полковой комиссар С.П. Стогов, командиром 1-го батальона капитан 3-го ранга А.И. Лакотош — бывший помощник начальника училища по строевой части, 2-го батальона капитан 3-го ранга А.И. Цветков - бывший начальник 3-го курса училища, 3-го батальона капитан-лейтенант В.Н. Никулышин. Штаб

бригады полностью был укомплектован офицерами училища.

Рядовой состав бригады комплектовался в основном из моряков Черноморского флота с погибших кораблей и из матросов отряда учебных кораблей. Кроме того, поступали на комплектование моряки Каспийской флотилии, Тихоокеанского флота и возвратившиеся из госпиталей матросы и солдаты.

В конце октября 1941 года в Пятигорске началось формирование 68-й отдельной морской стрелковой бригады. Командиром бригады был назначен моряк-подводник капитан 2-го ранга Г.А. Иванов, комиссаром — старший батальонный комиссар Ф.Т. Купин, начальником штаба — подполковник Трофимов.

Бригада укомплектовывалась моряками Черноморского флота и Каспийской флотилии — добровольцами из экипажей погибших кораблей, а также из бойцов запасных полков. В феврале 1942 года завершилось формирование бригады, и она была переброшена из Пятигорска в г. Ростов-на-Дону. Здесь она получила штатное оружие.

В начале марта стрелковые батальоны бригады из Ростова совершили переход к линии фронта и 5 марта сменили армейские части, находившиеся в обороне на реке Миус у села Колесниково, южнее Матвеева Кургана, и заняли передний край у насыпи железнодорожного полотна.

Из-за задержки получения материальной части артиллерийский дивизион и минометный батальон бригады прибыли из Ростова на передний край лишь в ночь на 9 марта. Тылы бригады располагались в селе Политотдельском и хуторе Гребеньки.

Морские бригады формировались по штату отдельной стрелковой бригады общей численностью 4400 чело-

век. В состав бригады входили отдельные части: три стрелковых батальона, по 715 человек каждый, минометный батальон (шестнадцать 82-миллиметровых и тридцать два 50-миллиметровых миномета), артиллерийский дивизион (восемь 76-миллиметровых пушек), противотанковый дивизион (двенадцать 57-миллиметровых пушек), минометный дивизион (восемь 120-миллиметровых минометов), батальон связи, разведывательная рота, взвод ПВО, управление бригады и подразделения тылового обеспечения. Всего в бригаде из 4400 человек было 400 человек командно-начальствующего состава и четыре тысячи человек рядового и младшего начсостава. Количество моряков в бригадах было разное. В 81-й морской стрелковой бригаде, например, из общего количества было 1406 моряков. В стрелковых батальонах моряки составляли подавляющее большинство.

С первых дней формирования началась огневая и тактическая подготовка, сколачивание боевых подразделений, к концу января подготовка была закончена, и в начале февраля 1942 года морские бригады были переброшены в Ростов-на-Дону, где до конца февраля продолжали заниматься боевой подготовкой и довооружением, а затем были переброшены в Матвеев Курган. Все три бригады были включены в состав 3-го гвардейского стрелкового корпуса, который был придан для усиления 56-й отдельной армии.

Батальоны 76-й морской бригады сменили части, занимавшие рубежи по реке Миус на участке Колесниково – Матвеев Курган.

Противниками 76-й ОМСБ и двух других морских бригад, располагавшихся слева от 76-й бригады,

были известная дивизия СС «Викинг» и стоявшая во втором эшелоне за ней 125-я дивизия СС.

Командир 3-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор Акименко вечером 3 марта вернулся из штаба 56-й армии в хутор Поповка, где размещался штаб корпуса. Он все еще был под впечатлением от разговора с командармом.

Комкор внес предложение усилить артиллерийскими средствами участок прорыва обороны. Ведь плотность на 1 километр фронта достигала всего лишь 25 орудий. Генерал Цыганов В.В. заметил, что ни орудий, ни снарядов для более мощного огня нет.

Командира корпуса занимали мысли о предстоящем бое, о выполнении предстоящей ответственной задачи. Хотя наступательную операцию осуществляла армия, но основной удар при прорыве фронта наносил его корпус.

Генерал в эти минуты вспомнил свой боевой путь. Андриан Захарович Акименко боевое крещение получил еще в годы гражданской войны. В 1918 году, когда ему шел 20-й год, он добровольно вступил в Красную Армию. В 1919-1920 годах сражался против армии Деникина и белополяков. Стал кадровым военным. В 1939 году окончил военную академию. Полковник Акименко в войну вступил 22 июня 1941 года в должности начальника штаба стрелкового корпуса, в августе 1941 года его назначили командовать 127-й стрелковой дивизией.

127-я стрелковая дивизия летом и осенью 1941 года отбивала многочисленные атаки немецких войск, чувствительные удары врагу воины дивизии нанесли под Ельней. 127-я дивизия приказом народного комиссара обороны СССР от 18 сентября 1941 года за мужество, отвагу

и организованность в боях с немецко-фашистскими захватчиками в числе первых четырех стрелковых дивизий была преобразована во 2-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Командиру дивизии было присвоено звание генерал-майора. Гвардейцы дивизии после этого участвовали в боях на Юго-Западном фронте. В конце февраля 1942 года дивизия вместе с гвардейским стрелковым корпусом передается Южному фронту. Командир дивизии генерал-майор Акименко назначается командиром корпуса.

Раздумья генерала прервал появившийся начальник штаба корпуса полковник Гладков. Он принес комкору на согласование и подпись документы на предстоящие боевые действия. В числе этих документов был и боевой приказ о наступлении 8 марта 1942 года.

Извлечение из боевого приказа №30 3-го гвардейского стрелкового корпуса.

«2-00. 7.3.42. х. Поповка.

Противник обороняет укрепленную полосу, имея передний край по высотам и населенным пунктам на западном берегу реки Миус. На фронте высота 101,0, Новоселовский, обороняется 419 ПП, на южной окраине — Ряженое — 421 ПП.

Справа на участке Демидовка — Матвеев-Курган наступает 339-я стрелковая дивизия, к исходу дня овладевает Демидовкой, высотой 108, хуторами Самарский, Возыкин-2.

Левее, на участке р. Миус, отмет. 82,8, наступает 30-я СД и к исходу дня овладевает сев. окраиной Покровское.

3-й гвардейский стрелковый корпус форсирует р. Миус на участке (исх. Матвеев Курган - Ряженое), проры-

вает оборону и к исходу дня овладевает и прочно закрепляет рубежи: Едуш, Добрицын, Шароны, высота 93,3.

76-я морская стрелковая бригада форсирует р. Миус на участке (исх. Матвеев Курган — Колесниково). Прорывает передний край и овладевает: Степановский, Подгорный, Ново-Мироновский, в дальнейшем Едуш, Скороход.

68-я морская стрелковая бригада форсирует р. Миус на участке Колесниково, Бедновский. Ночной атакой одного батальона с ротой автоматчиков овладеть районом четырех курганов, что в одном километре северо-западнее Ряженое, и, развивая успех, остальными силами бригады овладеть рубежом высотой 115,2, 105,4 - в дальнейшем Скороходом, Шароны, где прочно закрепиться.

2-й гвардейской стрелковой дивизии с 1-м дивизионом 574-го гаубично-артиллерийского полка форсировать реку Миус на участке Бедновский, ю.-в. окраина Ряженое, имея боевой порядок в два эшелона, овладеть высотами, что в двух километрах юго-западнее Ряженое, в дальнейшем Некрасов, Шароны, Курган, Мальчевский.

81-я морская стрелковая бригада наступает во втором эшелоне за левым флангом 68-й МСБ в направлении Гребенников, Бедновский.

Командир 3-го ГСК, генерал-майор Акименко, военком 3-го ГСК - полковой комиссар Павлов, начальник штаба 3-го ГСК полковник Гладков.

(АМО, ф.147, о.- 1, д.- 13, стр. 11-12)».

Утром 7 марта этот приказ поступил в части соединения. Как отмечено в журнале боевых действий 76-й морской стрелковой бригады, здесь приказ был получен в 9.50 7 марта 1942 г. В бригаде идет подготовка к операции. Коман-

дир бригады принял решение наступать двумя эшелонами. В первом шли 2-й и 3-й батальоны, во втором - 1-й батальон.

Оставшиеся часы до начала атаки были использованы для уточнения задачи. Работа проводилась в каждом отделении, каждом расчете.

Всю ночь в крайних домах на окраине Матвеева Кургана накапливались силы для атаки. Моряки ждали сигнала. Никто в эту ночь не ложился спать. Нахлынувшие воспоминания охватили каждого. Воины думали о семье, родственниках. О чем только они не передумали за ночь перед тем, как идти в наступление. Часть бойцов была необстрелянной. Для них это был первый бой в их жизни. Они особенно волновались от незнания самих себя, испытывали чувство робости, неуверенности.

К 4 часам утра 8 марта 2-й и 3-й батальоны бригады полностью вышли на исходный рубеж за старым руслом р. Миус.

Время близилось к рассвету, чуть-чуть светлел небесный свод. На речную долину лег густой туман, за долиной в нескольких километрах поднимались высоты и бугры, на них в дотах и дзотах сидели немцы. Вся долина пристреляна противником. Невозможно представить, как было трудно преодолеть под ураганным огнем противника эту долину, но еще труднее было подняться нашим морякам на высоты и бугры, выкуривать из блиндажей немецких солдат.

Перед атакой на исходный рубеж батальона пришел командир 3-го батальона капитан-лейтенант В.Н. Никульшин.

- Задача нам выпала нелегкая, — сказал комбат. - Впереди широкая, протянувшаяся почти в два километра, долина. На ней пристрелян каждый ориентир. Только решительный бросок вперед выручит, нужно снять немецкие дозоры и, как можно быстрее, пробежать эту долину.

Комбат подошел к командиру роты старшему лейтенанту В.В. Кравцевичу, легонько похлопав его по плечу, проговорил:

- Твоя рота первой идет в атаку. Ни пуха ни пера, старший лейтенант, или по-нашему, по-морскому – семь футов под килем...

5 часов утра. 8 марта 1942 года. Воскресенье. Первые залпы по врагу дали воины 14-го дивизиона гвардейских минометов. Заговорили пушки, загудела земля. Дан сигнал к атаке. Батальон капитан-лейтенанта Никульшина первым бросился вперед. Вырвался дальше всех взвод лейтенанта Назарова. Моряки на ходу снимают немецкую охрану и без остановки идут вперед. Вот уже пройдена нейтральная полоса, недалеко и подножье высоты. Шаг за шагом краснофлотцы приближаются к ней. Гул боя нарастает.

Немцы открыли с высоты артиллерийский и минометный огонь. То тут, то там в цепи наступающих рвутся снаряды и мины. Строчат пулеметы, бьют автоматные очереди. Падают убитые, раненые... Атакующие идут вперед, сокрушая все, что попадает на пути. Их ничто не могло остановить.

На все поле боя, из края в край, разносится громогласное «Ура!» и «Полундра!». Звуки то усиливающейся, то затихающей канонады перекачивались по степи.

Подлинные чудеса храбрости и отваги показывают моряки. Презирая смерть и опасность, они вступают в схватку с врагом и выходят победителями.

Командир пулеметного отделения из 3-го стрелкового батальона А.П. Анохин, отражая атаку наседавших на него немцев, был ранен в руку, лилась кровь, но он продолжал вести огонь, заставил залечь фашистов. От потери крови потерял сознание. Подошедшие на выручку пулеметчику воины насчитали 10 убитых вражеских солдат.

10 краснофлотцев из 2-го батальона во главе с политруком Н.И. Горбачевым, преследуя противника, вырвались вперед. Горстку храбрецов окружили 50 немецких автоматчиков. Моряки не растерялись. В рукопашной схватке и гранатами они уничтожили много солдат, вышли из окружения, взяв в плен трех немцев. Продвигаясь вперед, овладели первым курганом на высоте 101 и обратили в бегство группу немецких пехотинцев, облегчив путь подхода своему подразделению. Высота была взята.

К дзоту приближается краснофлотец Хомутов, бросает в амбразуру гранату, после взрыва сам врывается в дзот. От взрыва гранаты и в штыковой схватке погибли 14 немецких солдат.

Боец батальона Николай Голубов под ураганным огнем подполз к окопу, бросил в него гранату, уничтожил трех немецких солдат.

Яркие примеры героизма моряков показаны в очерке специального корреспондента «Известий» Петра Никитина «Атака», опубликованном 17 марта 1942 года. Приводим некоторые выдержки из этой публикации.

«Атакующие движутся вперед без остановок. Слышно хриплое дыхание бегущих людей. Уже краснофлотцы сбросили полушубки, летят на снег шапки, бушлаты. Моряки на ходу надевают бескозырки с лентами и в пилотках, тельняшках, с автоматами в руках, с гранатами за поясами мчатся неуправляемой лавиной.

Подразделение капитан-лейтенанта Никульшина впереди. Он сам, высокий и спокойный моряк, слегка прищурясь, с папиросой в зубах бросает отрывочные команды. Направляет людей на ликвидацию узлов сопротивления. Бок о бок с ним комиссар Симков. Моряки блокируют пять дзотов. Оттуда

строчит пулемет. Темп продвижения замедляется, тогда поднимается комиссар и кричит:

- Орлы мои, за мной!

Уже вражеская пуля сразила краснофлотца автоматчика Филоненко. Он падает в снег и передает автомат Мертвиченко. Он просит товарищей:

- Отомстите гадам!

Фашистские автоматчики окружили пулеметный расчет старшины первой статьи Александра Блинова.

- Нет, не пройдет, — кричит Блинов, расстреливая фашистов в упор. А когда вышли патроны, он с гранатами в руках пробился к своим.

Участник боев под Одессой краснофлотец Хрущ вырывается вперед. Его тельняшка мокрая, штык в крови. Лицо в пороховой копоти. Падает старший лейтенант Дмитрюк, команду принимает командир взвода Скороходов. Он уничтожает четверых фашистов, а пятый его ранит. Тогда Хрущ кричит:

- Слушай мою команду! Гвардейцы, вперед!

Лавина атакующих мчится, сметая с пути фашистов. На земле остается гряда вражеских тел».

Вслед за пехотинцами шли артиллеристы. Они били с открытых позиций. Командир орудия Дваченко, пользуясь туманом, выдвинул орудие впереди пехоты, расстрелял немецкий орудийный расчет, захватил 200 снарядов.

К 13 часам 8 марта подразделения 76-й морской бригады продвинулись вперед на 5 километров, захватили хутора Степановский и Грунтовский, северо-восточные скаты высоты 101.

О том, что произошло дальше, корреспондент «Известий» не рассказал. Возможно, он и сам не знал всех дальнейших обстоятельств этого боя. Скорее всего не так.

Ведь материал в газете был напечатан спустя неделю после начала наступления. Вторая половина дня 8 марта для моряков стала трагической, они вынуждены были отступить с занятых позиций, при этом понесли большие потери. О таких вещах, о том, как порой безответственно бросались солдатскими жизнями, о проигранных боях и других отрицательных фактах не принято было писать.

А произошло следующее. 339-я стрелковая дивизия, находившаяся справа, тоже на рассвете 8 марта совместно с 76-й и 68-й стрелковыми бригадами перешла в наступление. Она должна была к исходу дня овладеть Демидовкой, высотой 108, хуторами Самарский, Возыкин № 2. Ее части переправились по льду через Миус. Пехотинцы, преодолев сопротивление противника, устремились на штурм высоты. Немцы обрушили на наших бойцов бомбовые удары, сильный артиллерийский и минометный огонь. Под давлением превосходящих сил противника наши воины отошли назад.

В этом бою совершил самоотверженный подвиг сержант 2-го батальона 1135-го Сальского стрелкового полка Агеев Владимир Иванович. Участвуя в наступлении в составе блокировочной группы, он подполз к немецкому дзоту и уничтожил его вместе с солдатами. На обратном пути его отрезала группа немецких автоматчиков, задавшаяся целью захватить его живым.

- Рус, сдавайся, — кричат немцы.

В ответ посыпались автоматные очереди.

Агеев отстреливался до последнего патрона. Когда немецкие автоматчики попытались взять его живым, он гранатой подорвал себя вместе с приблизившимися к нему вражескими солдатами. Агееву шел 25 год. Он был посмертно награжден орденом Ленина

68-я морская стрелковая бригада, наступавшая слева от 76-й бригады, достигнув высоты 101,0, закрепиться здесь не смогла. Она вынуждена была под натиском врага отойти назад. Случилось так, что фланги 76-й морской стрелковой бригады оказались незащищенными.

Подтянув силы, в 14 часов 8 марта немцы контратаковали позиции 76-й бригады, подвергли их бомбардировке. 11 немецких танков южнее высоты вышли во фланг первого батальона. Первые вражеские удары моряки героически отражали главным образом стрелковым оружием, гранатами, бутылками с зажигательной жидкостью, так как у артиллеристов бригады и у полковых минометов был израсходован весь боезапас. Танков у моряков не было. До 16 часов моряки удерживали занятые позиции, показывая пример отваги и мужества. Краснофлотец 1-го стрелкового батальона И.А. Шевченко вскочил на вражеский танк, ведший огонь из пулемета по морякам, согнул пулемет, стрелял по смотровым щелям до тех пор, пока не кончились патроны. Выбрав удобный момент, он соскочил с танка, остался целым и невредимым.

Однако у немцев было превосходство в силе. Немецкие танки остановить не удалось. Батальоны начали отход, неся большие потери. Первый батальон был рассеян, только глубокой ночью было собрано из батальона около 100 человек, в атаку утром шли 616 человек. Во втором батальоне осталось около 200 бойцов. Части бригады отошли на исходный рубеж, потеряв за день 1312 человек.

Погибло много замечательных воинов, преданных своей Родине и своему народу, в том числе командир 1-го батальона капитан 3-го ранга А.И. Лакотош, командир роты старший лейтенант В.В. Кравцевич, помощник командира роты автоматчиков выпускник морского училища П.П. Быстров, командир и политрук пуле-

метной роты 2-го стрелкового батальона Плетин и Куликов и другие.

Рано утром 9.03. бригада снова пошла в наступление с той же задачей, что и 8 марта, — овладеть высотой 101,0. Для этого ночью было организовано два отряда. Один в составе 148 человек — из оставшихся воинов 2-го стрелкового батальона, другой — в составе одной роты 1-го стрелкового батальона, минометной роты и двух взводов противотанковых ружей. Отряды захватить высоту не смогли, понеся потери, они вернулись в исходное положение.

Не дало успеха и наступление 10 марта. В итоге трехдневных боев бригада потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 1632 человека.

15 марта командир 2-го гвардейского стрелкового корпуса приказал командиру бригады во что бы то ни стало, взять высоту. В стрелковых подразделениях осталось очень мало активных штыков, в бригаде подчистили все резервы и наскребли только 80 стрелков. Этот отряд с 395-м стрелковым полком и 68-й морской бригадой пошел в атаку, в ходе боя было потеряно 30 человек. Овладеть высотой не удалось.

8 марта перешла в наступление и 68-я морская стрелковая бригада. Два ее батальона — первый и третий — имели задачу занять Новоселовский и далее наступать на высоту 101,0, второй батальон — на село Ряженое.

В 6 часов утра подразделения бригады сосредоточились вдоль железнодорожного полотна у хутора Колесниково. Намечавшаяся артподготовка из-за недостатка боеприпасов не проводилась. В 7 часов стрелковые батальоны по льду перешли реку Миус. За рекой начиналась пойма — она тянулась до хутора Новоселовский - открытое, простреливаемое противником поле. Ночью и

утром мела поземка, дул пронизывающий холодный ветер. И теперь вся пойма была в замерзших, занесенных снегом кочках. Передвигаться и маскироваться было трудно. Набухшие и промерзшие овчинные полушубки затрудняли движение воинов.

Первый батальон старшего лейтенанта М.Г. Дубинина смял боевое охранение противника и начал атаку хутора Новоселовского. Моряки ринулись вперед. Продвижению мешал вражеский пулемет. Старшина 1-й статьи Николай Сохин подполз к окопу, снял немецкого солдата и, продвигаясь по окопу, добрался до амбразуры дзота, из которого стрелял пулемет, бросил в него гранату. Огневая точка замолчала. Первыми ворвались в траншею автоматчики взвода главстаршины А.М. Грунского. Натиска моряков немцы не выдержали. Бросив убитых у противотанковых орудий, они вынуждены были бежать. Хутор был взят.

Наступление продолжалось, моряки шли вперед, к высоте 101,0. Второй батальон ворвался в село Ряженое и вел бои за мост через Миус.

Батальоны напористо преследовали отходившего противника. По мере продвижения к высоте сопротивление противника росло, вступали в действие новые огневые точки, усиливался огонь из всех видов оружия по наступающим подразделениям.

В трудном положении оказались первый и третий батальоны, наступавшие по южным скатам высоты 101,0. Они попали под фланкирующий огонь противника из дзотов и домов села Ряженое. Усилился огонь из винтовок и автоматов, пулеметов и гаубиц. Подразделения залегли. Батальоны несли потери. Нужно было вырваться из зоны огня. По цепям была дана команда: «Броском вперед!» Стремительным рывком моряки вырвались из-под огня и по-

бежали вперед, вверх, к вершине высоты. После упорных боев в середине дня батальоны бригады вместе с батальонами 76-й мотострелковой бригады высоту взяли. Однако закрепиться на ней и достигнутых рубежах им не удалось.

Во второй половине дня из района 4-х курганов в направлении Ряженое и высоты 101,0 появилось более 10 танков противника с пехотой. Немецкие автоматчики и танки атаковали второй батальон, вытеснили моряков из Ряженого, затем танки обрушили огонь по высоте, нанесли удар по первому и третьему батальонам. Моряки стойко сражались, матрос В.Я. Глушко, старший матрос Алексей Воловик бутылками с горючей жидкостью уничтожили два танка. Но теми силами, которые имелись у моряков, остановить немецкие танки было невозможно. Противотанковой артиллерии не было. Артиллерийский дивизион бригады в бою не участвовал, так как только вечером 8 марта подошел из Ростова к хутору Колесниково.

Стрелковые батальоны бригады до поздней ночи отходили на исходные позиции. Они понесли большие потери. На поле боя смертью храбрых пали сотни офицеров и матросов. Среди них командиры батальонов майор Лебедев П.А., старший лейтенант Дубинин Г.М., командиры рот Моисеев А.И., Ковалев И.Г., командиры взводов Бородин П.А., Спицын А.И.

9-10 марта бригада также вела наступательные бои, но восстановить достигнутое в первый день, а затем утраченное, она, как и другие части, не смогла. За три дня боев бригада потеряла убитыми и ранеными 2100 человек, почти половину личного состава.

За неудачное наступление, понесенные большие потери командир бригады капитан 2-го ранга Г. А. Иванов

был отстранен от должности. В командование бригадой вступил полковник А.Я. Шаповалов.

Оставаясь в составе 3-го гвардейского стрелкового корпуса, 68-я морская стрелковая бригада была переброшена на другие участки, получила задание прорвать оборону в районе хутора Бузинов и развивать наступление на Таганрог. Здесь части бригады вели наступление 14-15-16 марта. Но прорвать оборону не смогли.

В боях с 8 по 17 марта 68-я ОМСБ потеряла 2532 человека, в том числе убитыми 639 человек, ранеными и пропавшими без вести 1893.

Представитель Генерального штаба при 56-й армии капитан Н.Д. Салтыков (впоследствии генерал-майор), свидетель этих боев, в своем отчете в Генеральный штаб о ходе мартовских боев, а затем и в своих мемуарах отмечал мужество и стойкость моряков, как и слабость морских бригад, в том, что они порой пренебрегали тактикой пехоты: самоокапыванием, маскировкой. Он писал: «Героизм бойцов морских бригад был выше всяких похвал. Многие моряки встречали атаку немецких танков стоя, стреляя навскидку, из винтовок и автоматов по смотровым щелям. На наших глазах эти безумные смельчаки были поражены огнем, либо гибли под гусеницами.

Сломить боевой дух этих людей не удалось. Они героически умирали, но не отступали и не сдавались».

Поэт, наш земляк, ростовчанин Анатолий Сафронов в поэме о Миусе, моряках, штурмовавших высоту 101,0, писал:

«Как выл свинец, как резали осколки

Траву и камень, глину и песок.

Как падали средь трав осенних, колких,

*Зажав рукой простреленный висок.
Но он все полз, на камнях оставляя
Кровавый след, на гребень высоты.
И кровь его, горячая, живая,
Кропила не умершие цветы.
И он дополз, рука его разжалась,
И замер он, навеки молодой,
И бескозырка на камнях осталась,
Над той крутой сто первой высотой».*

* * *

Командование Южного фронта ежедневно докладывало в центр о ходе наступательной операции. Вот одна из телеграмм:

«Верховному Главнокомандующему.

8 марта центром перешли в наступление в направлении Матвеева-Кургана. Успеха не имели. К исходу дня встретили упорное сопротивление противника, сопровождаемое танковыми контратаками. Вели бои на рубеже: Демидовка, Шапошников, вост. скаты высоты 105,7, Степановский, Ряженое, Рясное, Соленый, в восьми километрах восточнее Покровское.

Малиновский, Ларин, Корниец».

(Малиновский — командующий фронтом, Ларин, Корниец — члены Военного совета фронта).

В телеграмме за 9 марта 1942 года указывалось:

«Удерживая флангами прежние рубежи обороны, центр продолжал наступление Матвеев-Курган - Пименов. К исходу дня части встретили упорное сопротивление и контратаки пехоты противника с танками.

Продолжаем вести бой — восточная окраина Демидовки, Шапошников, восточные скаты высот, Ряженое, восточная окраина Рясного».

В телеграмме за 7 марта сообщалось о причинах переноса нашего наступления на 8 марта.

У Цыганова, говорилось в ней, к исходу дня недостает боевого питания. Поэтому по разрешению главкома отложено наступление до утра 8 марта (Цыганов В.В. — командующий 56-й армией. Главком — командующий Юго-Западным направлением Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко — прим. автора).

В ночь на 16 марта наступление на всем участке прорыва фронта противника было приостановлено. Соединения и части проводили перегруппировку сил, готовились к новым боям. Много пришлось потрудиться, особенно в первые дни, военным врачам, медицинским сестрам, санинструкторам. Бои шли кровопролитные. Войска несли большие потери. В первый день наступления 8 марта по справке штаба армии убиты 772 человека и ранены 1728 солдат и офицеров. Много оказалось обмороженных. Если же вести учет потерь в этот день по данным частей и соединений, то число убитых и раненых намного превышало названные цифры.

Конечно, в суматохе боя, продолжавшегося днем и ночью, невозможно было сразу подвести точные итоги потерь, но не исключено и другое.

Существовала в армии и практика, когда донесения, идущие «снизу», по мере движения «наверх» зачастую корректи-

ровались, преуменьшались свои потери, увеличивались потери противника.

В боевых порядках находились санинструкторы, фельдшеры, которые проявляли мужество и отвагу, под огнем противника оказывали помощь раненым. Санинструктор 1-го батальона из 76-й морской бригады комсомолка Наталья Воронина вынесла с поля боя 25 раненых, фельдшер этого батальона Ольга Маслюченко — 30 раненых бойцов и командиров, фельдшер Мария Котельникова из 30-й стрелковой дивизии оказала помощь 30 раненым.

Однако не всех раненых подобрали на поле боя, не всем им была оказана помощь. У военных медиков не хватало сил.

Большую заботу о спасении раненых проявили местные жители.

По полю, где шел бой, ходили три сестры — Ольга, Мария и Евдокия Московые. С ними Коробчанская Наташа. Это были девушки из Матвеева-Кургана. Они прислушивались к телам лежавших солдат, если человек подавал признаки жизни, то они на санках доставляли раненых домой.

Колхозница Прасковья Устиновна Московская организовала в своем доме своеобразный медицинский пункт. Она вместе с дочерьми и сыном Анатолием наладила доставку с поля боя раненых и оказывала медицинскую помощь, затем переправляла их в санитарную часть 1133-го стрелкового полка 339-й стрелковой дивизии.

К семье старшего лейтенанта — моряка Романа Дмитриюка пошло извещение от командования 76-й морской стрелковой бригады о том, что он был убит в бою 8 марта.

9 марта Мария Московская и ее подруги остановились у блиндажа, услышали: стонет человек. В блиндаже оказался наш офицер. Он еле подавал признаки жизни. Тяжелоране-

ным он сутки пролежал здесь. Еле живого и обмороженного офицера девушки доставили домой.

Старший лейтенант Дмитриук остался жив, продолжал сражаться с врагом. За отличия в боях против немецких оккупантов награжден многими орденами и медалями.

Матвеевокурганцы хорошо знали капитана 2-го ранга в отставке Романа Дмитриука. Он не раз бывал в Матвеевом Кургане, на месте боев в марте 1942 года, у могил своих боевых товарищей, у своих спасителей. Последний раз он посетил Матвеев Курган в 1992 году, когда ему было 90 лет.

В спасении жизней раненых принимали участие жители Матвеева Кургана Нина Андриенко, Евдокия Коробчанская, Мария Куленко и другие девушки и женщины.

В газете 56-й армии «За нашу Родину» от 13 марта 1942 года была помещена корреспонденция «Патриотки». В ней говорилось, что во время штурма нашими подразделениями в районе Матвеева Кургана укреплений врага на поле боя бойцы и командиры заметили трех девушек, помогавших раненым. Они назвались сестрами Московыми, жительницами Матвеева-Кургана: Евдокия, Ольга и Мария пробирались на самые опасные участки и выносили раненых, отправляли их домой, оказывали посильную помощь.

Замечательные советские патриотки вынесли с поля боя 67 раненых бойцов и командиров. Командир части майор Алиев объявил девушкам благодарность и от имени личного состава отметил их героическую работу. О патриотках в газете рассказал военврач 2-го ранга Крахт.

Приказом по 56-й армии от 31 марта 1942 года № 02/п Коробчанская Наталья Васильевна за оказание помощи раненым и проявленное при этом мужество была награждена медалью «За отвагу».

Андриенко Нина Ивановна, Московская Ольга Сергеевна, Туринова Евдокия Егоровна и другие, участвовавшие в спасении раненых, были награждены медалями «За боевые заслуги».

Мария Московская добровольно пошла на фронт в составе 339-й стрелковой дивизии, а затем, после ранения, — 417-й стрелковой дивизии, прошла по дорогам войны тысячи километров, спасая жизни раненых, встретила День Победы в Прибалтике.

За участие в Великой Отечественной войне она награждена государственными наградами. После войны долгие годы трудилась в районной больнице. Жила в Матвеевом Кургане. Умерла в 2005 году.

О славной патриотке, русской женщине Марии Сергеевне Московской не раз печатались очерки и заметки в газетах.

О ней рассказано и в киножурнале «По Дону и Кубани» (№ 12, 1979 г.)

2-Я ГВАРДЕЙСКАЯ

Эта дивизия, наряду с тремя морскими стрелковыми бригадами, в которых было более 12 тысяч активных штыков, представляла важную силу в ударной группировке. Она имела уже значительный боевой опыт, одним из первых соединений Красной Армии в 1941 году получила наименование 2-й гвардейской стрелковой дивизии. Ее бойцы и командиры героически сражались с гитлеровцами до Миуса под Смоленском, Ельней, Тимом и Курском. В феврале 1942 года дивизия вошла в состав 3-го гвардейского стрелкового корпуса и вела бои в районе Миуса под Таганрогом до 17 июля 1942 года.

Дивизия в годы войны награждена орденами Красного Знамени, Суворова II степени. Ей присвоено наименование Таманской. С мая 1946 года Гвардейская Краснознаменная Таманская дивизия ежегодно участвовала в военных парадах на Красной площади. (До тех пор, пока они проводились.)

Дивизия наиболее полно была укомплектована личным составом по существовавшим в то время штатам.

На 1 марта 1942 года в дивизии насчитывалось начсостава 695 человек, младшего начсостава 1439, рядового 9176, всего 11310 человек. В дивизии имелось лошадей — 1680, винтовок — 3045, пулеметов станковых - 54, ручных пулеметов — 304, автоматов ППШ — 89, ПТР — 152, орудий — 122, гаубиц — четыре, 76-миллиметровых пушек — 46, 45-миллиметровых — восемь, 37-миллиметровых — две, минометов разных калибров — 172, автомашин — 195 (АМО, ф. 1047, о. 1, д. 1, л. 40).

5 марта 1942 г. 2-я гвардейская стрелковая дивизия заняла оборону по реке Миус на участке хутор Денисовский — станция Ряженое.

8 марта в 5 часов 30 минут дивизия перешла в наступление, имея задачу форсировать реку Миус на участке Бедновский, юго-восточная окраина села Ряженое, овладеть высотами, что в двух километрах южнее Ряженое, и хуторами Некрасов, Шароны, курганом Мальчевским.

Командир 395 стрелкового полка этой дивизии подполковник А.Х. Бабаджанян ранним морозным утром перед началом атаки, в черной бурке, проскакал на серой, в яблоках лошади, воодушевляя бойцов, воскликнул: «Гвардейцы, вперед!»

Бойцы устремились в атаку, преодолели обледенелую насыпь, вышли на снежную равнину, ускорили свой шаг, стремясь быстрее захватить первые домики села Ряженого. По переднему краю противника изредка била наша артиллерия. Он молчал. Вдруг, когда на снежном ровном поле появились бежавшие цепи наших стрелков, противник открыл артиллерийский и пулеметный огонь. Пули преградили путь бойцам. Падают убитые и раненые. Оказалось, что огневые точки противника не были подавлены при артподготовке, они ожили. Преодолевая сопротивление врага, наши пехотинцы продвигаются вперед, к хатам и сараям, через огороды и сады, приблизились к камышам, подошли к реке. Массированный огонь противника нарастал.

Тесня неприятеля, гвардейцы медленно продвигаются вперед. Враг переходит в контратаки. В течение первой половины дня гвардейцы отбили две контратаки.

В отражении атак большую помощь оказали артиллеристы 423-го артиллерийского полка. Батарея Михаила Шкаря выдвинулась вперед, подбила 3 танка.

Наступление вели и другие полки дивизии. За день упорного боя дивизия подошла к окраине хутора Панченко и в устье балки Паровая. Но оборона противника не была прорвана на всем направлении. Задача, поставленная перед дивизией, полностью не была выполнена.

«8.03. 422-я гвардейская СД в течение дня вела упорные бои в западной части Ряженого, вышла на северную окраину Панченко. В конце дня противник силою до роты автоматчиков и 10-11 танков контратаковал передовые части 2-й гвардейской СД южнее Ряженого. Отсутствие противотанковых орудий в первой линии войск, слабое и несвоевременное использование ПТР и батальонной артиллерии привело к большим потерям и частичному отходу. Атака танков противника была отражена огнем артиллерии» (АМО, ф. 228, о. 701, д. 1057, л. 41).

Добавим, что в дивизии гвардейские кадры составляли небольшую часть. Основная масса состава была сырым материалом, недостаточно подготовленным к боевым действиям, и не случайно при появлении немецких танков отдельные подразделения дрогнули, стали бежать. Большими усилиями удалось восстановить положение.

В течение 9 марта в полках дивизии проходило пополнение стрелковых подразделений, подготовка к новому наступлению.

10 марта в 12.00 части дивизии перешли в общее наступление. Противник оказал сильное огневое сопротивление. 875-й и 395-й гвардейские полки продвинулись вперед, уничтожив один танк, три бронемашины противника, много гитлеровцев. Наступающей пехоте недостава-

ло огневой артиллерийской и минометной поддержки. Минометный дивизион из-за отсутствия боеприпасов боевых действий не вел. Он находился в тылу в районе села Политотдельского. В этот день части дивизии предприняли несколько атак на позиции немецких войск, но они сильным и организованным огнем из всех видов оружия противником были отбиты.

Командир дивизии полковник К.П. Неверов и начальник штаба дивизии подполковник Цыпеля в донесении в вышестоящий штаб писали:

«10 марта. Противник переходит с танками (20 на правом фланге и 12 на левом) в контратаку. Подтянув из резерва до батальона пехоты из района балки Паровая, Панченко, упорно обороняется.

Части дивизии понесли большие потери и к исходу дня 10 марта были отведены на восточный берег реки Миус, заняв исходное положение для атаки. 875-й гв. СП в течение дня пять раз переходил в атаку, 395-й гв. СП — три раза. (АМО, ф. 1047, о. 1, д. 21, л. 337).

5 раз в течение дня подниматься в атаку и откатываться назад! Сколько же надо воинам иметь физических и моральных сил!

В батальонах осталось менее половины солдат. Попробуй взять дзоты, другие укрепления противника, когда беспрерывно изрыгаются автоматные очереди, бьют пушки и минометы, идут танки, если наши атаки не поддерживаются в полной мере артиллерией, танками и авиацией.

Войскам же предписывалось, во что бы то ни стало, наступать, взять намеченный рубеж.

Командир дивизии полковник Неверов прибыл на наблюдательный пункт 875-го стрелкового полка.

-Почему полк топчется на месте, подполковник? — сурово спросил он у командира полка М.И. Добровольского.

-Три раза уж поднимал в атаку полк, сбивал с занимаемых позиций, но закрепиться не смог, нещадно бомбит немецкая авиация, противник пускает в бой танки, со всех видов оружия поливает свинцом.

-А мы разве думали, что немец будет вас поливать одеколоном? — парировал комдив.

После трехдневных наступательных боев дивизия произвела смену частей 347-й-стрелковой дивизии. 12 марта противник активных действий не проявлял. 13 марта полки оставались на занятых рубежах. На переднем крае находились отряды прикрытия. Главные силы были отведены на отдых и на приведение себя в порядок, подготовку к новому наступлению.

С 14 марта по 2 апреля части дивизии почти каждый день атаковали передний край противника, вели упорные бои. Однако атаки не приносили успеха. В результате этих атак росли потери. Полки основательно поредел.

2 апреля 1942 года — сообщается в боевом донесении-части дивизии перешли в наступление на высоту Соленая. Были встречены сильным огнем. Успеха не имели.

395-й гв. стрелковый полк ко 2 апреля имел активных штыков: 1-й батальон — 62, 2-й батальон — 61, 3-й батальон — 48, автоматчиков и разведчиков — 78, ручных пулеметов — 16, станковых — 15, орудий 76-миллиметровых — четыре, минометов 82-миллиметровых — 19.

535-й гв. стрелковый полк имел активных штыков: 1-й батальон - 130, 2-й батальон — 52, 3-й батальон — 85. (АМО, ф. 1043, о. 1, д. 21, л. 97.)

Из донесения видно: в трех батальонах 395-го полка осталось 245 активных штыков или примерно две роты, перед наступлением 8 марта было более тысячи. Две третьих состава потерял 535-й полк.

Упорные наступательные бои 2-й гвардейской стрелковой дивизии в районе станции Ряженое успеха не принесли. Ее части понесли большие потери. После боев за высоту Соленая дивизия была выведена во второй эшелон 56-й армии. Здесь она пополнилась людьми и вооружением. В середине июля дивизия заняла оборону севернее Таганрога.

В конце июля вражеские войска перешли в наступление. Войска Южного фронта оказались в очень трудном положении и вынуждены были отходить. Вместе с ними отходила и 2-я гвардейская дивизия за Ростов, на южный берег Манычского канала.

30-Я ИРКУТСКАЯ

В атаке 8 марта участвовали и полки 30-й Иркутской стрелковой дивизии — одной из старейших дивизий в Красной Армии. Она была сформирована в 1918 году, называлась Уральской, в 1938 году была переименована в 30-ю стрелковую дивизию. Эта дивизия участвовала во многих боях в годы гражданской войны в Сибири, на Урале, в Крыму, на Украине, в разгроме Колчака и Врангеля. В годы гражданской войны дивизией командовал видный полководец В.К. Блюхер (1890-1938), Маршал Советского Союза, расстрелянный в годы сталинских репрессий. За отличие в боях в гражданской войне дивизия была награждена двумя орденами Красного Знамени. В декабре 1942 года 30-я дивизия была преобразована в 55-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

С 5 декабря 1941 г. по 19 июля 1942 г. дивизия находилась на рубеже Ряженое, балки Ряженая, Турково, х. Седовский, прочно удерживала и проводила частичные операции по улучшению своего положения. Дивизия активно участвовала в октябре-ноябре 1941 г. в боях против армии генерала Клейста, рвавшейся к Ростову.

Дивизия после осенних боев 1941 года полностью не была укомплектована личным составом и вооружением.

На 1 марта дивизия насчитывала в своих рядах 7531 воина: рядовых — 5382 человека, младшего начсостава — 1327, офицеров — 822, орудий: 122-миллиметровых гаубиц — восемь, 76-миллиметровых пушек — 26, 45-миллиметровых — 10, минометов 82-миллиметровых и 50-миллиметровых — 41, автомашин — 178.

Перед наступлением в частях и подразделениях дивизии были проведены партийные и комсомольские собрания, ми-

тинги, беседы, которые свидетельствовали о высоком моральном духе бойцов и командиров. На одном из митингов красноармеец Николай Иванович Гальский, украинец, орудийный номер, сказал:

- Теперь надо идти только вперед, освободить нашу советскую Украину от немецких оккупантов.

Все ждали сигнала к атаке. И вот он наступил.

Утром 8 марта бойцы дивизии совместно с 13-й отдельной стрелковой бригадой, которая временно была переподчинена 30-й стрелковой дивизии, перешли в наступление.

Перед наступающими была поставлена задача прорвать оборону противника на рубеже каменоломни, что в двух километрах севернее Рясного, овладеть Рясным и в дальнейшем наступать вдоль линии железной дороги на балку Джериганова, а к исходу дня овладеть северной окраиной села Покровского.

Атакующие встретили упорное сопротивление. Группа немецкой пехоты и огневые точки противника, не подавленные огнем нашей артиллерии, подпускали наши стрелковые цепи поближе и расстреливали их в упор. Пехота несла значительные потери. После неоднократных попыток части дивизии и стрелковой бригады смогли прорваться в первые окопы противника.

Командир 71-го стрелкового полка 30-й дивизии И.М. Ковалев с наблюдательного пункта видел всю картину боя. Он с болью переживал неудачу наступления и потери, которые несли батальоны. Вот и первое донесение, поступившее к нему: убито 100, ранено более 200 солдат и офицеров. Противник, поддержанный танками, неоднократно переходил в контратаки. 71-й стрелковый полк за день отразил 4 атаки танков и пехоты, поджег один и подбил 4 танка противника.

Во второй половине 8 марта враг бросил в бой 10 танков с десантом автоматчиков. Кучно рвались снаряды. Не смолкали пулеметы. Бронированные машины подходили все ближе. Вот уже ясно видна черная свастика. Артиллеристы по команде открыли огонь по танкам. Несколько машин были подбиты, остальные отошли.

В отражении вражеской атаки проявил героизм командир орудия 76-миллиметровых пушек Иосиф Власович Котов, он выкатил орудие на открытую позицию и прямой наводкой уничтожил танк. Отважно действовал красноармеец Петр Антонович Кружилин. С криком «Ура!» он бросился на пытавшихся его окружить гитлеровцев, ведя огонь из автомата и забрасывая врагов гранатами. Подошедшие ему на помощь бойцы вступили в рукопашную схватку, в которой было уничтожено несколько десятков немецких солдат. Сам Кружилин уничтожил семерых фашистов. Атака немцев была отбита.

Несмотря на ожесточенное сопротивление противника, части дивизии и стрелковой бригады к исходу дня продвинулись вперед в районе каменоломни, заняли два кургана, балку Турково. Многие бойцы и командиры проявили героизм и отвагу.

Огонь из вражеского блиндажа преградил путь нашей пехоте. Политрук пулеметной роты Серафим Ильич Хорочук подполз к нему и гранатами забросал его, уничтожив находившихся в блиндаже вражеских солдат.

11 бойцов из 7-й роты 71-го стрелкового полка 30-й дивизии во главе с политруком роты Г.И.Гардеманом и командиром взвода А.К. Даниловым вступили в поединок с девятью фашистскими танками, пытавшимися овладеть важным опорным пунктом-каменоломней. Они отражали ата-

ку немцев до последнего дыхания. Все они пали смертью храбрых, но не отступили.

***

Это произошло 8 марта 1942 года на реке Миус в районе села Ряженое.

71-му полку 30-й стрелковой дивизии была поставлена задача: во взаимодействии с танкистами 63-й отдельной танковой бригады выбить немцев из каменоломни и перерезать железную дорогу Матвеев Курган — Таганрог. Эта дорога имела для противника важное значение, она была связующим звеном для таганрогской группировки войск.

Утром 8 марта полк перешел в наступление, на ответственном участке наступала 7-я рота 3-го батальона под командованием политрука Г.И. Гардемана.

***

7-я рота была одним из самых лучших, закаленных в бою подразделений не только в 71-м стрелковом полку, но и во всей 30-й Иркутской стрелковой дивизии.

В этом большая заслуга принадлежала командиру роты Владимиру Венедиктовичу Есауленко. Боевое крещение лейтенанта Есауленко состоялось в сентябре 1941 года на подступах к Донбассу, сразу проявились его незаурядные командирские способности.

Десятки боев провела рота в ожесточенных, кровопролитных боях при отражении атак превосходящих сил немецкого генерала Клейста. Находясь на самом ответственном оборонительном участке Дьяково-Куйбышево-Ряженое осенью и зимой 1941 года, нанесла значительные потери фашистским захватчикам. Бойцы роты, даже когда складывалась

крайне опасная обстановка, ни в одном бою не дрогнули, смело отражали атаки, выходили победителями.

Заслуженной любовью у бойцов пользовался и политрук роты Григорий Иванович Гардеман. Он душевным словом, личным примером поднимал настроение людей. Как и командир роты, политрук, когда требовала боевая обстановка, шел впереди.

Однажды на роту пошли в контратаку 6 танков противника и до двух рот автоматчиков. Казалось, что подразделению без поддержки танков не устоять под натиском превосходящих сил. Бойцы отразили атаку гитлеровцев, те понесли большие потери. И первым показал пример сам командир. Метким броском связки гранат он остановил немецкий танк, второй танк бутылкой с горючей жидкостью поджег политрук.

29 января 1942 года рота участвовала в штурме вражеского опорного пункта у Ряженого. Пехотинцы оттеснили немецких солдат, ворвались в село. Лейтенант Есауленко шел в цепи атакующих. Он лично гранатами уничтожил дот с прислугой.

Вражеская пуля смертельно ранила лейтенанта Есауленко.

- Бейте крепче фашистов, — были последние слова умирающего отважного командира. Всего несколько десятков километров не дошел он до своего родного города Амвросиевки, что в Донецкой области.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27.03.42 г. за проявленные в боях героизм и отвагу Владимиру Венедиктовичу Есауленко посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Лейтенант Владимир Венедиктович Есауленко родился в 1912 году в г.Амвросиевке Донецкой области. В Красной

Армии служил с 1934 по 1936 и с 1941 года. С самого начала войны работник Сочинского санатория №4 командир запаса Есауленко просил городского военкома направить его на фронт, но военный комиссар не хотел расставаться со своим надежным помощником, хорошо обучавшим военному делу призванных из запаса и бойцов истребительного батальона. И лишь в августе 1941-го призвал его в армию.

В сентябре командир стрелковой роты Есауленко получил боевое крещение на подступах к Донбассу. В наградном листе о присвоении ему посмертно звания Героя Советского Союза, подписанном командиром 30-й стрелковой дивизии полковником Потехиным, приводятся факты, рассказывающие об успешных боевых действиях роты, которой командовал Есауленко, и личном мужестве и отваге ее командира. Вот некоторые из них:

29 сентября 1941 г. рота разгромила немецкий батальон, уничтожила до 200 человек.

30 октября в районе Спасское, выходя из окружения, рота уничтожила до 100 человек. Сам лично Есауленко захватил двух пленных.

23 октября при обороне села Куйбышево лично прямой наводкой из 76-мм орудия уничтожил 4 автомашины с пехотой противника.

28 октября 1941 г. у хутора Петровского рота вывела из строя до 150 вражеских солдат. Есауленко лично из захваченного пулемета рассеял до роты пехоты противника.

О боях в Ряжене уже сказано.

В городе Амвросиевке, где работал В.В.Есауленко, одна из улиц носит его имя. В селе Ряженое, где погиб бесстрашный командир, именем Есауленко также названа одна из улиц.

Политрук Гардеман Г.И. остался во главе подразделения.

8 марта бойцы 7-й роты, с помощью танков преодолев проволочные заграждения, в дружном порыве ринулись на врага. Атака была настолько стремительной, что гитлеровцы начали отступать. Бойцы уничтожали убегающих немцев меткими выстрелами. Наши пехотинцы ворвались в первую траншею противника.

- Не останавливаться! Не дадим фашистам уйти живыми, — крикнул Гардеман. Бойцы вслед за политруком побежали, буквально в несколько секунд настигали отходивших солдат и офицеров противника и расстреливали их. Следуя по пятам противника, наши стрелки ворвались во вторую линию окопов.

Преследуя отступающих фашистов, первый взвод 7-й роты, в которой находился политрук Гардеман, выдвинулся далеко вперед и занял важную высоту, которая на военных картах обозначалась — 82,8. Два других взвода 7-й роты, прижатые огнем противника, остались позади. Не смогли продвинуться дальше и наши танки. Приостановлено было наступление и других подразделений 71-го стрелкового полка.

Прибывший связной передал политруку Гардеману распоряжение командира полка: закрепиться на высоте и стойко ее оборонять.

Создалось критическое положение. На занятой высоте оказалась только часть взвода. Остальные бойцы продолжали бой в траншеях.

Командир взвода лейтенант Данилов только что прополз по цепи, пересчитал.

-С нами тринадцать, — доложил он Гардеману.

К бойцам обратился политрук.

- Немцы будут стремиться отвоевать высоту, на которой мы находимся, это очень важный рубеж. Наш долг - во что бы то ни стало, удержать высоту. С минуты на минуту надо ждать появления вражеских солдат и танков. Каждому быть готовым к отражению. Подготовить связки гранат, бутылки с горючей смесью. Танки и гитлеровцев как можно ближе подпускать и тогда уже бить наверняка. Нас мало. Но мы не из робкого десятка, бывалые воины. Вот передо мной Аслан Мусалимов, Алексей Мушта, Андрей Цымбал, имеющие на своем счету не один подбитый вражеский танк. Сержант Петренко, красноармеец Белозуб — опытные пулеметчики, не раз участвовавшие в отражении атак. Есть, кажется, два-три новичка среди нас. Советую поближе держаться к опытным, брать пример с них.

Передышка была недолгой. Раздосадованное неудачей, потерей важного рубежа, немецкое командование против горстки советских солдат бросило танки и много автоматчиков.

Послышался рокот моторов. Шум танков все ближе и ближе. Уже стали различаться их силуэты: один, второй, третий — всего девять.

Когда танк поравнялся с окопом, Гардеман бросил связку гранат под гусеницы. Танк остановился. Два других подбили воины Мусалимов и Цымбал. Пулеметчики Петренко и Белозуб метким огнем вывели из строя десятки пехотинцев.

Атака была отбита. Немцы стали отходить. Поредели и ряды гардемановцев. Погибли три человека, ранен был Гардеман.

Через несколько минут снова появились три немецких танка. Ведя огонь на ходу, они приблизились к траншее. Снова полетели в них гранаты, бутылки с горючей смесью. Под-

бит еще один танк. От огня наших бойцов погибли десятки оккупантов.

Взбешенные неудачей, гитлеровцы открыли по высоте ураганный артиллерийский и минометный огонь. После мощного огневого налета, посчитав, что на высоте уже нет никого в живых, немецкие танки и пехота начали новую атаку.

Но высота снова ожила. Когда вражеский танк подошел к траншее, политрук Гардеман, поднявшись во весь свой богатырский рост, с криком «Ура! За Родину!» бросил под танк последнюю гранату. В это время пулеметная очередь сразила Гардемана. Он упал на землю и, смертельно раненный, ослабевшим голосом прокричал: «Бейте фашистов, держитесь!». Танк подмял Гардемана под себя, глубоко втиснув в снег, но сам далеко не прошел. Лейтенант Данилов швырнул в него гранату, и танк затих.

Немецкие танки, зайдя с другого фланга, открыли орудийный и пулеметный огонь по советским героям. Оставшиеся в живых бойцы, как и их политрук, предпочли смерть, чем отход с поля боя. Они сражались до последнего дыхания. Почти пять часов продолжали этот неравный бой 13 наших бойцов под руководством Г.И.Гардемана. Родина высоко оценила этот бессмертный, героический подвиг. Все воины были посмертно награждены орденами Красного Знамени, а политруку Григорию Ивановичу Гардеману было присвоено звание Героя Советского Союза.

Об этом подвиге в сводке Совинформбюро за 16 марта 1942 года сообщалось:

“11 красноармейцев во главе с командиром взвода Даниловым и политруком Гардеманом выбили фашистов из укрепленной полосы и захватили окопы противника. Пытаясь вернуть утерянные позиции, гитлеровцы броси-

ли против 13 смельчаков 9 танков. Бутылками с горючей жидкостью и противотанковыми гранатами смельчаки подожгли один танк и два других подорвали. Остальные повернули обратно...

Когда гитлеровцы попытались зайти во фланг, политрук Г. И. Гардеман поднялся навстречу с гранатой в руке и остановил еще один вражеский танк..."

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

*на политического руководителя 7-й роты
71-го стрелкового полка 30-й стрелковой дивизии
Гардемана Григория Ивановича, 1907 года рож-
дения, еврея, рабочего, члена ВКП(б) с 1940 г. В
Красной Армии - с 41-го, в боях - с 28.07.1941 г. по
08.03.1942 г. Убит 08.03.1942 г.*

Представляется к присвоению звания Героя Советского Союза (посмертно). Домашний адрес: Николаевская область, Вереславский район, Вереславский зерносовхоз. Жена Гардеман Лидия Васильевна. Краткое описание подвига.

В период наступательных боев 04.12.1941 г. в районе хуторов Седовский, Ивановка под личным руководством тов. Гардемана личным составом 7-й стрелковой роты был уничтожен взвод фашистских солдат, захвачено 3 пулемета, 1 пушка, которую Гардеман использовал против фашистов в этом бою. В бою за Ряженое 27-28 января 1942 г. после гибели командира роты В. Есауленко Гардеман взял командование ротой на себя. 2 февраля 1942 г. в наступательных боях за опорный пункт каменоломни рота, руководимая Гардеманом, преодолев проводочные заграждения противника, ворвалась в расположение окопов, где штыками и гранатами нанесла потери противнику — более взвода.

08.03.1942 г. тов. Гардеман в районе каменоломни, своим малочисленным составом выбив немцев с переднего края укрепленной ими полосы, овладел окопами. Фашисты потеряли до полуроты своей пехоты и позиции. Для восстановления прежнего положения немцы пустили против 13 советских смельчаков 9 танков, за которыми шли автоматчики. Тов. Гардеман в этот сложный период вступил в абсолютно неравный бой. 13 советских воинов против 9 танков с автоматчиками не дрогнули, а все вместе обрушили имевшуюся силу огня - гранаты и ружейно-пулеметный огонь — по врагу. Гранатами и бутылками с горючей смесью тов. Гардеман и его бойцы уничтожили 1 танк, 2 подорвали. Однако остальные танки, зайдя с другого фланга, обрушили мощный орудийный и пулеметный огонь по советским героям. Гранаты были на исходе, танки набросились на окоп, политрук Гардеман с криками «Ура!» поднялся во весь богатырский рост и последней гранатой остановил ведущий танк. В это время вражеская пуля сразила командира-большевика тов. Гардемана. Умирал он, завещая уцелевшим бойцам биться до последнего дыхания. Все танки фашистов обрушились на окоп советских патриотов и зверски гусеницами раздавили доблестных сынов нашей Родины.

Командир 71-го стрелкового полка майор Ковалев.

Военный комиссар полка батальонный комиссар Пышный.

Командир 30-й стрелковой дивизии полковник Аршинцев.

Командующий Южным фронтом генерал-лейтенант Р. Малиновский и член военного совета И. Ларин.

81-Я МОРСКАЯ СТРЕЛКОВАЯ БРИГАДА

С утра 9 марта возобновилось наступление на всем участке прорыва обороны - с целью восстановить утраченные позиции наших войск, достигнутые 8 марта.

81-я морская стрелковая бригада в наступлении 8 марта не участвовала, находилась во втором эшелоне. В ночь на 9 марта 1942 года она сменила 68-ю морскую стрелковую бригаду и утром вступила в бой в районе хутора Колесниково, имея задачу овладеть высотой 101,0. Погода не благоприятствовала наступлению. 8 марта прошел мокрый снег, а в ночь на 9 марта ударил мороз, и правый берег Мисуса, поднимавшийся в сторону противника, напоминал ледяной каток. Чтобы достичь переднего края обороны, нужно было преодолеть просматриваемое пространство.

Батальоны бригады вышли на лед реки, противник обрушил на них артиллерийский и минометный огонь. Появились раненые и убитые.

Под покровом тумана моряки подошли к проволочным заграждениям на расстояние 50-70 метров. Туман рассеялся, и бойцы в черных шинелях стали хорошо видны противнику. Немецкие солдаты начали вести прицельный огонь из автоматического оружия, стрелки, понеся потери, залегли. Ротные и батальонные минометы, противотанковые пушки бригады молчали. На огневых позициях не было снарядов и мин. Утром доставили боеприпасы, открыли огонь пушки и минометы. Моряки приободрились, снова поднялись в атаку. Достигнув проволочных заграждений, они снимали шинели, бросали их на проволоку и перелезали через нее.

Бой нарастал. Бойцы дрались отважно и смело, выкуривая немцев из блиндажей.

Под натиском моряков немецкие солдаты оставили некоторые позиции. Враг оказал упорное сопротивление. Усилился артиллерийский и минометный огонь, подошли немецкие танки с автоматчиками.

Бойцы первого батальона снова были прижаты к земле. По зову командира батальона капитана Г.С. Панова бросились вперед. По танкам открыли огонь артиллеристы. Метко вели огонь командиры противотанковых орудий Иван Васильевич Хорохоркин и Иван Васильевич Романченко. Пошли в ход гранаты и бутылки с горючей смесью. Попад под прицельный огонь артиллеристов и стрелков, немецкие солдаты отошли назад.

Вскоре из-за высоты появились 11 танков противника. Они шли медленно, из башен виднелись головы наблюдателей. На танках сидели автоматчики. По позициям моряков противник произвел артиллерийский налет. Началась новая контратака.

Моряки не дрогнули, приняли бой, несколько раз ходили в штыковую атаку. Стрелковый взвод из 3-го батальона под командованием младшего лейтенанта В.Н. Шульги в рукопашной схватке уничтожил до 20 гитлеровцев. Командир огневого взвода минометного дивизиона М.А. Хаустов, выдвинувшись с минометами вперед, рассеял до взвода немецких солдат. Но немцы имели превосходство в силах. У наших бойцов не было поддержки танков. Да и во второй половине дня у артиллеристов был израсходован запас снарядов. Бой продолжался допоздна. Враг наседал. Моряки несли потери. Смертью храбрых погибли командиры 1-го и 3-го стрелковых батальонов капитан Г.С. Панов и капитан Ф.С. Курганов, командир противотанкового дивизиона М.Г. Го-

рюнов, более 20 командиров рот, батарей и взводов и других подразделений, много политработников было ранено. Наши батальоны сильно поределели, пришлось их пополнять за счет подразделений тыла и обслуживания.

Начальник политотдела бригады в своем донесении начальнику политуправления Южного фронта и начальникам политотделов 56-й армии и 3-го гвардейского стрелкового корпуса за 9 марта подводит итоги первого дня боя. В нем, в частности, он отмечал, что 9 марта в 6.30 1, 2 и 3-й стрелковые батальоны перешли в наступление с целью захвата высоты 101,0.

Воспользовавшись туманом, батальоны подошли к противнику на 50-70 метров. С рассветом и рассеиванием тумана залегли под огнем противника.

Первый этап нашей атаки не был поддержан ни артиллерийским, ни минометным огнем. На огневые позиции не доставили своевременно снаряды и мины. Второй этап атаки был активно поддержан огнем минометного дивизиона. Однако наши батальоны под ураганным огнем противника отступили с большими потерями.

Предварительные данные о потерях:

1-й стрелковый батальон: убиты командир батальона Г.С. Панов, политрук 1-й стрелковой роты А.С. Самохов, тяжело ранены военный комиссар батальона А.В. Предеин, командир роты лейтенант И. И. Галкин.

К 2.00 10 марта (время намечавшегося второго наступления) в батальоне было собрано не более 200-300 человек. Остальных 400 - 310 человек предварительно можно считать убитыми и ранеными.

2-й отдельный стрелковый батальон: к 2.00 10 марта не менее одной третьей личного состава батальона не было в строю и не найдено.

3-й отдельный стрелковый батальон: на поле боя тяжело ранен командир батальона Ф.С. Курганов, который при доставке в санчасть скончался. Командование принял на себя лейтенант Колесников, через несколько минут боя он также был ранен. Командовать батальоном стал лейтенант Гришин. Всего в батальоне выведено из строя около половины личного состава.

В минометном батальоне убиты 12 и ранены 30 человек, выбыли из строя пять командиров взводов.

Потери имелись и в других частях.

Далее начальник политотдела писал о том, что не налажено как следует питание бойцов; в частях испытывается большой недостаток боеприпасов.

Интендант 1-го ранга Носков, начальник тыла бригады, не обеспечил боевой операции. «Эвакуация раненых, особенно похороны убитых, организованы исключительно плохо. Батальоны нашей бригады наступают по полю, где валяются трупы воинов 68-й морской стрелковой бригады, наступавшей 8 марта 1942 года», -заключает начальник политотдела бригады батальонный комиссар Г.Н. Каретников.

Собрав отступивших на исходные позиции, перегруппировав силы, пополнив стрелковые батальоны за счет других подразделений, части бригады 10 марта рано утром возобновили наступление на высоты 101,0 и 115,2. Продвижение шло крайне медленно. В середине дня моряки достигли оставленных 9 марта позиций. Во второй половине дня противник бросил в бой танки и много пехоты. Разгорелся ожесточенный, кровопролитный бой. Огнем нашей артиллерии было подбито 2 танка противника, выведено из строя много гитлеровцев. Однако моряки вынуждены были отойти.

Командование бригады дало приказ вновь идти в атаку, восстановить ранее достигнутый рубеж. Успеха эта атака не имела. Потеряв много воинов, части бригады отступили.

В бригаде в момент наступления имела место попытка более 40 бойцов 1-й роты 1-го батальона во главе с командиром не пойти на передовую линию. Эта группа была разоружена. Командир 1-й роты был расстрелян лично полковником Егоровым. Воины мотивировали свой отказ идти в бой отсутствием у нас танков на передовой. Начальник политотдела бригады 11 марта доносил начальнику политуправления Южного фронта, что командир бригады полковник Егоров лично расстрелял одного офицера и по его приказу расстрелян один красноармеец.

Боевые действия 10 марта успеха не принесли. Бригада вновь вернулась на исходное положение, ей был нанесен значительный урон в живой силе. Об этом можно судить по донесениям бригады в вышестоящие штабы и политорганы.

На 11 марта в 1-ом стрелковом батальоне остались не более 170 человек, во втором батальоне — 222 человека, убит командир батальона. До начала наступления батальоны имели свыше 700 человек. Значительные потери понесли и 3-й стрелковый батальон, роты автоматчиков, противотанковых ружей, минометный батальон. В отдельной роте ПТР из 80 человек в строю остались 40.

Участник тех боев, ныне живущий в городе Новороссийске, член совета ветеранов бригады, бывший командир орудия отдельного истребительно-противотанкового дивизиона И.В. Хорохоркин вспоминает:

- Дивизион 45-мм противотанковых пушек получил орудия в первых числах марта 1942 года в Ростове. Как следует еще не узнали материальную часть — и сразу в поход

в район Матвеева Кургана. 5-6 марта была оттепель, мы были в валенках, так как до этого стояли сильные морозы, и они начались вновь 7-8-9 марта. Валенки промокли, и многие бойцы потом обморозили ноги. Наша 81-я бригада вступила в бой 9 марта на участке в районе хутора Колесниково, до передовой надо было преодолеть большое открытое обстреливаемое пространство. Дойдя до проволочных заграждений, матросы с криками «Ура! Полундра!» рвались вперед. Большинство воинов носили черные матросские шинели и были очень хорошей мишенью для врага. Потери наши были большими. Поле боя чернело от убитых матросов. В бригаде были убиты или ранены все командиры батальонов, их комиссары, многие командиры рот, взводов, политработники. Погиб и наш командир артдивизиона.

До сих пор, пишет Хорохошкин, неизвестны имена всех погибших, ведь основное командование погибло или было ранено. Знали погибших командиров, а многие рядовые остались неизвестными. Документов об их гибели в архиве Министерства обороны не нашлось.

10 марта возобновили наступление 76-я морская стрелковая бригада, 2-я гвардейская, 30-я стрелковая дивизии и другие соединения и части. Они также восстановить достигнутое в первый день положение и утраченное во второй день не смогли.

В ночь на 11 марта по указанию штаба фронта операция была приостановлена до 14 марта 1942 года.

ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Три дня длился штурм переднего края противника. В течение этих дней задача, поставленная перед войсками, — прорвать стратегическую глубину обороны противника — осталась невыполненной. За время штурма части и соединения понесли большие потери. Морские стрелковые бригады, особенно их стрелковые батальоны, были обескровлены.

Командование Южного фронта потребовало от командарма более решительных и успешных действий. В свою очередь, командующий армией генерал-майор В.В. Цыганов требовал от командиров соединений и частей - выполнить задачу, прорвать оборону противника. Прибыв на командный пункт 2-й гвардейской стрелковой дивизии, приказал командирам полков лично повести полки в атаку, любой ценой достичь успеха..

Командир дивизии полковник П.С. Неверов осторожно возразил: «Вряд ли такая мера поможет делу. Крепкие доты и дзоты, укрепления врага одним энтузиазмом, гранатами, винтовками и штыками трудно взять. Сюда бы нужны более мощные средства».

- Не убеждай меня, комдив, — раздраженно сказал генерал. — Мы в гражданскую войну были впереди полков, водили их в атаку и побеждали и Колчака, и Деникина, и Врангеля, и других белых генералов.

Полковник умолк, он понимал бессмысленность дальнейших возражений командарму, находившемуся во взвинченном состоянии.

Наутро в штаб армии (в село Советка Неклиновского района Ростовской области) на совещание пригласили ко-

мандный и политический состав армии от командира, военного комиссара полка и выше.

Совещание вел сам командарм. Генерал Цыганов выглядел удрученным и весьма усталым. Он был небольшого роста, но плотный и упитанный, страдал тяжелой одышкой, говорил неторопливо, сидя. Он подвел итоги первых трех дней наступления; признав их неутешительными, остановился на задачах второго этапа наступления. Командарм предъявлял строгие требования к командирам частей и соединений — во что бы то ни стало, выполнить боевую задачу — и предупреждал их о суровой персональной ответственности за выполнение боевого приказа, критиковал отдельных командиров и штаб за нераспорядительность, плохую организацию боя.

На удивление всем в конце совещания тон разговора принял как бы примирительный характер. Командарм попросил высказаться самих присутствующих, отчего наступление не получается.

- Возможно, есть и претензии к командованию, говорите об этом без стеснения.

Командир 35-го стрелкового полка 2-й гвардейской стрелковой дивизии подполковник А.Х. Бабаджанян (впоследствии Герой Советского Союза, маршал бронетанковых войск), присутствовавший на совещании, об этом вспоминал:

«Когда не нашлось ни одного желающего выступить, командарм сказал:

- Ну вот вы, товарищ, — он ткнул пальцем в мою сторону.

- Подполковник Бабаджанян, — привстал я.

- Давай, подполковник. Кавказцы — народ храбрый.

Я попытался объяснить, в каком состоянии части, затем сказал, что, по-моему, надо лучше продумать вопросы поддерж-

ки атакующих, взаимодействия, а иначе бесплодные атаки обречены на ...

Цыганов не дал мне договорить.

- Пораженческое настроение? Не позволю!

В комнате установилось гнетущее молчание. Наконец Цыганов, справившись с одышкой, спросил:

- А что скажет комиссар этого полка?

Скирдо ответил медленно и веско:

- У нас в команде единое мнение.

- Заговор? — вновь вскипел Цыганов.

(А. Бабаджанян. «Дороги Победы», стр. 65).

Командарм обратился к командиру 875-го стрелкового полка этой дивизии Добровольскому с вопросом: имеет ли он другое мнение, тот ответил, что не имеет. Других мнений никто не высказал.

Раздосадованный таким поворотом разговора, генерал Цыганов закрыл совещание, при этом сказал, что с командирами полков 2-й гвардейской дивизии он отдельно займется.

После состоявшегося совещания командиров и комиссаров штаб издал 11 марта боевое распоряжение № 66. В нем подчеркивалось, что опыт первых боев показал, что воинские части недостаточно организуют взаимодействие с артиллерией при наступлении и атаке, не используют полностью результаты огня артиллерии, несут потери, не достигая почти никакого результата.

Командование армии предлагало сосредоточить усилия на важнейших направлениях. Для 3-го гвардейского стрелкового корпуса таким направлением было определено Ряженое — Мальчевский.

Штаб армии требовал:

«Наступление вести целеустремленно, артиллерийскую подготовку не производить, а делать короткие мощные огневые налеты, сразу за разрывами снарядов двигать пехоту в атаку. При появлении танков ни в коем случае не отступать, расстреливать танки огнем противотанковых орудий, ружей, использовать собак-истребителей».

Командование армии второе наступление назначило на 14 марта. Командир 3-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор Акименко отдал боевой приказ частям и соединениям, участвующим в прорыве. В течение ночи с 13 на 14 марта перед частями ставилась задача своими средствами уничтожить проволочные заграждения, там, где этого не удастся сделать, заграждения прорвать танками, одновременно за танками следует пехота. Командирам 76-й морской стрелковой бригады противника 2-й гвардейской стрелковой дивизии, начальнику инженерной службы корпуса приказано к началу операции изготовить 50 саней, привязать их к танкам, посадить на сани пехоту. Для сопровождения танков и пехоты к легким танкам прицепить 12 орудий противотанковой обороны.

Разъяснить всему личному составу, — говорилось в приказе — до батальонов, рот, до бойца, что на участке фронта, корпуса наличие у противника пехоты самое незначительное.

Противник много нарыл окопов, построил блиндажей, дзотов, обороняет их небольшими гарнизонами, которые при наступлении нашей пехоты, для создания видимости массового огня, маневрируют по огневым точкам.

«Требую от командиров и военкомов соединений и частей решительным образом бросить части вперед, прорвать оборону противника и к исходу дня 15 марта

быть готовым овладеть селом Покровское. 2-й гвардейской стрелковой дивизии с гаубичным артиллерийским полком резерва главного командования овладеть рубежами: высота 82,7 и высота Соленая. Танки сосредоточить в районе Кириллов, Чеботарев в готовности поддерживать атаку пехоты, действуя совместно с 81-й морской стрелковой бригадой» (АМО. ф. 1047, о. 1, д. 13, стр. 30).

ВТОРОЙ ЭТАП ОПЕРАЦИИ

14-16 марта 1942 года проводился второй этап Таганрогской наступательной операции.

14 марта в наступлении участвовали: 30, 347, 2-я гвардейская стрелковые дивизии, 76-я и 68-я морские стрелковые бригады, 63-я отдельная танковая бригада.

2-я гвардейская стрелковая дивизия в 6.40 утра атаковала передний край противника. В течение всего дня вела упорные бои, а к исходу дня вышла на рубеж высоты 82,8 и отметки 92,7 и закрепились.

15 марта дивизия вновь перешла в атаку, преодолела проволочные заграждения и продвинулась несколько вперед к хутору Седловскому.

76-я морская стрелковая бригада после ожесточенных боев (8-9-10 марта) в районе высоты 101,0 была снята с позиции у Матвеева Кургана и переброшена несколько южнее, в район деревни Бузинов, и заняла исходное положение для наступления. В 6.40 14 марта совместно с 395-ым стрелковым полком 2-й гв. дивизии начала атаку у хутора Седловского. Успеха наступление не имело.

Не добившись развития успеха и на этом направлении, командование корпуса передвинуло бригаду еще южнее, в район балки Джеригановой. Здесь бригада продолжала боевые действия. С утра 16 марта в третий раз пошла в атаку за овладение высотами 82,7 и Соленая. Успеха наступление не принесло. 20 марта, когда из 4400 человек, начинавших наступление, остались менее 1000 бойцов и офицеров, бригада была выведена из боев, позднее ее перевели во второй эшелон в район Лысогорки. Здесь она была доукомплектована, прикрывая миусский оборонительный участок, занималась боевой подготовкой.

При подготовке главное внимание уделялось борьбе с танками противника, которые в предшествующих боях нанесли бригаде наибольшие потери.

* * *

14 марта вели наступательные бои подразделения 81 морской стрелковой бригады. Яростные атаки моряков продолжались весь день. Однако противник не был выбит с занятых им на господствующих высотах позиций.

16 марта новый командир бригады П.К. Богданович (полковник Н.А. Егоров командованием фронта был отстранен от командования бригадой) отдал приказ наступать.

Подразделения бригады с шестью танками 63-й отдельной танковой бригады, на которые был посажен десант в 37 человек, утром начали атаку высоты 82,7.

Десант имел задачу высадиться в тылу, занять дзоты противника и оттуда огнем поддерживать свою пехоту. За танковым десантом должны наступать моряки бригады. Танки же не выдержали направление, данное им командиром, прошли намного левее 3-го батальона бригады, по склону высоты, и назад не возвратились...

Пехота наступала без поддержки танков, несколько раз в течение дня пыталась пройти за проволоку, под сильным фланговым пулеметным и минометным огнем всякий раз прижималась к земле.

Бригада перешла к обороне на правом фланге 2-й гвардейской стрелковой дивизии в районе хутора Седловский. Из-за понесенных потерь боеспособность бригады снизилась. Она нуждалась в серьезном пополнении личным составом и вооружением. 18 марта бригада была выведена в армейский резерв.

В боевой характеристике 81-й морской стрелковой бригады, составленной командованием третьего гвардейского стрелкового корпуса, давалась оценка боевых действий бригады. Приведем некоторые извлечения из нее:

«При вхождении в состав 3-го гвардейского стрелкового корпуса бригада была полностью укомплектована личным составом, но стрелкового вооружения имела весьма мало, а артиллерийского вовсе не имела. Стрелковое и артиллерийское вооружение бригада получила непосредственно перед выступлением на фронт и будучи уже на фронте. Вследствие этого обучение с материальной частью и боевое слаживание бригады не было проведено, и уровень боевой подготовки был недостаточным.

В бой непосредственно бригада введена 9 марта. До этого составляла второй эшелон боевого порядка корпуса. Наступая в полном штатном составе на оборонявшегося в укрепленной полосе противника, бригада сумела незначительно вклиниться в оборону противника, но вследствие слабого управления командного состава всех степеней, отсутствия должной дисциплины была оттеснена в исходное положение, т. е. за передний край обороны противника, и понесла значительные потери: командно-начальствующего состава противника — 121 человек, младшего начальствующего состава — 481 человек, рядового состава — 1748 человек (всего 2350 человек). Потери: 141 лошадь, винтовок и карабинов — 1063, пистолетов — 16, пистолетов-пулеметов Дегтярева — 229, противотанковых ружей — 7, ручных пулеметов — 39, станковых пулеметов — 11, минометов 55-миллиметровых — 7» (АМО, ф. 412, О. 10268, д. 29, стр. 54).

Находясь в армейском резерве, бригада пополнялась за счет солдат, прибывавших с маршевыми ротами, занималась боевой подготовкой.

В середине июля 1942 года немцы начали мощное наступление севернее Ростова. Наши части под угрозой окружения вынуждены были начать отступление. 56-й армии, ослабленной в предыдущих боях, пришлось на Ростовском оборонительном рубеже прикрывать отход армий Южного фронта.

68, 76 и 81-я морские стрелковые бригады были переброшены с мест формирования и поставлены на самые ответственные и опасные направления. Как и в марте, на долю моряков выпали суровые испытания.

19-20 июля они заняли оборону на внешнем оборонительном обводе Ростова в районе Султан-Салы, Чалтыря и вели тяжелые оборонительные бои с превосходящими силами противника, давая возможность нашим отходящим войскам переправиться на левый берег Дона.

В дальнейшем бригады отошли к Ростову, вели там уличные бои. Затем переправились на левый берег Дона и начали отход в южном направлении. Бригады прошли большой и славный боевой путь, освобождая города Кубани, Таманский полуостров, участвуя в боях на Малой земле.

* * *

«30-я стрелковая дивизия 14 марта получила приказ наступать и к исходу дня овладеть северной окраиной села Покровского. Встретила упорное сопротивление, отразила несколько атак немцев. 15 марта продолжала выполнять поставленную задачу. Успеха не имела.

16 марта. Войска несли большие потери, бой не принес успеха. В ночь на 17 марта наступление приостановлено» (АМО, ф. 412, о. 10 282, д. 51, л. 41).

С «ИНТЕРНАЦИОНАЛОМ» НА УСТАХ

В Таганрогской операции участвовала 63-я отдельная танковая бригада (командир бригады подполковник М.М. Дергунов). Она имела задачу, взаимодействуя со стрелковыми дивизиями и морскими бригадами, после прорыва обороны развивать наступление на Покровское и далее на Таганрог.

Танкисты провели ряд атак, наиболее значительными были 8-14-16 и 26 марта. Они дрались самоотверженно, смело шли в атаку.

Но поспешность введения танков в бой при незнании системы противотанковой обороны противника командованием бригады и общевойсковыми командирами, слабо организованном взаимодействии танков с пехотой и артиллерией не позволила бригаде добиться сколько-нибудь заметных успехов, выполнить поставленную задачу.

Атаки танкистов 8 и 14 марта окончились для них неудачей. В ходе этих двух боев бригада потеряла основную свою ударную силу — 20 тяжелых и средних танков из 26. (Бригада имела 46 боевых машин, из них КВ-10, Т-34-16, Т-60-20). Только тяжелые танки КВ и средние Т-34 могли противостоять немецким пушкам, легкие танки были весьма уязвимы от огня артиллерии.

Батальон танков повел в наступление командир Герой Советского Союза капитан М.В. Юдин.

Взвод разведки из трех экипажей танков Т-34 во главе с лейтенантом М.В. Силантьевым шел впереди. Сзади взвода разведки шли основные силы батальона.

Танкисты подавили огонь 4 противотанковых орудий, минометной батареи, двух станковых пулеметов, уничтожили десятки гитлеровцев.

В дальнейшем радиосвязь с танкистами была прервана. Танки ушли в глубь обороны, оторвались от пехоты. Не вернулось назад 13 танков Т-34 и КВ, в том числе и танк Т-34, в котором находился командир танкового батальона М.В. Юдин.

О судьбе танкистов, участвовавших в этом бою, долгое время не было известно. Считалось, что все они погибли.

В семьи, родственникам танкистов, не вернувшихся из боя, были посланы извещения, что они пропали без вести в бою под Таганрогом 8 марта 1942 года.

Причем в извещениях были допущены неточности.

Управление 63-й танковой бригады выслало жене командира батальона М.В. Юдина — Юдиной Екатерине Николаевне извещение, в котором говорилось: «Ваш муж Герой Советского Союза капитан Юдин Михаил Владимирович, находящийся на фронте борьбы с немецкими оккупантами, пропал без вести в бою под Таганрогом 14 марта 1942 года».

В документах же 63-й танковой бригады, хранящихся в архиве Министерства обороны, указано, что Юдин Михаил Владимирович пропал без вести 8 марта 1942 года.

Не все погибли, к счастью, танкисты-юдинцы. О том памятном, жестоком бое рассказал единственный оставшийся в живых его участник майор в отставке из Новошахтинска Михаил Васильевич Силантьев. Он служил командиром танка во 2-м батальоне, которым командовал Герой Советского Союза М.В. Юдин.

Он отозвался на обращение следопытов Покровской школы Неклиновского района.

До этого несколько лет назад петровские мальчишки, следопыты, во главе с учителем истории В.Г. Тимошенко загорелись целью увековечить имена в то время еще неизвестных

танкистов-героев, погибших с пением «Интернационала» в бою за освобождение села Покровского.

Один из участников этого поиска Николай Терещенко написал заметку в газету «Красная Звезда». 12 января 1967 года она была опубликована под заголовком «Они запели «Интернационал»».

Поиск шел. Кроме лейтенанта М.В. Силантьева, после прислал письмо командир эвакуационного взвода бригады П.В. Куликов из Ленинграда, вытащивший в ночь на 9 марта восемь подбитых танков из основных сил батальона М.В. Юдина, за что был награжден медалью «За отвагу». Собраны были и другие факты и документы, которые говорили, что М.В. Юдин из боя 8 марта не вернулся живым, что он, первый туляк, удостоенный высокого звания Героя Советского Союза еще в 1937 году за подвиг в республиканской Испании, вел танковый батальон в бой за освобождение села Покровского, что он и его экипаж героически погибли с пением «Интернационала» на устах.

Во всей этой поисковой работе, установлении имен танкистов и других воинов, павших в боях на Миусе, исключительную энергию проявил бывший ученик Покровской средней школы, ныне житель села Покровское Неклиновского района Николай Григорьевич Терещенко. Он долгие годы посвятил благородному делу - увековечению памяти советских воинов, отдавших жизнь за свободу нашей Родины.

Как же протекал бой? Вот как вспоминал об этом М.В. Силантьев.

До начала его был сформирован взвод боевой разведки в составе трех танков «Т-34». Командиром взвода назначили Силантьева. В его экипаж входили водитель старшина Козодоев, стрелок-радист старший сержант Медведев, заряжающий сержант Пискунов.

Вторым экипажем командовал младший лейтенант Петр Пращин.

По плану взвод боевой разведки с тремя танками, двигаясь впереди батальона на 150-200 метров, вызывает огонь на себя, выявляет огневые средства противника. Сзади идущие танки при поддержке стрелковых подразделений и десанта, разместившегося на деревянных санях, прикрепленных к танкам, должны подавлять огневые средства.

Рано утром 8 марта танки прибыли на исходные позиции, в километрах двух-трех от нашего переднего края, где лично капитаном Юдиным была поставлена задача батальону прорвать оборону противника, захватить плацдарм на правом берегу реки Миус для дальнейшего наступления западнее Таганрога. К танкам были прикреплены деревянные сани, на которых разместились стрелки.

В атаку шли на максимальных скоростях, по почти голой подмерзшей земле танкисты развивали скорость до 50 километров в час. Сани частью разлетелись на кочках, а на оставшихся солдатам просто не было возможности удержаться. На такой скорости, видимо, все или почти все они были сброшены с саней. Стрелковые подразделения не могли успеть за танками, и танковый батальон практически остался без подразделений пехоты.

Три машины взвода разведчиков на предельной скорости (саней на этих танках не было) проскочили первую линию немецких траншей, а затем и вторую. По пути механик-водитель головного танка Козодоев раздавил минометную батарею. Не доходя до Рясного, в машину попал вражеский снаряд, но танк не загорелся - продолжал идти.

Вскоре после разворота с тыла танки вышли к четырехорудийной батарее. Огнем двух пулеметов и орудия прислуга

была разогнана. Развернуть орудия немцы не успели, и Козодоев вновь вмял орудия в землю.

- За мной, — рассказывал М.В. Силантьев, — шли две машины из взвода разведки, а вдали весь батальон (правда, уже несколько машин горело).

На выходе из балки снова наткнулись танки-разведчики на два немецких противотанковых орудия. Первое попало под гусеницы танка, второе было уничтожено орудийным выстрелом.

Когда ушли за балку, за танком Силантьева шел лишь танк младшего лейтенанта Пращина. Третья машина из балки не вышла. Не было видно и танков Юдина.

Видимо, используя успех трех машин взвода разведки, командир батальона развернул машины на Покровское.

В танк лейтенанта Силантьева еще было два попадания. Немецкий снаряд-болванка, прошив борт машины, вчистую срезал взрыватель на 76-мм осколочном снаряде, по счастливой случайности снаряд не взорвался (а в машине было еще 30 снарядов). Другим снарядом у танка был поврежден опорный каток.

Экипаж Силантьева вышел на свою территорию.

Вскоре, охваченная облаком дыма, подошла машина младшего лейтенанта Пращина. Силантьев и члены его экипажа слышали внутри стук, определили — заклинены люки. Открыли верхний люк. Экипаж (трое) вылез из машины в противогазах, вытащили убитого заряжающего.

Еще раньше из боя вышел тяжелый танк «КВ», которым командовал лейтенант В.М. Гой. Машина получила повреждение в самом начале атаки. Только три поврежденные машины из батальона вернулись из боя.

Лейтенант Силантьев в дальнейшем вместе с бригадой прошел тяжелый, но славный боевой путь. В июле 1942

года бригада обороняла Ростов-на-Дону, затем продолжала бой за Владикавказ, прорывала оборону в районе Моздока, участвовала в освобождении Кубани и Крыма. Силантьев командовал танковой ротой, а затем батальоном. Был несколько раз ранен, попадал в окружение. Его считали погибшим. Родители получили похоронку. За боевые подвиги М.В. Силантьев награжден многими орденами и медалями.

Основные силы танкового батальона попали в балке в районе Рясного и Покровского под сильный артиллерийский огонь противника. В ходе ожесточенного боя значительная часть машин была подбита и сожжена. Отдельные наши танки прорвались к северо-восточной окраине Покровского.

На большой скорости к железнодорожной будке у села прорвался наш танк, открыл огонь по немецким солдатам, которые рыли траншеи для боеприпасов на глиняной круче. Раненый немец кубарем скатился с кручи вниз и вопил: «Рус, рус». Немцы стали разбегаться.

Затем танк пошел в лесопосадку, уничтожив там немецкую батарею. После этого машина двинулась на зенитное орудие. Новое, ночью доставленное фашистами по однокорейке из Таганрога зенитное орудие находилось близ железнодорожного полотна на тяжелом лафете, на котором это орудие гитлеровцы намеревались перевезти к месту установки. Вот на нем-то, на пути к зенитной батарее противника, в упор расстреливавшей наши танки и пехоту, и застыл внезапно танк Михаила Юдина. Взобрался на него, смяв орудие, крутнулся, хотел сойти и мчаться дальше, но не смог: порвал гусеницу и завис днищем на поврежденном орудии.

Фашисты долго уговаривали экипаж сдаться в плен, но тщетно. Посылали к танку с этой целью и местных жителей. Когда же танкистам передали, что их взорвут вместе с боевой ма-

шиной, из танка послышались слова: «Это есть наш последний и решительный бой...»

Гитлеровцы спешно принесли взрывчатку. Обложили толовыми шашками танк. Раздался взрыв. Через некоторое время — второй. Башня отлетела в сторону.

Так, с «Интернационалом» на устах, погиб героический экипаж во главе с М.В. Юдиным.

В 1967 году среди сельчан начали сбор средств на строительство памятника танкистам-героям. В 1968 году установлен обелиск в честь них вблизи восьмилетней школы. На нем надпись: «Неизвестным танкистам-героям 63-й танковой бригады, героически погибшим в боях за освобождение Покровского в марте 1942 года».

После этого пройдут еще годы, прежде чем на мемориальных плитах у обелиска появится двадцать имен погибших в этих боях танкистов-юдинцев и имя командира отважного экипажа легендарного комбата Михаила Владимировича Юдина.

М.В. Юдин родился в 1912 году в деревне Булычи Чернского уезда Тульской области в семье крестьянина. Русский, член КПСС. Работал в колхозе трактористом, в Советской Армии с 1934 года.

Участвовал в революционной войне испанского народа 1936-1939 гг. Командир танка Юдин уничтожил два танка противника, несколько противотанковых орудий и пулеметных точек. Звание Героя Советского Союза присвоено 27.06.1937 г. Депутат Верховного Совета РСФСР 1-го созыва. Окончил Военную академию механизации и моторизации РККА.

И ВНОВЬ — В АТАКУ

Безуспешность наступательных действий во втором этапе операции, которая продолжалась 14-16 марта, привела командование армии к необходимости значительно уменьшить фронт прорыва, с тем чтобы создать более мощный кулак на сузившемся участке и прорвать оборону противника. Очевидно было, что сделать это трудно без притока свежих сил.

В ротах, батальонах, стрелковых полках, где решается успех дела, осталось до трети положенного состава, танков — считанные единицы. Войска от бесплодных атак устали. Командиры требовали от своих подчиненных — прорвать фронт, во что бы то ни стало выполнить боевую задачу.

Войскам была предоставлена восьмидневная передышка. Шла перегруппировка сил, подготовка к новому наступлению. Готовились командирами и штабами боевые приказы, распоряжения. Старшие военачальники предъявляли строгие требования к офицерам и политработникам за исход боев, не исключали и угроз, таких мер, как предание суду военного трибунала.

Командир 3-го гвардейского стрелкового корпуса издал приказ, в котором говорилось: «Предупреждаю командиров и комиссаров соединений и частей, что самовольное оставление занятого рубежа либо отход при появлении танков противника будет рассматриваться как трусость и нежелание выполнять боевой приказ. Командиры и политработники, проявившие себя слабыми и неустойчивыми в бою, будут от занимаемых должностей отстранены, на их место будут назначаться более достойные».

Вслед за этим последовал другой приказ командования этого корпуса, более конкретного содержания.

«68-я морская стрелковая бригада взяла Безымянную высоту, — читаем в приказе. — Однако бригада отошла без приказа, оставила занимаемый рубеж: 2-й батальон на 300 метров, 3-й батальон — на 600 метров, 1-й батальон — на 1,2 -1,5 км.

Командиру бригады расследовать причины отхода и виновных предать суду военного трибунала.

Широко разъяснить приказ НКО № 270, повести широкую борьбу с трусами и паникерами. Запретить вынос раненых бойцам, ведущим бой. Раненых выносить только санитарам».

Приказ народного комиссара обороны Сталина № 270 сорок первого года предусматривал суровую кару тем, кто попадет в плен. В соответствии с этим приказом к тем, кто был в плену, надо относиться так: плен — измена Родине. Репрессии применены были не только против воинов, попавших в плен, но и их жен, и даже детей.

* * *

К утру 25 марта была закончена перегруппировка войск. Части ударной группы — 102-я стрелковая бригада, 68-я МСБР, 2-я гв. стрелковая дивизия с наступлением темноты, преодолевая бездорожье, начавшийся разлив рек и затопленные водой балки (бойцы шли по пояс в холодной воде), заняли исходное положение.

26 марта начался третий этап операции, который продолжался по 2 апреля.

В 3.00 26 марта, когда танки проделали в проволоке противника проходы, части перешли в наступление. С рассветом противник начал вести артиллерийско-минометную канонаду, которая продолжалась 4 часа. Полки 2-й гв. стрелковой дивизии продвинулись на линии трех

курганов, но удержаться не смогли. В 13.30 противник контратаковал 11 и 15 танками. Огнем нашей артиллерии контратака танков и пехоты отбита, но части отошли на восточные скаты высоты 79,5.

102-я стрелковая бригада дружно атаковала противника и потеснила его, в 13.00 овладела высотой Безымянной, но в результате контратаки 10-ю и 14-ю танками и пехотой оттеснена на восточные скаты высоты.

27 марта в 4.00 наши войска перешли в наступление, но были встречены массированным пулеметным и артиллерийским огнем, контратаковали 14-ю танками. 102-я стрелковая бригада и 2-я гв. стрелковая дивизия закрепились на восточных скатах высоты Соленой. 28 и 29 марта наступление продолжалось. С прежней задачей овладеть высотами Соленой и Безымянной. Бой носил ожесточенный характер. 68-я морская стрелковая бригада, 2-я гв. стрелковая дивизия, 13-я стрелковая бригада остались на ранее достигнутых рубежах.

30 и 31 марта ударная группа вела наступление, но успеха не имела. Бои носили ожесточенный характер. Обе стороны несли большие потери. Роты, батальоны, полки стали весьма малочисленными.

2-я гвардейская стрелковая дивизия была наиболее полно укомплектована. Насчитывала перед наступлением в своих рядах более 11000 человек. В каждом полку было не менее 1000 стрелков. На 1 апреля осталось в 395-ом полку 171, в 535-ом — 267 человек. Примерно такое же положение было в 875-ом стрелковом полку этой дивизии.

С 31 марта по 2 апреля ударные части армии действовали отдельными блокировочными группами с задачей ночью захватить и уничтожить отдельные огневые точки про-

тивника. Противник оказывал сильное сопротивление, отбивая атаки наших групп.

2 апреля 1942 г. наступательная операция была приостановлена.

В течение почти месяца части и соединения 56-й армии вели упорные наступательные бои. Многие бойцы, командиры, политработники за отличия в боях были награждены орденами и медалями Советского Союза. В 81-й морской стрелковой бригаде наградили более 30 человек. Среди них мичман Г.А. Демишкин, санинструктор Г.З. Сайфутдинов, военный комиссар батальона Г.С. Недодаев, секретарь партбюро батальона К.М. Бароянц и другие.

В приказе командира 76-й морской стрелковой бригады отмечена большая группа воинов, храбро сражавшихся с врагом, представленных к награждению. В их числе краснофлотец И.А. Шевченко, санинструктор Н.А. Воронина, политрук Н.И. Горбачев, командир батальона капитан 3-го ранга А.И. Цветков, батальонный комиссар И.М. Серебрянников и другие.

Орденами и медалями было награждено много воинов и в других частях.

Однако военная операция не достигла главной цели — разгрома Покровско-Таганрогской группировки противника, захвата города Таганрога и обеспечения плацдарма на западном берегу реки Миус для дальнейшего наступления.

Основными причинами неудачи операции явились:

недооценка плотности и прочности обороны противника. Штабом 56-й армии не была основательно разведана оборонительная полоса и оценка ее дана неверно. Недостаточно было выделено сил для прорыва жесткой, глубоко эшелонированной обороны, особенно артиллерии, танков, авиации;

неготовность частей, особенно 3-го гвардейского стрелкового корпуса, для прорыва сильно укрепленного рубежа; неготовность артиллерии поддержать наступление пехоты;

слабое управление войсками в звене: взвод-рота-батальон.

Нашим командованием недооценивались силы противника. В приказе войскам 56-й армии о наступлении говорилось: «Перед нами поставлена задача решительным наступлением сломить оборону врага, раздавить и уничтожить уже потрепанные фашистские дивизии». Как оказалось, фашистские дивизии не были так потрепаны, как считалось.

Основной удар на участке 56-й армии наносили соединения 3-го гвардейского стрелкового корпуса, усиленные 2-й гвардейской стрелковой дивизией, тремя морскими стрелковыми бригадами и другими частями. Этот корпус был только что сформированным, недостаточно сколоченным и поспешно брошен в бой. Части испытывали недостаток оружия. Состояние боевой подготовки и материальное обеспечение корпуса не соответствовало поставленным перед ним задачам. Не хватало артиллерийских снарядов и мин.

Не было обеспечено четкое руководство боевыми операциями отдельными командирами соединений. В политдонесении начальника политотдела 56-й армии бригадного комиссара Емельянова начальнику политуправления Южного фронта бригадному комиссару Мамонову о причинах провала танковой атаки 14-16 марта 1942 года отмечалось, что 63-я отдельная танковая бригада (командир - подполковник М.М. Дергунов, военный комиссар - батальонный комиссар Лысенков В.А.) 14-16 марта вела боевые действия в составе 38 танков во взаимодействии с частями 2-й гвардейской стрелковой дивизии в направлении высоты 87,2 (с

последующим выходом на хутор Седовский). Наступление танков началось с опозданием на два часа (не в 6, как намечалось, а в 8 часов), так как танковый десант опоздал. Как только танки перешли передний край сильно укрепленной обороны противника, подполковник Дергунов руководство действиями танков потерял. В дальнейшем командиры батальонов и рот действовали самостоятельно, увлекшись атакой, они сбились с пути. Танки ушли влево, строго на юг в балку Джериганову (между Покровским и Рясным), вместо курса вправо, в направлении отметки 82,8. Танки попали на минное поле и под обстрел артиллерии врага. Из 38 машин с поля боя не вернулись 19, из них танков КВ-2, Т-34-10, Т-6-7.

За недостатки в организации и руководстве боевыми операциями был освобожден ряд военачальников, в частности командиры 81-й и 68-й морских стрелковых бригад полковник Н.А. Егоров и капитан 2-го ранга Г.А. Иванов, командир 2-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор А.З. Акименко, некоторые командиры полков. За слабое руководство политработой по обеспечению боя и отсиживание в тылу был снят с должности начальник политотдела 76-й морской стрелковой бригады. Заменили и командующего 56-й армией. Генерал-майора Цыганова Виктора Викторовича перевели на должность помощника командующего Московским военным округом по военным учебным заведениям.

Цыганов В.В. — кадровый военный, 1896 года рождения. Учился до революции в Казанском университете, в 1915 году окончил Казанское военное пехотное училище, участник 1-й мировой и гражданской войн. В 1930 году окончил Военную академию Красной Армии. До начала Великой Отечественной войны находился на штабной и ко-

мандной работе. В 1940 году комбригу Цыганову присвоено звание генерал-майора.

Командующим 56-й армией был назначен в мае 1942 года генерал-майор А.И. Рыжов.

«На миусском направлении весной 1942 года мы понесли большие потери и вынуждены были вернуться на исходные позиции. Миусский рубеж требовал внимательного изучения системы организации обороны противника. Может, следовало бы за счет других направлений фронта сосредоточить именно здесь достаточное количество крупной артиллерии, танков и авиации». Такую оценку дал операции участвовавший в ней в качестве командира 395-го стрелкового полка 2-й гвардейской стрелковой дивизии подполковник А.Х. Бабаджанян (впоследствии главный маршал бронетанковых войск).

«Совсем плохо было и с артиллерийским наступлением, — писал генерал-майор Н.Д. Салтыков (во время боев 42 года он был представителем Генерального штаба в 56-й армии). — Плотности артиллерии были крайне недостаточны для прорыва прочной обороны, какой была укрепленная полоса на рубеже реки Миус — наивысшая плотность на главном направлении 3-го гвардейского стрелкового корпуса была всего 25 орудий и минометов на один километр фронта наступления. В других соединениях артиллерии было еще меньше».

Нашим войскам после весны 1942 года пришлось штурмовать оборону немцев на Миусе еще три раза: в феврале, июле и августе 1943 года. И только в третий раз «Миус-фронт» был сокрушен. Это произошло, когда советское командование на участке прорыва в 25 километров сосредоточило до 2-х тысяч орудий и минометов. Плотность артиллерии на всем участке прорыва составляла 93 орудия

на километр фронта наступления, а на отдельных участках свыше 150 орудий и минометов. На направлении главного удара наши войска имели превосходство над противником в живой силе в 4 раза, по количеству орудий — в 5 раз, танков — в 6,4 раза.

6 мая 1942 года состоялось совещание командного и политического состава 56-й армии, на котором был проведен разбор Таганрогской наступательной операции.

На совещании присутствовали командарм, член Военного совета, начальник штаба армии, командующие родами войск, командиры и комиссары корпусов, дивизий, бригад, участвовавших в проведении операции, командование Донского отряда Азовской военной флотилии. На совещании присутствовал член Военного совета Южного фронта дивизионный комиссар И.И. Ларин.

С докладом выступал командующий армией генерал-майор Цыганов В.В. Состоялось обсуждение доклада.

Краткая суть выступления командира 2-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Акименко сводилась к следующему. Если мы и понесли значительные потери, то прежде всего потому, что вели наступление бесшабашно, скученно. Боевые порядки наших подразделений позволяли противнику наносить нам чувствительные удары. Очень слабо использовались в бою пулеметы и минометы, они не выдвигались вперед. Наблюдался отрыв командных пунктов в среднем звене от своих подразделений, нарушение управления ими. Приводился такой пример.

9 марта один батальон 875-го СП 2-й гвардейской СД ворвался в Ряженое и вел непосильные уличные бои. Ему надо было помочь, но командир 875-го СП не знал, где находится батальон, потерял с ним связь, не обеспечил поддержку. Успех был сорван, а бой — проигран.

Допускалось большое удаление командных пунктов полков, даже батальонов, на 2-4 километра от действующих подразделений.

Командир 102-й стрелковой бригады полковник Захарченко и командир 63-й танковой бригады подполковник Дергунов и другие обращали внимание на недостаточное взаимодействие танков с пехотой.

Член Военного совета фронта дивизионный комиссар И.И. Ларин в своем выступлении предъявил крупный счет штабу армии (начальник генерал-майор Арушунян) за то, что он слабо контролировал готовность войск к наступлению и исполнение боевых приказов, своевременно не исправлял допущенные ошибки.

Штабом армии не была основательно разведана оборонительная полоса противника и оценка ее была дана неверная.

Отдельные командиры, подчеркнул член Военного совета, говорят: мы знаем, что такое июнь и июль прошлого года. Гитлеру удастся создать резерв и пустить в ход, как в прошлом году, против нас свою мощную технику. Такие командиры не верят в свои силы, не прочь расценить наши полки и дивизии как неспособные дать отпор врагу. Эти настроения нужно решительным образом изгонять из нашей среды, разоблачать паникеров. Есть у нас отдельные элементы - паникеры и трусы. Но основная масса — это отважные защитники. Когда целая часть не идет в атаку, тут следует оглянуться на себя — правильно ли ты руководишь боем. Нет у нас трусливых соединений. Есть плохое, почти преступное, управление боем. Мы иногда посылаем своих красноармейцев на напрасную смерть. Следует проявить повышенную заботу о воинах, своевременно представлять к наградам отличившихся бойцов и командиров.

«Наши войска, сказал И.И. Ларин, встали твердо в положение наступающих. Это положение мы никогда не утратим и в 1942 году выполним задачи нашего вождя, Верховного Главнокомандующего тов. Сталина: «Добиться, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков и освобождения советских земель от гитлеровских мерзавцев».

К сожалению, прогнозы как Верховного Главнокомандующего, так и члена Военного совета Южного фронта не оправдались. Весной и летом 1942 года наши войска вновь отступали, а война длилась еще три года.

Ларин Илларион Иванович, как записано в картотеке учета политсостава СА и ВМФ, родился 28 марта 1903 г. в селе Михайловском Шарлыкского района Оренбургской области. В Красной Армии с 1921 г., член ВКП(б) с 1924 г. В 1925 году окончил пехотную школу Ленинградского военного округа. С 1925 года командир взвода 62 стрелкового полка 21 стрелковой дивизии.

После окончания в 1928 году военно-политических курсов имени Энгельса в г. Ленинграде на политической работе в Красной Армии. Был политруком роты, секретарем партийного бюро стрелкового полка, военным комиссаром полка, военным комиссаром стрелковой дивизии.

В Великую Отечественную войну вступил в качестве члена Военного совета 6-й армии в звании дивизионного комиссара. В ноябре 1941 года награжден орденом Ленина, назначен членом Военного совета Южного фронта. В августе 1942 года, после ликвидации Южного фронта — член Военного совета 2 гвардейской армии, участвовавшей в Сталинградской битве. Присвоено звание генерал-майора.

Ларион Илларион Иванович — кадровый военный политработник. Военная карьера началась и протекала

успешно. Родился он в 1903 году, в Красной Армии с 1921 года. В 1925 году окончил военную пехотную школу, назначен командиром стрелкового взвода. С 1928 года, после окончания военно-политических курсов имени Энгельса в Ленинграде, на политической работе: политрук и командир роты, секретарь партбюро, военком полка, военный комиссар стрелковой дивизии, корпуса.

В качестве члена Военного совета 6 армии в 1941 г. участвует в боях с фашистскими захватчиками на Юго-Западном фронте. Награжден орденом Ленина. Затем находился на высоком посту первого члена Военного совета Южного фронта, который делил с командующим всю полноту ответственности за состояние и боевую деятельность войск, участвовал в разработке оперативных планов. Вместе они вызывали на Ставку. Главной задачей члена Военного совета было поддержание в войсках крепкого морального духа. На должности первых членов Военных советов фронтов назначались люди с большим политическим и жизненным опытом. Казалось бы, после всего этого был невозможным трагический уход Ларина из жизни.

А послужной список И.И. Ларина в Советской Армии заканчивается такими словами: генерал-майор Ларин Илларион Иванович Приказом ГУК НКО № 0671 от 18.02.44 исключен из списков офицерского состава ВС с должности члена Военного совета 2-й гвардейской армии, как покончивший жизнь самоубийством в январе 1943 г. Архивная справка Центрального Архива Министерства обороны РФ).

О гибели И.И. Ларина сообщается в публикации “Военно-исторического журнала” «Отдали жизнь за Родину». В списке погибших и умерших, пропавших без вести генералов в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

назван генерал-майор Ларин Илларион Иванович (28 марта 1903 года-27 декабря 1942), член Военного совета 2-й гвардейской армии. Звание генерал-майора присвоено 6 декабря 1942 года (ранее имел звание дивизионный комиссар, застрелился спустя 21 день). («Военно-исторический журнал» №5, 2000г., стр.10).

Об обстоятельствах и причинах самоубийства Ларина указывалось в воспоминаниях Н.С. Хрущева, бывшего члена Военного совета Сталинского фронта. Н.С. Хрущев в это время находился в войсках 2-й гвардейской армии. В день гибели Ларина Н.С. Хрущев встречался с командующим армией, обсуждал с ним сложившуюся боевую обстановку. После чего Хрущев и Малиновский разошлись отдыхать.

«Вдруг ко мне вваливается Малиновский, прямо в бешке, не раздеваясь, очень взволнованный. Гляжу, у него слезы ручьем льются». «Что такое? Что случилось, Родион Яковлевич?» «Произошло несчастье. Ларин застрелился».

Ларин был членом военного совета 2-й гвардейской армии, боевой человек. Они были большие приятели с Малиновским, служили вместе еще перед войной, когда Малиновский был командиром корпуса, Ларин у него был комиссаром. Малиновский всегда выпрашивает, чтобы Ларин оставался у него либо начальником политотдела, либо комиссаром, он как политработник заслуживает уважения. Малиновский был крайне взволнован событием, оплакивал Ларина. Я не знал, как его успокоить, что же вызвало такую акцию. Почему Ларин застрелился? (Н.С. Хрущев «Воспоминания», Журнал «Вопросы истории» №1, 1991 г., стр.77).

По мнению Хрущева, обстоятельства самоубийства Ларина были довольно неясными. Потом адъютант Ларина

рассказал как это произошло. Ларин выехал на передний край, наблюдая за полем боя. К особой маскировке не прибегал. Выходил из прикрытия, которым ему служил стог сена. Показывался во весь рост, расхаживал, словно искал своей смерти. Был ранен. Хотя рана оказалась несерьезной, в мякоть ноги, пуля задела голень. Ларин вдруг застрелился.

-В чем же дело? — задавал себе вопрос Хрущев, и ответил, что бывали случаи, когда стрелялись генералы в начале войны, когда наша армия отступала, несла большие потери.

В этот момент окружили Паулюса. Наши наступали. 2-я гвардейская армия, сильная, крепкая успешно вела бои с войсками хваленного немецкого генерала Манштейна. А Ларин стреляется! Хрущева Сталин вызвал в Москву. Беседовал с ним, кроме сталина, и начальник политуправления РККА А.С. Щербаков. Хрущев утверждает, что Ларин застрелился, видимо, под влиянием наступившего какого-то психического ненормального состояния. Если бы он находился в нормальном состоянии, то этого не случилось бы. Повода стреляться ведь у него не было. А чем же было вызвано это ненормальное состояние?

Сталин несколько раз спрашивал у Хрущева: «А кто такой, собственно говоря, Малиновский». — «Не раз докладывал Вам, что это известный генерал, который командовал в начале войны корпусом, потом армией, потом Южным фронтом. У него были там неудачи. Вы же знаете», — отвечал Хрущев.

Сталин, конечно, знал о неудачах Южного фронта, которым командовал Малиновский, в приказе №227 от 28 июля 1942 года Сталин писал, что часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставили Ростов и Новорос-

сийск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы. Малиновский был освобожден от должности. Позднее он командовал 66 армией, был заместителем командующего Воронежского фронта, потом сформировал 2-ю Гвардейскую армию. Лтшен должности был и член Военного совета фронта Ларин И.И. Он тоже находился в опале.

В некоторых оценках отмечается, что хотя конечная цель Таганрогской наступательной операции не была достигнута, но врагу были нанесены значительные потери.

Что можно сказать на этот счет? Бои здесь были тяжелые. Обе стороны несли потери.

Наступающая сторона даже при более или менее благоприятном течении боя при прорыве обороны несет большие потери, чем обороняющаяся. Нашим войскам пришлось действовать в трудных условиях (порой вести бои в окружении, без достаточной поддержки танков и авиации). И их потери были намного большими, чем противника. На миусской земле нашли свои бесславные могилы тысячи фашистских захватчиков.

Много полегло здесь и наших людей, славных сынов Родины. Отдельные очевидцы этих боев, старожилы сел в своих рассказах упоминали, что когда весной 1942 года началось дружное таяние снегов и с восточных склонов Миуса потекли ручьи, в реке вода стала красной от крови, пролитой нашими воинами при штурме высот. Такое определение скорее всего результат образного сравнения, но не только, это есть и отражение того, что здесь шли жестокие сражения, было пролито много крови воинами. Только в первый день наступления 8 марта было убито и ранено более 3000 наших бойцов и командиров. А впереди был еще не один бой. Эвакуация раненых, особенно похороны убитых были организованы плохо. Тела многих убитых своевремен-

но не были преданы земле, продолжительное время оставались непогребенными. Это объяснялось неготовностью специальных воинских служб и невниманием командиров частей к своевременной уборке оставшихся на поле трупов. Следует сказать, что у нас в какой-то мере была забыта и традиция глубокого уважения к памяти погибших воинов.

Известно, что московский князь Дмитрий Донской после разгрома ордынских полчищ на Куликовом поле в 1380 году в течение восьми дней с 9 по 16 сентября хоронил погибших воинов. На общей могиле была воздвигнута церковь и установлен день поминовения русских воинов, павших в борьбе с татарами.

Позже этот день стали посвящать поминовению всех воинов, «на брани живот свой положивших», и должен отмечаться во все времена, пока стоит Россия.

В эту традицию вписываются и слова нашего великого полководца А.В. Суворова о том, что войну нельзя считать законченной, пока не похоронен последний солдат.

Писать о потерях наших войск в войне было не в моде, не полагалось, эти данные были засекречены. Поэтому в публикациях конкретные данные о потерях не приводились. Характерен и такой факт.

По окончании войны при сдаче в Центральный архив документов полки, дивизии, другие части составляли итоговую справку (исторический формуляр). Мы посмотрели несколько таких формуляров и ни в одном не нашли обобщенных данных о своих потерях. Заглянем в формуляр 248-й стрелковой дивизии. В нем записано: дивизия прошла 3650 километров от Волги до Берлина. Из них 3160 километров с непрерывными боями. Дивизия освободила 700

населенных пунктов, частями дивизии уничтожены 22900 гитлеровцев, 14000 взяты в плен.

Далее перечислено, сколько уничтожено техники противника, какие взяты трофеи, какие дивизия форсировала реки, сколько за годы войны награждено орденами и медалями воинов и другие данные. Нет только данных, сколько потеряла дивизия своих воинов, своей техники. В штабах полков, в дивизиях не показали эти цифры. Да этого от них и не требовали.

Что касается потерь наших частей и соединений в ходе Таганрогской операции, то они составляют более 20 тысяч убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Из них безвозвратные потери составляют около шести тысяч человек. Значительный урон понесли в этих боях 76, 81, 68-я отдельные морские стрелковые бригады - более 8 тысяч человек. 2-я гвардейская стрелковая дивизия потеряла убитыми, ранеными, пропавшими без вести 5738 человек. Более 2 тысяч бойцов и командиров было выведено из строя в 13-й отдельной стрелковой бригаде.

В деле о потерях противника, в котором описана Таганрогская операция, составленном штабом Южного фронта, есть ведомость потерь немецких войск в Таганрогской операции в марте 1942 года, в которой указывается:

уничтожено у противника людей - 1555,
захвачено людей - 17.

Хотя Таганрогской наступательной операции наших войск весной 1942 года не суждено было успешно завершиться, героические подвиги моряков, пехотинцев, артиллеристов, всех воинов навсегда останутся в памяти народной. В ожесточенных боях с немецко-фашистскими захватчиками они не щадили ни своей крови, ни самой жизни. И здесь, на Миусе, в тяжелых боях 1941 и 1942 годов закладывал-

ся фундамент нашей великой Победы над фашистской Германией в 1945 году. Память о воинах, отдавших жизнь в боях за нашу Родину, вечна.

ГОРЬКОЕ ЛЕТО 42-ГО

«Немцы хотят получить передышку, но этого им давать нельзя. Гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать резервы до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году», - такую задачу определил И.В. Сталин в директивном письме Ставке ВГК 10 января 1942 года после разгрома гитлеровских войск под Москвой. На этом настаивал Верховный Главнокомандующий и на совещании в Ставке, проходившем в марте, где обсуждался план проведения летней кампании.

Генеральный штаб и некоторые участники совещания считали, что главное для наших войск — осуществить переход к стратегической обороне. По их мнению, у Красной Армии, понесшей большие потери в 1941 году, нет необходимых сил для проведения широких наступательных операций. Авторитет И.В. Сталина был высок, серьезно перечить ему никто не стал. Была принята точка зрения Верховного.

Свой наступательный порыв Сталин выразил и в первомайском приказе 1942 года № 130, в котором была поставлена задача: добиться, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков и освобождения советской земли от гитлеровских оккупантов. В тогданных условиях (а дальнейшие события на фронте подтвердили это), когда противник был еще сильным, а наша армия еще не оправилась от понесенных больших потерь в боях в 1941 году, тыл не мог дать достаточно вооружения, особенно танков и авиации. Такая задача была нереальной.

Наша армия терпела неудачи и в летней кампании. Советские воины вновь потерпели поражение, вынуждены были отступить до Волги.

8 мая 1942 года немцы начали наступление в Крыму. Войска Крымского фронта, готовившиеся сами к наступлению, не выдержали упреждающего удара ударной группировки врага, оставили Керченский полуостров, при этом понесли большие потери в живой силе и технике. Было убито, попало в плен и пропало без вести более 160 тысяч солдат и офицеров, потеряно свыше 300 орудий и минометов, около 350 танков и 400 самолетов. Руководство войсками командованием фронта в лице генерал-лейтенанта Д.Т. Козлова, а также представителя Ставки ВГК армейского комиссара 1-го ранга Л.З. Мехлиса было явно несостоятельным. Беспечность штабов фронта и армий, не менявших свои командные пункты, позволила немецкой авиации в первые же свои налеты разбомбить командные пункты, нарушить узлы связи. Это привело к потере управления войсками. Имея налицо превосходство в силах над противником, операция войск фронта окончилась неудачей.

Поражение наших войск в Керчи имело тяжелые последствия для Севастополя. Вскоре после этого немцы начали штурм города. 3 июля, после 250 дней легендарной обороны, советские воины, державшиеся до последней возможности, оставили Севастополь.

Почти одновременно с керченской операцией произошло сражение под Харьковом, которое также окончилось крупным поражением советских войск. Здесь войска Юго-Западного и Южного фронтов 12 мая 1942 года перешли в наступление с целью окружить и разгромить крупную группировку противника, но случилось так, что сами попали в ловушку. 6, 57, 9-я армии и другие соединения, всего

около 300 тысяч человек, оказались в кольце, из которого удалось вырваться лишь 22 тысячам воинов. В неравных боях в окружении погибло много бойцов, командиров и политработников. Смертью храбрых пали на поле боя заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко, командующие армиями генералы И.П. Подлас, А.М. Городнянский, Л.В. Бобкин, члены военных советов армий А.И. Попенко, А.И. Власов, ряд командиров корпусов и дивизий.

Начальник штаба 57-й армии Южного фронта генерал-майор А.Ф. Анисимов и командир 21-го танкового корпуса генерал-майор Г.И. Кузьмин, будучи в окружении противника, во избежание пленения покончили жизнь самоубийством. Командир 14-й гвардейской стрелковой дивизии Герой Советского Союза И.М. Шепетов, начальник тыла 6-й армии Юго-Западного фронта генерал-майор Г.М. Зусманович попали в плен и погибли в плену.

Отдельные военачальники, не обеспечившие руководство подчиненными им войсками, за понесенные большие потери были отстранены от командования и преданы суду. Такая участь постигла командующего 9-й армией Южного фронта генерал-лейтенанта Ф.М. Харитонову. Командование Юго-Западного направления и Южного фронта значительную долю вины за неудачу операции возложило на командование этой армии. В донесении в Ставку указывалось, что поражение 9-й армии объясняется несостоятельностью ее командования управлять войсками в сложных условиях. Разведка армии не смогла своевременно вскрыть готовящиеся удары врага против армии, что не позволило командованию принять дополнительные меры для отражения атаки врага.

Между тем существует другая оценка.

«Разведка 9-й армии еще до начала харьковской операции достаточно точно определила сосредоточение танковых соединений армейской группы «Клейст» перед войсками армии. Однако ни командующий Южным фронтом генерал Р.Я. Малиновский, ни главнокомандующий войсками Юго-Западного направления маршал С.К. Тимошенко не приняли во внимание своевременного доклада Военного совета 9-й армии об угрожающей опасности» («История второй мировой войны», т. 5, стр. 129, 1973 г.).

Соотношение сил сложилось в пользу врага, особенно в танках и артиллерии. Как видно из архивных материалов, которые нам удалось просмотреть, 17 мая 1942 года противник сосредоточил против 9-й армии до 5 пехотных, 2 танковых и 1 моторизованной дивизий, нанес удар по нашим войскам. Они не смогли сдержать мощного натиска противника. Крупная группа танков прорвала оборону армии и стала теснить части и соединения назад. Был разрушен узел связи. Управление войсками из штаба было потеряно. К исходу 18 мая большинство дивизий, понеся большие потери, оказалось на правом берегу реки Северский Донец. Отход 9-й армии поставил в тяжелое положение соседей - 57-ю и 6-ю армии. Войска попали в окружение.

В политдонесении начальника политического управления Южного фронта начальнику Главного политического управления РККА А.С. Щербакову о боевых действиях войск армии и причинах ее поражения в боях 17-20 мая 1942 года подчеркивается, что в 9-й армии сил было достаточно, чтобы сломить попытку врага прорвать оборону армии, но этого не случилось в результате безответственного отношения командования 9-й армии к подготовке своих войск к укреплению обороны.

В объемистом политическом донесении политуправления фронта акцентируется внимание на то, что командующий армией плохо руководил войсками, в поддержку такого вывода собраны и сведения, характеризующие его недостойное поведение в быту. В политдонесении указывалось, что 9-я армия потеряла в боях убитыми, ранеными и пленными 33000 человек (а на самом деле -26000).

Член Военного Совета Южного фронта дивизионный комиссар И.И. Ларин на первом листе политдонесения начальника политуправления фронта в ГлавПУР РККА крупным, размашистым почерком синим карандашом написал: «26000 - не 33000. Почему Брежнев не выполнил мое указание, не проверил данные?»

Л.И. Брежнев, впоследствии генеральный секретарь ЦК КПСС, в то время был заместителем начальника политического управления Южного фронта.

Общие потери наших войск в Харьковском сражении, по неполным данным, составили 267 тысяч человек.

Основными виновниками такого исхода Харьковской наступательной операции явились главнокомандующий войсками Юго-Западного направления маршал С.К. Тимошенко и член Военного совета этого направления Н.С. Хрущев. Они уверяли Верховного Главнокомандующего, что у них достаточно сил, чтобы отразить удар противника, избежать окружения своих войск. На основании их заверений Сталин отклонил своевременное предложение начальника Генерального штаба генерал-полковника А.М. Василевского о немедленном прекращении наступления Юго-Западного и Южного фронтов, который предвидел надвигающуюся катастрофу для наших войск. Впоследствии Верховный утвердил предложение о прекращении наступления на Харьков, но было уже поздно.

За трагический исход операции Тимошенко и Хрушев отделались легким испугом, получив от Сталина строгие предупреждения. Начальник штаба Юго-Западного направления генерал-лейтенант Баграмян был снят с должности. Такое милостивое решение И.В. Сталина в отношении руководителей неудавшейся военной операции, надо полагать, объясняется тем, что он чувствовал свою вину в этом.

«В результате этих неудач и обстановка, и соотношение сил на Юге резко изменились в пользу противника. Изменились, как видим, именно там, где немцы наметили свое летнее наступление. Это и обеспечило им успех прорыва к Сталинграду и на Кавказ» (А.М. Василевский, «Дело всей жизни», 1974, с.193).

Положение усугубилось еще и тем, что наше верховное командование предполагало, что немцы нанесут главный удар не на Юге, а на центральном участке, на Московском направлении. Поэтому Ставка больше укрепляла этот участок фронта.

Директива же Гитлера № 41 от 5 апреля 1942 года предусматривала, в первую очередь, все имеющиеся в распоряжении силы сосредоточить для проведения операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтяные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет.

Сосредоточив большие силы (900 тысяч солдат и офицеров, более 1200 танков, 1640 самолетов, большое количество артиллерии), создав на важных направлениях многократное превосходство, в конце июня гитлеровские войска перешли в наступление, прорвали оборону между Курском и Таганрогом (на фронте 600-650 километров), начали быстрое продвижение к Волге, на Кавказ. Вновь, как и в первые месяцы войны, на Юге Советскую Армию постигла горечь тяжелого

отступления, немцы захватили стратегическую инициативу. К середине июля вражеские войска заняли населенные пункты нашей области: Боковскую, Морозовскую, Миллерово, Каменск, промышленные центры Донбасса.

10 июля 1942 года 17-я немецкая армия начала наступление с рубежа реки Миус.

Жестокие бои развернулись у берегов Дона, не смолкая, гремели пушки в донских степях. В небе кружилось множество немецких самолетов с черными крестами на крыльях и фюзеляжах.

Словно ястребы, они бросались на добычу, сыпали бомбы на города и села, переправы, дороги, по которым двигались растянувшиеся на многие километры потоки обозов, машин, людей.

По степи, поднимая облака пыли, неслись табуны лошадей, тоскливо мычали недоенные коровы. Чабаны гнали мечущиеся, перепуганные стада овец. Тысячи людей, преимущественно женщины и подростки, угоняли колхозный скот в глубь страны, за Волгу, чтобы ничего не досталось врагу. Люди, скот задыхались от пыли и жары и изнемогали. Всюду полыхали пожары, горели дома, вокзалы, элеваторы, скирды сена и хлеба на корню.

Отступали и войска. Опечаленные жители выходили из домов на дорогу, по которым шли на восток усталые, хмурые, серые от пыли солдаты, печальными взглядами провожали их, мысленно, а то и напрямую говорили: «Куда же вы идете, на кого нас оставляете?».

НА МИУСЕ

После освобождения 29 ноября 1941 года г. Ростова-на-Дону войска Южного фронта, преследуя отходящие части армии Клейста, отбросили захватчиков от Ростова на 60-80 километров, освободили свыше 400 населенных пунктов Матвеево-Курганского, Родионово-Несветайского, Больше-Крепинского, Мясниковского и Неклиновского районов. Гитлеровские войска отходили на рубеж реки Миус, стремясь удержать за собой Матвеев Курган. 4 декабря 1941 года войска 150-й стрелковой дивизии совместно с воинами второй, 142-й танковых бригад и частями 16-го кавалерийского корпуса выбили противника из Матвеева Кургана. Дальше наши части, ослабленные в наступательных боях, не смогли развить наступление.

В декабре 1941 года образовался «Миус-фронт».

Войска 56-й армии на линии Куйбышево, Матвеев Курган, Ряженое, Таганрог, на восточном берегу реки Миус по холмам, оврагам, хуторам и селам заняли оборонительные позиции.

В руках у врага находилось правобережье Миуса.

Выгодный плацдарм. С замиусских высот на десятки километров вглубь немцы просматривали нашу оборону, подходы к ней. Заняв рубеж обороны на Миусе, немцы стали спешно его укреплять, подтягивать резервы, готовиться к новому наступлению.

Советские войска стойко удерживали занятые рубежи до июля 1942 года. Фашистские захватчики предпринимали атаки против наших войск, стремясь сбить их с занимаемого рубежа, наносили бомбовые уда-

ры, яростно обстреливали позиции наших частей из минометов, орудий.

Не один раз пытались наступать и наши войска, чтобы улучшить свои позиции, лишить противника Таганрогского плацдарма и захватить г. Таганрог. 8 марта 1942 года с этой целью с фронта Матвеева Кургана началось наступление 56-й армии. С нашей стороны участвовало в нем более 60 тысяч воинов. Оно продолжалось до 2 апреля. Понесся большие потери, армия вынуждена была вернуться на исходные позиции.

Участник тех боев командир 71-го стрелкового полка 30-й Иркутской стрелковой дивизии майор И.М. Ковалев (ныне генерал-лейтенант в отставке) вспоминает: «Будучи в составе 56-й армии, в течение семи месяцев — с декабря 1941 по июль 1942 года — нашей дивизии пришлось участвовать в двух неудачных операциях по освобождению Таганрога, без поддержки авиации, танков, артиллерии. Более 10 раз мы также пытались улучшить позиции на Миусе. Особенно в районе Ряженое и Каменоломни, не добиваясь цели, неся потери. А ведь можно было бы улучшить наши позиции вместо бессмысленных наступлений простым отходом на 300-500 метров, максимум на один километр, и потерь бы мы имели меньше, но отходить, даже на шаг, высшее командование не позволяло».

Перейдя в апреле к обороне, части 56-й армии пополнялись людьми, вооружением, укрепляли оборонительные линии. Воины зарывались в землю, сооружали дзоты, устанавливали проволочные заграждения, минные поля. Только на обороняемом участке Большая Кирсановка – Матвеев Курган-Ряженое было построено 263 дзота, установлено 48 бронеколпаков, вырыто 15 километров противотанковых рвов, 64 километра ходов сообщений.

К строительству оборонительных рубежей все годы, пока стоял на Миусе фронт, широко привлекались жители прифронтовых сел.

Свидетельствуют военные архивы. В приказе командира 30-й стрелковой дивизии говорится: «Колхозники и колхозницы, служащие Ивановки, Борисовки, Андриановки, Семихаток, Политотдельского, Новоселовки, Приюта, более 20 деревень Матвеево Курганского района в течение недели вместе с воинами дивизии самоотверженно трудились на возведении противотанковых рвов, эскарпов, рыли окопы и ходы сообщения». За образцовую работу на оборонном строительстве командование дивизии объявило благодарность более 50 жителям сел Политотдельского сельсовета. Ежедневно до самого отхода наших войск с Миуса 20-30 пароконных повозок воинских частей использовались на перевозке жителей Политотдельского, Богдановки, Андриановки, Ивановки в район Новоселья, Павловки на работы по рытью противотанкового рва.

«На основании приказа командующего Южным фронтом, постановления обкома ВКП(б) и облисполкома о мобилизации местного населения на строительство оборонительного рубежа, — читаем в постановлении бюро РК ВКП(б) и исполкома райсовета Куйбышевского района, - мобилизовать на строительство в порядке трудов повинности население колхозов в возрасте: женщины — от 16 до 55 лет, мужчины — от 16 до 60 лет. Всего по району 2000 человек». В постановлении приводится разнарядка по колхозам и сельским Советам. Население должно иметь свои инструменты из расчета 1 лопату на каждого человека, один топор на 5 человек, одну пилу на 10 человек, одну кувалду на 5 человек, продуктов питания на 15 дней, обувь, одежду, ложки, миски, постельные принадлежности.

В течение апреля-июня 1942 года части и соединения 56-й армии и Южного фронта получали пополнение людьми и вооружением. На 10 июля 1942 года численный и боевой состав 56-й армии составил 107826 человек при штате 113157 человек, в том числе боевые войска 81469 человек. Армия имела 48 танков, пулеметов ручных 1453, станковых пулеметов 695, 76-мм пушек — 264, минометов 82-мм — 558 (АМО, ф.412 и 10287, д.9, л. 79-80).

Почти до полного штатного состава были доведены 68, 76, 81-я морские стрелковые бригады, 30, 339-я стрелковые дивизии и другие части, участвовавшие в боях в марте 1942 года за освобождение Таганрога. В стрелковых бригадах насчитывалось по 3800-4000 человек при штате 4400. 30-я стрелковая дивизия имела в своем составе 11 тысяч бойцов и командиров, 45 пушек, 110 минометов, 43 станковых и 137 ручных пулеметов, 150 ПТР.

Войска Южного фронта, понесшие значительные потери в Харьковской операции в мае 1942 года, полностью не были укомплектованы личным составом и боевым вооружением. Армии фронта и части фронтового подчинения были укомплектованы на 75-80 процентов и насчитывали около 350 тысяч человек. С частями боевого обеспечения и тыла фронт имел более 450 тысяч воинов. Такими силами примерно располагал Южный фронт, когда 10-12 июля развернулись боевые действия в его полосе. Ставка включила в состав Южного фронта отошедшие 57, 28, 39 и 9-ю армии расформированного Юго-Западного фронта. Но это не улучшило положение войск фронта. Эти армии понесли значительные потери. Наши войска не смогли задержать продвижение мощных танковых

и моторизованных группировок противника. Немецкие войска быстро продвигались вперед.

В этих условиях Ставка Верховного Главнокомандования приказала войска Южного фронта отвести из Донбасса за Дон. Здесь с Северо-Кавказским фронтом организовать прочную оборону по левому берегу Дона от Верхнекурмоярской до Маныча и по оборонительному рубежу, подготовленному на северных подступах к Ростову.

После отхода войск Южного фронта в ночь на 16 июля на указанный рубеж широкий участок его обороны от Каменска-Шахтинского до Константиновки оказался неприкрытым, чем воспользовался противник, ринулся в образовавшуюся брешь и вышел к ростовскому укрепленному району.

Создалась угроза окружения 56-й армии, оборонявшей рубеж Куйбышево-Матвеев Курган-Таганрог. Она начала отход на ростовский оборонительный рубеж, получив задачу прочно его оборонять совместно с частями укрепленного района и прикрыть на этом участке отход остальных пяти армий за Дон.

К утру 19 июля армия должна была отвести свои войска на рубеж Мартыновка, Писаревский, Ясиновский, оставив в Куйбышево сильный отряд. Последующие рубежи отхода армии к утру 20 июля: Больше-Крепинская, Политотдельское, Седовский. К утру 21 июля — Савченко, Недвиговка, где было приказано прочно закрепиться.

Отход армии прикрывала 339-я Ростовская стрелковая дивизия, оставившая позиции на Миусе (Б-Кирсановка, Матвеев Курган) и начавшая выдвижение на рубеж Екатериновский, села Политотдельское и Советское. Во второй половине дня 19 июля у Ново-Андреановки немецкие

войска-до 20 танков и 30 бронемашин с пехотой - атаковали походное охранение 1133-го полка этой дивизии в составе одного батальона, усиленного артиллерийским дивизионом, стремясь его уничтожить и нанести потом удар по главным силам отходящих наших войск. Бой продолжался до вечера. Стрелки батальона под командованием старшего лейтенанта В.Баранова при поддержке артиллерии отразили атаки немцев. При этом уничтожили более 10 танков и бронемашин, до сотни гитлеровцев.

В ночь на 18 июля из района Лысогорки начала отход 76-я морская стрелковая бригада, соблюдая маскировку, она сумела скрытно оторваться от противника. Совершив трудный марш, бригада заняла оборону в районе Султан-Салы.

После 80-километрового перехода 81-я морская стрелковая бригада 20 июня заняла более чем на 20-километровом участке оборону по реке Тузлов (Грушевская, Каменный Брод, Несветай).

21 июня заняла оборону в 156-м укрепрайоне, в пяти километрах севернее Чалтыря, 68-я морская стрелковая бригада. Сюда же, оставив оборону на Миусе, на рубеж Чалтырь, Крым, Хапры отошла 30-я стрелковая дивизия и заняла позиции вдоль вырытого там местными жителями противотанкового рва, в 20-30 километрах западнее Ростова. Юго-западнее села Султан-Салы держала оборону 339-я стрелковая дивизия.

НА ПОДСТУПАХ К РОСТОВУ

К исходу дня 21 июля противник прорвался крупными силами к ростовскому укрепленному району и перешел в наступление. Вновь, как и осенью 1941 года, немецкое командование пыталось окружить отходившие войска Южного фронта, уничтожить их и открыть себе путь на Кавказ.

Ранним утром 22 июля немецкие войска атаковали наши части, оборонявшиеся юго-западнее сел Чалтырь, Султан-Салы, и по линии укрепленного района развернулись тяжелые оборонительные бои. Весь день части 56-й армии сдерживали натиск врага, давая возможность отходящим войскам Южного фронта переправиться на левый берег реки Дон. Враг массированно использовал танки и пехоту. Авиация, разрушив в течение нескольких дней центральную часть Ростова и Батайск, бомбя переправы и пути подхода к ним, перенесла удар на передний край нашей обороны. Группами по 50-70 самолетов противник бомбил боевые порядки на открытой местности, достигая большого разрушительного эффекта.

По позициям 339-й стрелковой дивизии противник произвел мощный артиллерийский налет, затем более 50 бомбардировщиков нанесли по ним бомбовые удары. Вслед за огненным валом двинулись немецкие танки. Их было более 100. Шли они вначале широким фронтом, потом перестроились в тупорылые танковые клины. За танками под прикрытием броневых щитов во весь рост шла пехота. До двух десятков танков устремилось на участок, где держали оборону подразделения старшего лейтенанта Артема Ивановича Геновского. Воины не дрогнули. Они забрасывали танки гранатами, бутылками с зажигательной смесью, били в борт и боковую броню из противотанковых ружей, пулеметным и ружей-

ным огнем отсекали пехоту от танков. Бойцы Геновского отразили несколько атак, подбили семь танков. Жаркий бой шел на всех участках, где оборонялась дивизия. Не считаясь с потерями, враг рвался вперед. Танкам удалось вклиниться в глубь обороны; здесь их встретил орудийный огонь. Артиллеристы выкатывали орудия на прямую наводку и расстреливали танки. Батарея старшего лейтенанта А.П. Юсупова подбила 8 танков, командир батареи лейтенант В.П. Хижняк лично уничтожил три танка.

Истребительно-противотанковая батарея выпускника Ростовского артучилища лейтенанта Александра Русейкина занимала позиции неподалеку от села Султан-Салы, в районе кургана Бербер-Оба, на том месте, где 18 ноября 1941 года насмерть стояли артиллеристы батареи Героя Советского Союза С.А. Оганяна. Все они тогда погибли, но не пропустили врага.

Весь день шел бой, расчеты Русейкина уничтожили десятки гитлеровцев, несколько танков и бронетранспортеров. Но и сами понесли урон. Было разбито 3 орудия. Погибли и были тяжело ранены почти все бойцы батареи. И к единственному оставшемуся орудью стали раненый лейтенант Русейкин и политрук батареи И.Ткаченко, продолжая вести огонь. Ранен был и политрук. Они покинули позиции лишь по приказу командира дивизии.

Трижды немцы атаковали большими силами позиции 76-й морской бригады и трижды были вынуждены отходить назад. Бригада попала в трудное положение. Соседняя часть справа оставила свои позиции, не сообщив в бригаду, была потеряна связь с 56-й армией. Немецкие танки и автоматчики прорвались во фланг и тыл бригады. Только исключительное мужество моряков и умелые действия артиллеристов полка резерва главного командования, которым командовал полковник

Писарев, позволили бригаде отразить атаки немцев, выйти из полуокружения и, сохраняя порядок, отступить к Ростову.

21-23 июля 68-я морская стрелковая бригада вела упорные сдерживающие бои. Противник пускал на позиции бригады большое количество танков и пехоты, поливая обороняющихся моряков пулеметным и артиллерийским огнем. Активно действовала вражеская авиация, нанося сильные бомбовые удары по боевым порядкам наших бойцов. В ночь на 24 июля бригада отошла к Ростову.

На оборону 256-го полка 30-й СД устремились более 40 танков. Артиллеристы, бронебойщики, стрелки отбили три танковые атаки немцев, нанеся им большие потери. Гитлеровцы не успокоились. Во второй половине дня против наших войск немецкое командование пустило до 200 танков и несколько полков пехоты. Прорвав оборону на участке соседней дивизии, немецкие танки двинулись на Султан-Салы, а более 50 танков вновь атаковали оборону дивизии и огневые позиции артиллерийской батареи. В бой с танками вступили артиллеристы противотанковой батареи. Меткими выстрелами младший сержант Стельмах и красноармеец А.Савельев подбили один танк, бронемашину и машину с пехотой, бойцы поражали танки из противотанковых ружей, забрасывали их гранатами. Пулеметчики вели огонь по пехоте. При отражении атак гитлеровцы потеряли 9 танков, 3 бронемшины, несколько машин с пехотой.

Шли часы, а бой все разгорался. Много гитлеровцев было уничтожено, поредели ряды наших воинов. Немецкие танки прорвали оборону и вышли в тыл соединения. Здесь им преградила путь артиллерийская батарея старшего лейтенанта В.Е.Холева. До последней возможности сражались артиллеристы. Многие бойцы погибли и были ранены. Батарея задержала продвижение танков, вывела из строя 13 из них,

дала время командованию дивизии принять меры для уничтожения прорвавшегося в тыл врага.

Вражеские танки вышли к командному пункту дивизии. Для его защиты сил было мало, всего несколько десятков автоматчиков, бронебойщиков. Пока батарея В.Е. Холева отражала атаку танков и пехоты, по приказу командира дивизии начальник оперативного отдела штаба дивизии майор Г.Ф.Малолетко задержал отходившую в тыл противотанковую батарею соседней дивизии и развернул ее для борьбы с танками. На подступах к командному пункту завязался жаркий бой. Было подбито несколько вражеских машин, но танки рвались вперед. И тогда командир дивизии полковник Б.Н. Аршинцев, чтобы спасти положение, бросил в бой последний резерв — роту СИТ (собак-истребителей). Животные подорвали 24 танка.

В своих воспоминаниях бывший начальник штаба дивизии гвардии полковник Г.Ф. Малолетко об этом эпизоде написал так: «Заканчивались снаряды, все меньше становилось гранат, бутылок с зажигательной смесью, а наблюдатели донесли, что появилась новая группа вражеских машин. Мы тогда использовали собак-истребителей танков. Четвероногие друзья бросались под танки, которые и подрывались на минах, подвешенных к собакам. В тот день немцы прекратили танковые атаки» («Рожденная в боях», Ростиздат, 1977, стр. 56).

ГЕНЕРАЛ АРШИНЦЕВ

Дивизия удерживала свои позиции три дня, отбивая мощные атаки врага, и только по приказу командования отошла и переправилась через Дон. Ее части понесли большие потери, но не были дезорганизованы. Личный состав был готов и после переправы за Дон к отражению новых атак гитлеровцев и прославился в дальнейшем навеки в боях за Кавказ, на краснодарской земле. В этом принадлежит большая заслуга ее командиру полковнику, а затем генерал-майору Борису Никитовичу Аршинцеву. Это был четвертый командир 30-й дивизии за первые 11 месяцев войны и, пожалуй, самый выдающийся за всю войну. Под его командованием в декабре 1942 года 30-я Иркутская стрелковая дивизия была преобразована в 55-ю гвардейскую, дважды была награждена орденами Красного Знамени. Боевые заслуги дивизии неоднократно отмечались в приказах Верховного Главнокомандующего.

Сам командир дивизии был удостоен за двадцать месяцев командования дивизией нескольких боевых наград и звания Героя Советского Союза и выдвинут на должность командира стрелкового корпуса.

На фронте ходила окопная фраза: «Города сдают солдаты, генералы их берут». Генерал Аршинцев никогда не отделял себя от солдат. С ними оставлял города, с ними их брал. Как и они, он сидел в сырых окопах, месил грязь на фронтовых дорогах. Была, конечно, разница между ними. Солдат отвечал за себя, а командир дивизии, командир корпуса — за всех них.

Когда разгорелись особенно ожесточенные бои в районе Пашковской переправы у Краснодара, в начале августа 1942 года, и дивизия попала в полуокружение, Аршин-

цев вывел ее, отразив все атаки противника. Потери дивизии были минимальными. Она выполнила задачу, которая имела значение для всей армии. И командарм при встрече сказал: «Спасибо, генерал, ты для всех нас много сделал».

Летние и осенние дни 1942 года были очень тяжелыми. Бывало, командование ставило дивизии такие задачи, которые невыполнимы по силам: мало бойцов, техники, наступать нечем. Аршинцев не стеснялся: говорил об этом прямо начальникам, невзирая на лица.

Старший военачальник однажды сделал упрек командиру дивизии, что его части топчутся на месте, когда надо быстрее продвигаться вперед. Аршинцев сказал: «В полках активных штыков осталось в 5-10 раз меньше, чем положено. Уже 10-й день непрерывно ведутся бои. Солдаты сражаются до последней возможности. Большого с них требовать не имею права. Медленно, мелкими шагами, но они идут вперед. Ваше желание мгновенно атаковать, взять на abordаж противника не соответствует той обстановке, которая сложилась».

Генерал-майор Аршинцев имел за плечами значительный жизненный и военный опыт. Родившись в 1903 году в городе Грозном, в семье плотника, он в 1920 году вступил в Красную Армию, попал на командные стрелковые курсы. В 1921-22 годах в качестве командира взвода участвовал в ликвидации бандитизма в Чечне, вступил в партию. В 1929 году окончил Военную школу ЦИК СССР, в 1938 году — Военную академию имени М.В. Фрунзе. В этом же году сражался на озере Хасан. Потом стал преподавателем на кафедре общей тактики Академии имени М.В. Фрунзе. В годы сталинских репрессий был арестован, несколько месяцев находился в не столь отдаленных местах, пришлось отдавать тюремных харчей. Был оправдан.

С первых дней войны сражался на Западном фронте в качестве начальника штаба стрелковой дивизии. Пришлось испытать горечь отступления в 1941 году, побывать и в окружении и пробиваться к своим. Затем стал командиром 16-й отдельной стрелковой бригады; с 10 июня 1942 года полковника Аршинцева назначили командиром 30-й Иркутской стрелковой дивизии.

- Борис Никитович — военная косточка. Ладный, статный, решительный и смелый, — говорили сослуживцы.

«Аршинцев был словно и впрямь создан для военной службы. Как живой перед глазами стоит в шинели, наброшенной на плечи, — вспоминает бывший командир полка этой дивизии И.М. Ковалев, — высокий, худощавый, стройный наш комдив. Его тонкие губы были сжаты, а появлявшаяся обаятельная улыбка делала его чуть скуластое лицо на редкость добрым».

Генерал Аршинцев имел хорошую военную подготовку, с академическим военным образованием командиров дивизий, корпусов в годы войны было мало.

В 1943 году он был выдвинут на должность командира стрелкового корпуса. Но случилось непоправимое. Герой Советского Союза командир 16-го стрелкового корпуса гвардии генерал-майор Аршинцев Борис Никитович 15 января 1944 года на 41-ом году жизни погиб в бою в Крыму. Похоронен на военном кладбище в городе Керчи.

ОТХОД ЗА ДОН

Примеров стойкости, мужества и героизма как воинов, так и частей и соединений при обороне и отходе войск 56-й армии и Южного фронта можно привести много. Но следует сказать и о драматизме военных событий лета 1942 года. Не все части и соединения нашей армии стойко оборонялись, сражались так, как, например, 30-я стрелковая дивизия, морские бригады, и дело не только в том, что враг превосходил нас в силах и заставлял отходить наши войска. У нас не хватало организованности, страдало управление войсками. Были дни, когда армии не имели связи с дивизиями, а командование фронта не знало о положении армий.

Гитлеровским войскам 22 июля удалось прорвать оборону западнее Ростова и охватить полукольцом Ростов, и продвинуться к переправам через Дон. Ведя тяжелые оборонительные бои, войска 56-й армии отходили за Дон, авиация противника большими группами самолетов бомбила боевые порядки. Наша авиация не проявляла активности. «Через оборонительный рубеж и боевые порядки частей 56-й армии, — записано в журнале боевых действий, — два дня тянулись к Ростову части отходящих в беспорядке 24, 12 и 18-й армий. Они внесли дезорганизацию в войска армии, занимавшие обвод. Поток людей, утративших боеспособность, спешащих к переправам, подхватил неустойчивых, оголил местами целые участки обороны. В образовавшиеся бреши хлынул противник на плечах отходивших в беспорядке частей других армий, и в неприкрытые фланги 56-й армии противник просочился утром 23 июля на северо-западную окраину Ростова и к исходу дня отдельными танками и группами пехоты появился в центре города».

Участник этих боев, наш земляк из села Новониколаевка Иван Никандрович Ткаченко рассказывает, что полку, в котором он служил, не удалось перебраться через переправы Дона, так как они находились под обстрелом вражеских войск. Отряд примерно в 60-70 человек, в котором находился И. Ткаченко, во главе с начальником штаба батальона самостоятельно, через плавни, вышел к Кулешовке и Азову.

Командный пункт 56-й армии (командующий генерал-майор А.И. Рыжов) переместился к 22 июля в г. Ростов. Город днем и ночью подвергался массированным ударам вражеской авиации, горел, рушились здания, гибли мирные жители. Падали бомбы и у штаба армии. Связь армии с дивизиями часто нарушалась, а затем была совсем утрачена.

В условиях отступления, частых перемещений штабов дивизии, полков трудно было поддерживать связь и по радио. Ночью 24 июля с Пушкинской улицы, когда город по существу уже был занят врагом, двинулась колонна машин штаба армии на юго-восточную окраину города в район Александровки. Роте охраны штаба и офицеров пришлось вступить в бой с автоматчиками. С трудом штаб переправился на другой берег Дона.

«Значительная часть сил 56-й армии 24 июля вышла на левый берег реки Дон. Забитые потоками машин, людей четырех армий на двух переправах через Дон, подвергаемые небывалым бомбовым ударам с воздуха не дали возможности 56-й армии отойти организованно. Большая часть артиллерии, боеприпасов, транспорта, осталась на северном берегу р.Дон» (АМО, ф. 412, о. 10282, д. 52, л. 10-11).

Очень сложная обстановка создавалась в полосе обороны 37-й армии, которой командовал генерал П.М. Козлов. При отходе ее на левый берег Дона на переправах и в прилегающих к ним кварталах скопилось много воинских частей, бо-

ево́й техники, автомашин, гужевого транспорта, гражданского населения.

Авиация непрерывно бомбила город и переправы. Сменяя друг друга, вылетали группы по 20-30 и более вражеских бомбардировщиков и постоянно висели над головой. Противник имел в воздухе беспредельное превосходство.

Немецкие истребители, находившиеся в воздухе южнее Батайска, не давали возможности нашим истребителям прорваться к Ростову.

24 июля противник овладел Ростовом.

Директива штаба Южного фронта 24.07.42 предлагала 56-й армии отвести войска за р. Дон и собрать их в районе Позднеевки. Однако потерянное почти в течение двух дней управление армией ее штабом привело к тому, что части отходили по своему, никем не контролируемому плану. Отдельные подразделения попали в части другой армии и шли по их маршруту.

Командование фронтом приказало 18-й армии генерала Ф.В. Камкова занять немедленно оборону по левому берегу р. Дон и дать возможность остальным армиям привести себя в порядок и закрепиться на рубежах. Приказ армией не был выполнен, и противник, не встретив сопротивления, форсировал р. Дон и вышел в придонские степи и в район Кубани.

Вот как оценивал боевые действия войск Южного фронта в конце июня-июля 1942 года оперативный отдел штаба фронта.

«Армии Южного фронта в тяжелых и неравных боях понесли тяжелые потери, была расстроена связь, поддерживалась с перебоями в основном офицерами связи и по радио. Войска фронта отходили на неподготовленные рубежи без должного снабжения горючим, продфуражом, бое-

припасами, войска не могли занять прочной обороны, чтобы противостоять двум танковым армиям противника, действовавшим группами танков (100-200 единиц при полном взаимодействии со своей авиацией» (АМО, ф. 228, о. 701, д.10491, л. 78).

Отдельные армии по существу утратили свою боеспособность. Особенно были потрепаны 9-я и 24-я армии. В 9-й армии осталось всего лишь 2128 активных штыков, 26 ручных и 27 танковых пулеметов, 42 орудия; 24-я армия совершенно не представляла из себя какой-то боевой организации. В ней насчитывалось 1113 человек, 9 орудий и 23 миномета.

56-я армия имела более 10 тысяч человек. 37-я и 12-я армии по своему составу были наиболее сохранившиеся.

37-я армия имела 21148 человек, из них 13120 активных штыков.

Войска Южного фронта на 28 июля 1942 года насчитывали начальствующего состава 12385 человек, рядового 94003 человека.

Начальник политического управления Южного фронта бригадный комиссар Гришаев в политдонесении начальнику Главного политического управления Красной Армии А.С. Щербакову об июльских боях приводит данные о героизме воинов, боевых успехах отдельных подразделений и частей. Молодой летчик из 40-го авиационного истребительного полка Коршунов один дрался с 6 истребителями противника. Летчики 4-й воздушной армии с 17 по 20 июля сбили 27 самолетов, уничтожили много танков и автомашин противника. Особенно отличились авиаэскадрильи под командованием офицера Чудеса. Многие бойцы и командиры, указывается в донесении, приняты в ВКП(б).

Касаясь июльских боев войск фронта, выполнения директивы Ставки Верховного Главнокомандования об организованном отходе войск, бригадный комиссар Гришаев отмечал, что директива выполняется неудовлетворительно, закрепление войск на новом рубеже совсем сорвано.

Вместо организации упорной обороны на определенных рубежах войска почти безостановочно откатывались назад. Большинство частей к установленному сроку не сумело достичь южного берега р.Дон.

«Во время отхода наши войска понесли огромные потери в живой силе, вооружении и боевой технике и позволили противнику без особого труда форсировать Дон, Маныч, взять Новочеркасск, Ростов, Батайск. Установлены многочисленные факты неорганизованности, растерянности, трусости, бегства с поля боя целых частей и подразделений, оставления противнику материальной части. Десятки тысяч бойцов, огромное количество материальной части и боеприпасов было потеряно по пути к левому берегу р. Дон» (АМО, ф. 228, о. 710, д. 66, л. 516).

Особенно большой урон понесла 24-я армия. Ее штаб потерял связь с соединениями и частями. Из трех стрелковых дивизий лишь одна вышла из окружения, сохранив 800 человек личного состава. Командир и комиссар 335-й дивизии погибли. 14-й танковый корпус потерял в дни отхода 107 танков. Части 56-й армии вынуждены были уничтожить 40 тонн продовольствия и 80 вагонов боеприпасов.

15-й кавалерийский корпус 9-й армии имел свыше 9000 бойцов. В районе Каменска его части попали в окружение немецких войск. При прорыве вражеского кольца корпус потерял почти все вооружение, много личного состава. Его расформировали. Из корпуса была сформирована одна дивизия.

ПРИКАЗ № 227

В результате оборонительных сражений, которые продолжались с 28 июня по 24 июля, войска Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов отступили более чем на 150-400 километров, оставив Донбасс и Ростов и богатые сельскохозяйственные районы правобережья Дона. Немцы добились значительного успеха, создали непосредственную угрозу захвата Сталинграда и Северного Кавказа.

Войска Южного фронта (командующий генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский, член военного совета дивизионный комиссар И.И. Ларин, начальник штаба генерал-майор А.И. Антонов) к исходу 25 июля закрепились на левом берегу реки Дон от устья манычского канала до Азова. Фронт занимал оборону в полосе шириной 320 километров. Армии фронта, понеся потери в предыдущих боях, нуждались в серьезном пополнении людьми и вооружением, а такие армии, как 24-я и 9-я, в боевых действиях не могли участвовать, они были отведены в тыл для укомплектования. 51-я армия генерал-майора Т.К. Коломийцева держала оборону шириной 171 километр от Верхнекурмоярской до Константиновской. Она насчитывала всего 40 тысяч человек, не имела танков. 12-я армия генерал-майора А.А. Гречко, имевшая всего около 17000 человек, оборонялась в полосе шириной 40 километров.

37-я армия генерал-майора П.М. Козлова осуществляла оборону от Константиновской до Багаевской - 65 километров. Имела в своем составе лишь 17000 человек.

25 июля немецко-фашистские войска, поддержанные крупными силами авиации, перешли в наступление с захваченных плацдармов, нанося удар на Сальск, Ставрополь и Краснодар. Войска Южного фронта, понесшие невосполни-

мые потери при отходе, не могли оказать упорное сопротивление противнику, задержать его продвижение. Кроме этого, противник под прикрытием больших сил авиации переправил на левый берег Дона новые соединения семи корпусов. Создав подавляющее превосходство, особенно в танках и артиллерии, нанес сильный удар по особо уязвимым направлениям наших войск. К исходу 28 июля фронт был прорван. Между армиями Южного фронта остались большие разрывы. Танковые и механизированные соединения противника, выйдя на просторы задонских и сальских степей, Краснодарского края, рвались вперед. Возникла угроза прорыва противника в глубь Кавказа. Обстановка для нашей армии создалась сложная и опасная.

Ставка Верховного Главнокомандования принимала экстренные меры. Она решила объединить усилия всех войск, находившихся на Северном Кавказе. 28 июля был ликвидирован Южный фронт, он был объединен с Северо-Кавказским фронтом. Командующим был назначен маршал С.М. Буденный. Неудачи войск Южного фронта в боях под Харьковом, оставление ими Новочеркасска, Ростова, не могли не отразиться на служебном положении командующего. В автобиографии, написанной 4 марта 1948 года, Р.Я. Малиновский отмечал: «По приказу Ставки в связи с неудачами под Харьковом и отходом войск (Юго-Западного фронта), начал в июле планомерный отход и Южный фронт, во время этого отхода, будучи глубоко охвачен с флангов и тыла, не сумел удержать Новочеркасск и Ростов и оставил их без разрешения Ставки. Южный фронт был слит с Северо-Кавказским фронтом в один Северо-Кавказский фронт, командующим был назначен маршал Буденный, а я — первым заместителем. 27 августа 1942 года я был назначен командующим 66-й армией, которую повел под Сталинград».

Воины Северо-Кавказского фронта оказывали упорное сопротивление врагу, не дали ему возможности окружить советские войска южнее Ростова, но в конце июля — начале августа развитие событий складывалось не в нашу пользу. Превосходящие силы противника продвигались вперед. Вражеские войска 5 августа заняли Ставрополь, 9 августа — Майкоп, 11 — Краснодар. 28 июля 1942 года появился приказ Народного Комиссара обороны СССР № 227 с грифом «Совершенно секретно». Этот приказ не только в годы войны, но и после войны долгое время не публиковался в печати. Приказ был подписан И.В. Сталиным и создавался под его диктовку. Редактор «Красной Звезды» того времени Д. Ортенберг в воспоминаниях писал: «Передовица газеты «Красная Звезда», посвященная приказу, предварительно также просматривалась Сталиным» (Ортенберг Д., «Год 1942», М., 1988, стр. 274).

Издание приказа было вызвано чрезвычайно неблагоприятным для советских войск исходом операции на южном фланге советско-германского фронта, тяжелыми поражениями наших войск в Крыму, под Харьковом, а затем в районе Воронежа и Донбасса.

В приказе указывалось: «Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россoshь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа.

Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором...

Мы потеряли более 70 миллионов населения, 800 миллионов пудов хлеба, более 10 миллионов тонн металла в год. У нас уже нет теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба». В этом приказе излагается суровая правда об опасном положении на советско-германском фронте.

Главным пунктом приказа является положение: отступать дальше — значит погубить себя и загубить Родину, призыв «Ни шагу назад!».

И. Сталин заявил открыто в приказе, что он по примеру немецкого командования, спасавшего свой фронт от развала зимой 1941-42 годов, вводит штрафные роты, батальоны, заградительные отряды. Приказ требовал расстреливать без суда и следствия всех паникеров, тех, кто отступал без приказа.

Приказом было предусмотрено сформировать в пределах фронта от одного до трех штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и политработников всех родов войск, обвинявшихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости. Сформировать в пределах армии 3-5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов. Сформировать в пределах армии от пяти до десяти штрафрот (150-200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, обвиняемых в трусости, поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

В некоторой части приказ № 227 от 28 июля 1942 года созвучен приказу Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 года. Его тогда подписали, кроме И. Сталина, В. Молотов, С. Буденный, К. Ворошилов, С. Тимошенко, Б. Шапошников, Г. Жуков. Этот приказ вышел в обстановке, когда наше высшее политическое и военное руководство не сумело организовать отпор наступлению немецко-фашистских захватчиков, возложило ответственность за отступление на воинов, красноармейцев и командиров. В этом приказе предусматривались крайние меры для обвиняемых в трусости, отступлении. Плен уравнивался с предательством Родины. Проявлялась жестокость в отношении воинов, которые вынуждены не по своей вине отступать и попадать в плен. Вопреки законам и обычаям войны, все оказавшиеся в плену объявлялись предателями. Эти люди лишались прав участников войны, а их семьи — государственных пособий. А ведь большинство воинов оказалось в плену по вине командования. Не все же более трех миллионов наших воинов, оказавшихся в 1941 году в плену у немцев, подняли руки и сдались в плен. Подавляющее большинство до последней возможности сражались в открытом бою с врагом. Когда уже все силы иссякли, раненые, голодные, без оружия, психически сломленные, попадали в плен. Безусловно, какая-то малая часть офицеров, красноармейцев действительно сама добровольно сдавалась в плен немцам.

Приказ № 227 (а автор этих строк под расписку знакомился с ним и был участником летних оборонительных сражений 1942 года) сыграл важную роль в укреплении порядка, дисциплины в армии, боевой стойкости войск. Но не он или не только он остановил отступление наших войск. Когда Красная Армия стала лучше обеспечиваться вооруже-

нием, танками, артиллерией, авиацией, людскими резервами, наши генералы, офицеры и солдаты приобрели боевой опыт современной войны, — все это в сочетании с высоким моральным духом воинов, вызванным справедливой войной за защиту своего Отечества, позволило изгнать врага с нашей земли и разбить его наголову.

ПОБЕДА НА ВОЛГЕ

2 февраля 1943 года. В этот день прозвучали последние залпы исторической битвы на Волге, окончившейся победой Красной Армии. За время гигантской битвы, длившейся 200 дней и ночей, Германия и ее союзники потеряли четвертую часть войск, действовавших в то время на советско-германском фронте. Общие потери врага убитыми, ранеными и пленными составили около 1,5 миллиона человек. Наша армия потеряла убитыми и ранеными 1.200.000 человек. Только при ликвидации окруженной 6-й немецкой армии под Сталинградом были разгромлены 22 немецкие дивизии. Войска Донского фронта с 10 января по 2 февраля 1943 года взяли в плен 91 тысячу солдат и офицеров противника, в том числе 2500 офицеров и 24 генерала во главе с командующим армией генерал-фельдмаршалом Фридрихом Паулюсом. На поле боя после ликвидации окруженной группировки было подобрано и похоронено 147,2 тысячи убитых гитлеровцев.

Фридрих Паулюс (1890-1957), немецко-фашистский генерал-фельдмаршал (1943). В армии с 1910, участник 1-й мировой войны (1914-1918). Один из главных составителей «Плана «Барбаросса» — плана нападения на СССР. Во 2-ю мировую войну в 1940-42 гг. начальник штаба армии, первый заместитель начальника генерального штаба сухопутных войск. С января 1942 года командовал 6-й армией и осуществлял общее руководство наступлением на Сталинград.

31 января 1943 года сдался в плен советским войскам. В плену вступил в антифашистскую организацию немецких офицеров.

С 1953 года жил в Германской Демократической Республике.

Победа нашей армии под Сталинградом сыграла большую роль в достижении коренного перелома в Великой Отечественной войне. После нее стратегическая инициатива перешла в руки советского главнокомандования. Эта победа повернула ход второй мировой войны в пользу народов антифашистской коалиции. Получив весть о гибели шестой армии у Волги, правители Германии объявили в стране трехдневный траур.

На совещании в ставке вермахта после получения сообщения о пленении Ф.Паулюса Гитлер сказал: «Возможность окончания войны на Востоке посредством наступления более не существует. Это мы должны ясно представить себе».

После разгрома немецко-фашистских войск на Волге обстановка на советско-германском фронте резко изменилась в пользу Красной Армии. Она перешла во многих направлениях в наступление, очищая свою землю от немецких оккупантов. Особенно благоприятные условия создались на южном фланге советско-германского фронта. Здесь фронт обороны противника был сокрушен, а бывшая стойкость его войск утрачена.

Ставка Верховного Главнокомандования приказала Южному фронту (командующий генерал-полковник А.И. Еременко, а со 2 февраля 1943 года генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский-Еременко уехал на лечение) развивать наступление на Ростов, армиям Юго-Западного фронта — в направлениях на Ворошиловград, Красный Сулин.

Войскам Южного фронта была поставлена задача: 18-20 января 1943 года выйти общевойсковыми армиями на рубеж Раздорская-Багаевский-Веселый-Мечетинская-Белая Глина, а подвижными соединениями захватить Ростов, Батайск, в последующем - войска фронта, наступая в

западном направлении, должны овладеть Шахтами, Новочеркасском, Азовом, выйти к Таганрогскому заливу.

Войска выполняли задачу в трудных условиях. Бескрайние приволжские, калмыцкие, донские степи, где почти постоянно дули холодные ветры, населенные пункты находились на расстоянии 20-30 и более километров друг от друга. Зима была снежная. На дорогах образовывались снежные заносы. Автомашины, орудия застревали на них. Доставка горючего, снарядов, продовольствия задерживалась. Особенно нелегко было солдату. Он и мок, и мерз, но негде ему было укрыться, просушить обувь и одежду.

Враг, отступая, сопротивлялся. Все это замедляло продвижение наших войск. Ставка требовала — быстрее преследовать отходящего противника. Но это не всегда получалось. Вместо 30-40 километров в сутки войска подвижных соединений едва продвигались на половину этого пути.

Ломая сопротивление врага, войска Южного фронта постоянно шли вперед в общем направлении на Ростов.

12 февраля 1943 года войска 5-й ударной армии (командующий генерал-лейтенант В.Д. Цветаев) освободили Шахты, а 13 февраля — Новошахтинск. После четырехдневных боев 13 февраля войска 2-й гвардейской армии (генерал-лейтенант Я.Г. Крейзер) овладели Новочеркасском.

Соединения 28-й армии начали 8 февраля штурм Ростова-на-Дону. Шли ожесточенные бои за каждый дом, переулок, каждую улицу и площадь. В боях за город успешно действовала 159-я отдельная стрелковая бригада (командир майор М.И. Дубровин), отличились воины 248-й стрелковой дивизии (командир подполковник И.Д. Ковалев).

Напряженные бои за Ростов 28-я армия (командующий генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко) непрерывно вела до

14 февраля. В связи с глубоким прорывом наших наступающих частей над ростовской группировкой врага нависла угроза окружения.

Боясь этого, немецкие войска, оборонявшие Ростов, вынуждены были прекратить оборону. Ночью 14 февраля немцы начали отвод войск из города на северо-запад. 28-я армия перешла в преследование противника и во взаимодействии с воинами 51-й армии 14 февраля 1943 года полностью освободила Ростов.

После освобождения Ростова, Новочеркаска полки, дивизии устремились на запад. Командующий фронтом поставил задачу к исходу 17 февраля главными силами — армиями — выйти на реку Миус, а механизированными, подвижными соединениями — на рубеж Амвросиевская, Анастасиевка, Федоровка. Он требовал от войск днем и ночью преследовать врага, не снижать, а наращивать темпы продвижения. 15 февраля штаб Южного фронта отдал боевое распоряжение:

«Командующим 5-й уд., 2-й гв., 51, 28 и 44-й армий, генерал-лейтенанту Кириченко.

В целях недопущения перехода противника к обороне на заранее подготовленном рубеже по реке Миус

ПРИКАЗЫВАЮ:

Войскам фронта энергичнее преследовать противника, днем и ночью, с полным напряжением сил. Подвижным частям не ввязываться в бой с отдельными узлами сопротивления, как можно быстрее выйти на западный берег р. Миус и уничтожить отходящего противника с тыла, не давая ему организованно переходить к обороне по реке Миус. Конно-механизированной группе Кириченко при неуспехе в течение

дня 15.02.43 г., 44-й армии в ночь с 15 на 16 февраля выполнить задачу по захвату Таганрога выходом через Ростов.

Малиновский, Хрущев, Варенников»

(Хрущев — член военного совета, Варенников — начальник штаба фронта).

Немецкое командование в свою очередь стремилось сдерживать продвижение наших войск, быстрее отвести свои части на реку Миус, закрепиться здесь и остановить наступление Южного фронта.

МАТВЕЕВ КУРГАН

Войска 2-й гвардейской армии после Новочеркасска выдвигались к Миусу, ей была поставлена задача овладеть Матвеевым Курганом и высотами на западном берегу р. Миус. Гитлеровцы пытались задержать наши части, обеспечить отход своей Шахтинской группировки. Но под ударами советских воинов оставляли рубеж за рубежом. Успеху армии во многом содействовал 4-й сталинградский гвардейский механизированный корпус.

Этот корпус, находившийся в резерве фронта и на доукомплектовании, 12 февраля, получив приказ о переходе в наступление, стремительно продвинулся в район Новошахтинска, за сутки прошел 120 километров и во второй половине дня с ходу вступил в бой на участке обороны 336-й немецкой пехотной дивизии. Гитлеровцы оказали сопротивление. Гвардейцы отбили контратаки, двинулись вперед. Танки врывались в населенные пункты, сеяли панику.

Перепуганные немцы выскакивали из домов на улицы, попадали под уничтожающий огонь наших воинов. В течение ночи танкисты разгромили несколько вражеских гарнизонов. Был освобожден ряд крупных населенных пунктов: Самбек, Дарьевка, Красный Несветай, Родионово-Несветайская. В этих боях противник понес большие потери, было взято в плен более тысячи немецких солдат и офицеров.

К утру 14 февраля танковые полки 13-й и 14-й механизированных бригад подошли к реке Тузлов у слободы Больше-Крепинской, бывшей в то время районным центром Ростовской области. Слободу охраняли до полка немецкой пехоты, 11 танков. Командир корпуса генерал-майор Т.И. Танасчишин принял решение в бой ввести все силы кор-

пуска. Бой продолжался весь день. Он был сложным и кровопролитным, проходил с переменным успехом. Для 13-й гвардейской механизированной бригады начало боя складывалось удачно, ее воины уничтожали засевших в домах гитлеровцев, продвигались вперед. Второй мотострелковый батальон вышел на юго-западную окраину слободы, оторвавшись от основных сил, оказался без поддержки танков. Противник, воспользовавшись этим, контратаковал подразделения батальона. Танкам удалось вклиниться в наши боевые порядки и расстроить их. Создалась угроза разгрома батальона. Командир бригады гвардии подполковник Л.А. Аксенчиков вовремя послал на помощь батальону новые силы, которые отразили вражескую атаку.

Предпринятые новые атаки 15-й мехбригадой с севера населенного пункта и 14-й мехбригадой с востока принесли успех. Противник вынужден был отступить на западный берег реки Тузлов. Больше-Крепинская была освобождена. На поле боя осталось много вражеских трупов.

Разгромив врага в Больше-Крепинской, в ближайших населенных пунктах, 4-й мехкорпус в ночь с 14 на 15 февраля передовым отрядом, составленным из 15-й мехбригады и усиленным танками других бригад, под командованием начальника штаба корпуса гв. полковника В.И. Жданова внезапным ударом последовательно овладел Греково-Ульяновкой, Каршенно-Анненским и Марьевкой, вступив в Матвеево-Курганский район. Немецкий гарнизон в Марьевке был застигнут спящим в домах. Немцы выскакивали из домов в натальном белье. Танкисты уничтожали их пулеметным огнем. В скоротечном бою был разбит гарнизон, в котором насчитывалось до 500 человек. Большая часть его была уничтожена и взята в плен.

Преследуя отходящего противника, механизированные бригады корпуса вышли во второй половине дня 16 февраля к реке Миус. 13-я мехбригада форсировала реку и смелой атакой овладела селом Алексеевкой. Немецкое командование подтянуло силы пехоты и танки, они атаковали наши подразделения, выбили их из Алексеевки.

Остальные бригады корпуса встретили упорное сопротивление противника при подходе к Матвееву Кургану, такое, которого не ожидали. По всей вероятности, командование рассчитывало, что и Матвеев Курган удастся взять с ходу внезапным ударом, его гарнизон будет застигнут врасплох, как это произошло в Марьевке и при взятии некоторых других населенных пунктов. Видимо, поэтому командир корпуса решил взять Матвеев Курган также ночной атакой 17 февраля 1943 года двумя механизированными бригадами: на северную окраину наступала 15-я, на южную — 14-я, без проведения артиллерийской подготовки, огневой обработки переднего края противника.

Между тем Матвеев Курган был серьезным узлом сопротивления. Он прикрывал подступы к лежащим за рекой Миус высотам и заранее там подготовленной обороне противника. Как отмечают В.Ф. Толубко, Н.И. Барышев — авторы публикации «На Южном фронте» — к обороне Матвеева Кургана немецкое командование привлекло два батальона пехоты, 10 танков, 18 зенитных орудий, несколько артиллерийских батарей 336-й пехотной дивизии. Населенный пункт был укреплен и в инженерном отношении. Он был опоясан траншеями. Здесь были подготовлены долговременные огневые сооружения, противотанковые препятствия.

С утра 16 февраля пошел густой мокрый снег, вечером похолодало, ударил мороз. Глубокий снег, которым была покрыта местность на подступах к Матвееву Кургану, покрыл-

ся твердой ледяной коркой. Атака началась в 12 часов ночи. Мотопехота пошла в наступление, она по скользкому снегу продвигалась медленно. Бойцы, не открывая огня, шли вперед. Подпустив пехоту на близкое расстояние, немцы открыли по ней сильный огонь из пулеметов и автоматов, ударила по наступающим и артиллерия. Наши подразделения залегли. Командир 15-й мехбригады гвардии майор А.М. Овчаров связался с командованием корпуса, доложил, что мотобатальоны бригады встречены сильным огнем противника. Есть потери. Такое сообщение поступило и от командира 14-й мехбригады.

Взвесив сложившуюся обстановку, командир корпуса генерал-майор танковых войск Т.И. Танасчишин приказал отменить атаку, подготовить новую. Ввести в бой второй эшелон, 13-ю механизированную бригаду, организовать артиллерийский налет на передний край противника, поставить на прямую наводку артиллерию, выдвинуть танки и нанести удар по гарнизону с трех сторон.

В три часа ночи после артиллерийского налета и огня танковых пушек все три бригады снова атаковали противника. Удар был стремительным. Не успели немцы опомниться от огня артиллерии и танков, как мотострелки вышли на окраины Матвеева Кургана. Уличные бои в селе продолжались до утра. Впереди шли танки, сокрушая врага огнем и гусеницами.

Беспримерный героизм проявил в этом бою танковый экипаж из 38-го танкового полка лейтенанта Александра Ерошина. Молодой танкист (Ерошин только что прибыл в часть после окончания Горьковского танкового училища) славными делами ознаменовал свое вступление в боевую семью гвардейцев-сталинградцев. Экипаж лейтенанта Ерошина в составе механика-водителя Сергея Чумакова, стрелка-радиста Михаила Потапова и башенного стрелка Сингатулина, пре-

одолев огонь вражеских пушек, ночью на танке Т-34 первым ворвался в Матвеев Курган, занятый немцами. Танк ринулся на большой скорости на первую улицу, откуда били немецкие пушки, и стал расстреливать в упор их расчеты, давить гусеницами орудия. Экипаж, действуя смело и решительно, сеял панику в стане врага, перепуганные солдаты бежали по улицам, попадая под огонь танкистов.

На рассвете, у стен полуразрушенного дома танк содрогнулся от сильного удара. Снаряд попал в лобовую часть машины, в пулеметное отверстие. Смертельно ранен стрелок-радист. Умирая, Потапов произнес слова: «Друзья, отомстите за меня». И друзья мстили врагу за смерть боевого товарища. Танк прорвался на огневую позицию немецкой батареи и раздавил два орудия с расчетами. Танк оказался в центре поселка, где было скопление немцев. В машину полетели гранаты. Одна из них пробила бак с горючим, танк вспыхнул. Загоревшийся танк устремился на пехоту. Под тяжестью брони умирали немцы. Нечеловеческими усилиями Ерошин продолжал борьбу, и на ратном поле боевое счастье переходит на его сторону, хотя гибель казалась неотвратимой.

Танк остановился, дым проник в боевое отделение. От жары задыхались танкисты. Экипаж продолжал тушить пламя. На помощь подошли наши танки. Вместе с ними экипаж погасил огонь. И снова заревели моторы, и танкисты пошли в бой. К утру 17 февраля противник был выбит из Матвеева Кургана за реку Миус.

Совинформбюро 18 февраля 1943 года сообщило: наши войска, продолжая развивать наступление, заняли ряд населенных пунктов Ростовской области, в том числе районный центр Матвеев Курган.

Командование корпуса представило лейтенанта А.М. Ерошина к высокой награде — присвоению звания Героя

Советского Союза. В представлении указывалось, что командир танка первым ворвался в крупный населенный пункт Матвеев Курган, уничтожая живую силу противника, навел панику в стане врага, вынудил его раньше времени покинуть поселок и железнодорожную станцию, не дал возможности взорвать подготовленный к взрыву большой мост. Танк Ерошина уничтожил 4 пушки, 8 автомашин с грузом, много гитлеровцев. За совершенный подвиг Александру Матвеевичу Ерошину Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1943 года присвоено звание Героя Советского Союза. Члены экипажа были награждены орденами Отечественной войны I степени, посмертно награжден стрелок-радист М.И. Потапов.

СПРАВКА:

«А.М. Ерошин родился в 1923 году в деревне Хворостянка Новосельского района Курской области. Учился в средней школе. В 1942 году окончил 1-е Горьковское танковое училище.

На фронте в составе 4-го гвардейского механизированного корпуса с февраля 1943-го по июнь 1944-го годов участвовал в боях в качестве командира танка, командира танкового взвода, помощника начальника штаба танкового полка.

С июня 1944 года капитан А.М. Ерошин стал слушателем командного факультета Военной академии бронетанковых и механизированных войск Красной Армии.

В послевоенное время продолжал военную службу. Многие годы работал преподавателем в военно-учебных заведениях, передавал будущим офицерам свой боевой опыт, свои знания, учил их искусству побеждать.

Уйдя в отставку по болезни с должности заместителя начальника Саратовского военного училища войск Министерства внутренних дел СССР, полковник А.М. Ерошин жил в Москве. Находясь на заслуженном отдыхе, вел большую военно-патриотическую работу. Почетный гражданин поселка Матвеев Курган, он до последних дней поддерживал тесную связь с жителями района. Он регулярно приезжал в Матвеев Курган, бывал в школах, на предприятиях, в колхозах, выступал перед молодежью, учил ее беречь и любить Родину.

Умер А.М. Ерошин в мае 2003 года. Похоронен в Москве.

Матвеево-Курганская средняя общеобразовательная школа № 3 носит имя Героя Советского Союза А.М. Ерошина.

В ОКРУЖЕНИИ

Армии Южного фронта при выходе на Миус длительными боями оказались сильно ослабленными, наступательные возможности их были невелики. Тем не менее фронт требовал от них наступательных действий. В армии шли боевые распоряжения, приказы с требованием прорвать оборону противника и смять его отходящие части. Получил предупреждение командующий 2-й гв. армии генерал-лейтенант Крейзер. В нем говорилось: «Вы недопустимо медленно действуете, не прилагаете решительности и настойчивости. Военный Совет фронта категорически требует самых решительных действий. Малиновский, Хрущев».

Командование фронта торопило свои войска, рассчитывая захватить на противоположном берегу реки Миус обширный плацдарм для дальнейшего развития наступления в глубь Украины, которое могло привести к освобождению Донбасса и выходу наших войск к Днепру. Для этого, по его мнению, сложились благоприятные условия — оборонительные сооружения, построенные немцами в 1941-42 гг. на западном берегу реки Миус, заняты изрядно потрепанными немецкими частями. Сюда немцы еще не подтянули свежие силы. Надо спешить прорвать оборону противника.

Командующий фронтом, не дожидаясь подхода к Миусу не только соединений 2-й гвардейской армии, но и 3-го гвардейского механизированного корпуса, который входил в состав мотомеханизированной группы под командованием генерала Танасчишина, решил силами 4-го гвардейского механизированного корпуса после взятия Матвеева Кургана с ходу форсировать Миус, прорвать оборону противника и к 18 февраля овладеть Анастасиевкой, Малокирсановкой, а к исходу 20.2.43 г. выйти на участок

Гринталь-Тельманово, Розенфельд, в дальнейшем наступать на Мариуполь.

4-му мехкорпусу по выходу на Миус требовалась передышка. Личный состав нуждался в отдыхе, а боевая техника — в обслуживании. Боевые части оторвались от тыла на 500 и более километров, не было необходимого запаса боеприпасов и горючего. Об этом командир корпуса докладывал командованию:

«Горючего нет. Всего имеется на 15-20 км, и то у 50% материальной части. В строю 20 танков. Прочие без горючего. Личный состав 4 ночи не спал. Прошу отдых на три дня для приведения корпуса в порядок» (АМО, ф. 4-го м.к., о. 203081, д. 2, л. 102-103).

Эти доводы не были приняты во внимание. Трудную задачу корпусу пришлось выполнять в ослабленном состоянии.

Мехкорпус подготовил переправу и перевел на правый берег танки, боевые машины, мотопехоту. В середине дня 17 февраля началось наступление. Путь танкистам преградили господствующие высоты, расположенные за рекой к западу от Матвеева Кургана.

Здесь были вражеские опорные пункты. Высота 105,7. Она была опоясана тремя линиями траншей. Высота встретила мехбригады сильным огнем из всех огневых средств.

Пехота залегла. Подавив огонь противника, гвардейцы-сталинградцы поднялись в атаку. Впереди шли танки, они разрушали проволочные заграждения, взбирались по крутым скатам на высоту. Враг отступил. Было уничтожено до 400 гитлеровцев, 24 пушки, много автомашин, повозок. В вечерних сумерках подошли машины для пехоты, и части корпуса быстро стали продвигаться по дороге на совхоз № 15 к Анастасиевке. В районе совхоза № 15 танковые подразделения,

шедшие во главе колонны, сбили заслон противника из пехоты и танков, двинулись на западные отделения совхоза. При форсировании ручья произошла задержка. В бой с передовым отрядом мехкорпуса вступили 11 танков противника. В разгоревшемся коротком бою часть наших головных танков была выведена из строя, но продвижение танкистов остановить не удалось. Мехбригады с ходу ночью ворвались в Анастасиевку, вклинившись на 30 километров в оборону немецких войск. Разгромили здесь штаб 29-го армейского немецкого корпуса и отдельные его мелкие подразделения, часть гарнизона поспешно отступила. Прорыв корпуса в Анастасиевку был несомненно его значительным успехом. Однако этот успех сменился неудачей.

В то время как корпус далеко продвинулся вперед, немецкие части упорно оборонялись в районе хуторов Круглик, Дараганов, Зевин, стремясь закрыть образовавшуюся брешь. На помощь танкистам своевременно не пришли наши части. Воспользовавшись этим, противник подтянул к реке Миус дополнительные силы и закрыл прорыв в обороне, сделанный корпусом. Это не позволило корпусу подтянуть к Анастасиевке все свои части и тылы с горючим и боеприпасами.

33-я гвардейская стрелковая дивизия, вступившая 18 февраля в Матвеев Курган, получила задачу выйти к Анастасиевке, чтобы соединиться с 4-м мехкорпусом, усилить его пехотой, но она не сумела туда прорваться. В ночь на 19 февраля 88-й и 91-й гвардейские малочисленные стрелковые полки (в полках насчитывалось по 400-500 человек) вышли из Матвеева Кургана. Им удалось преодолеть оборону врага, занять хутора Зевин, Круглик. Дальнейшее продвижение полков затормозил сильный заслон противника. Утром 19 февраля из района хуторов Левченко, Верхне-Широкин-

ский противник контратаковал полки. В течение суток, находясь в окружении, гвардейцы мужественно отбивали атаки немецких танков и пехоты, сопровождаемые налетами авиации. Корпус к этому времени вел бой в районе Анастасиевки в 15 километрах от полков, оказать им помощь не мог. Подмога не пришла и от 33-й дивизии. Ее 84-й стрелковый полк и другие части не пробились к окруженным двум полкам. За сутки гвардейцы отбили более 20 атак немцев. Ряды гвардейцев сильно поредели. 20 февраля полки, прорвав кольцо окружения, отступили в камыши и по пойме реки Миус вышли в расположение своих войск в районе Матвеева Кургана.

4-й мехкорпус, окруженный вражескими войсками, оказался в трудном положении. Заканчивались боеприпасы, горючее и продовольствие. О подвозе всего этого с тыла не могло быть и речи. Дороги к Анастасиевке были отрезаны. Возникла угроза уничтожения корпуса.

Генерал Танасишин беспокоился о том, как выстоять, как выиграть время, надеясь на подход стрелковых частей. Части корпуса перешли к круговой обороне, приготовились к отражению вражеских атак.

На помощь танкистам пришли местные жители, наши пленные, освобожденные из лагеря. Они обратились к командиру корпуса с просьбой дать им оружие, разрешить вместе с гвардейцами идти сражаться против немецких оккупантов. Из добровольцев было создано три отряда и несколько разведывательных групп, в которых насчитывалось 420 человек, по другим данным — более 500. Для вооружения отрядов использовалось захваченное трофейное оружие: винтовки, автоматы и боеприпасы. Ополченцы в тот же день вместе с воинами корпуса освободили соседние села — Марфинку и Малокирсановку. Вместе с танкистами удар врага отражали в течение трех дней и добровольческие отряды.

Одним из отрядов командовал лейтенант Василий Маракушев, офицер из разведуправления корпуса. Этот отряд не только смело отражал вражеские контратаки, но и прикрывал отход корпуса из окружения. Случилось так, что Маракушев и несколько бойцов попали в руки гестапо. Их зверски пытали, но они не сказали ни слова, никого не выдали. 30 апреля 1943 года Маракушева и еще семерых гвардейцев, попавших в плен, фашисты расстреляли.

Перед расстрелом Василий Маракушев написал письмо матери:

«Дорогая мама, братья, товарищи!

Быть может, я погибну. Нахожусь в очень тяжелом положении, в тылу у врага. В последнее время был командиром партизанского отряда. Но я не в плену. Я гвардеец, еще молод. Хочу жить и бороться. Буду биться, пока хватит сил. И знайте, что Ваш сын и брат немало истребил фашистов и крепко любил Вас и свою Родину. И если враги добьются моей смерти, то она уже дорого им обоилась. Крепко целую, мои родные. Гвардии лейтенант Маракушев».

Отважно дрались с врагом и бойцы других отрядов.

Секретарь Анастасиевского райкома ВКП(б) А. Сарычев в донесении обкому партии указывал, что население сел Анастасиевки и Марфинки проявило массовый патриотизм в боях с немецкими оккупантами 18-20 февраля 1943 года при прорыве 4-го гвардейского Сталинградского мехкорпуса. В отрядах ополчения в Анастасиевке участвовали 450 человек и 125 в Марфинке.

Особенно отличились за эти дни в боях Авдеенко Иван Андреевич и Коваленко Владимир Иванович. В селе Анастасиевке они взорвали автомашину со снарядами, а другую вы-

вели из строя, а также убили шестерых солдат и одного офицера. Лебедев Леонид Петрович в селе Малокирсановке убил двоих немецких автоматчиков. Панин Василий Николаевич в селе Анастасиевке взорвал автомашину и уничтожил шестерых гитлеровцев.

Умело руководили боевыми действиями командир Савченко Тарас Григорьевич и комиссар отряда Добрыненко Степан Силантьевич, активно действовали Манец Петр, Попов Василий Максимович, Марусич Иван Данилович, Губарев Василий Степанович и другие товарищи.

За три дня напряженных боев в районе Анастасиевки части корпуса понесли значительные потери.

Сильный удар по окруженному корпусу был нанесен противником 21 февраля. Его соединения и части атаковали три мотобатальона пехоты и до 40 танков 23-й немецкой танковой дивизии. Атаки врага поддерживались массированными налетами авиации. Кровавопролитный бой продолжался 7 часов. Горели дома в населенных пунктах, гибли воины, мирные жители, ополченцы. Атаки врага были отбиты, но ряды гвардейцев сильно поредели. К исходу этого дня в корпусе осталось лишь 7 боеспособных танков.

Генерал Танасчишин несколько раз обращался к командованию фронта за поддержкой, убеждал его организовать удар для соединения с корпусом. Это, по его мнению, позволило бы облегчить тяжелое положение корпуса и развить дальнейшее наступление наших войск.

В делах оперативного отдела штаба Южного фронта сохранилось несколько сообщений, поступивших из корпуса. Приводим некоторые из них.

Шифровка № 4368.21.2.43.

«Командующему фронтом.

Нахожусь в тяжелом положении. Окружен 40 танками противника. Понес большие потери. Подбито 9 танков противника. Срочно дайте обстановку.

Танасишин, Жданов». (Подполковник Жданов В.И. - начальник штаба корпуса. — Г.П.)

Через четыре часа, в 15.10 этого же дня из корпуса на имя начальника штаба фронта Варенникова передана вторая шифровка. Вот ее основное содержание: «Занимаю Марфинку, Анастасиевку, Малокирсановку, веду бои за Васильевку. До 15 танков и 200 пехотинцев противника наступают от Платово. Самолет связи разбился, летчик сгорел. Армия предлагает отойти для соединения с ней. Прошу организовать удар в нашем направлении, так как боеприпасы на исходе. В обороне я силен. Дайте боеприпасы воздухом. Прошу нанести сосредоточенный в одном месте удар сегодня ночью, и он наверняка будет успешным».

Было послано еще две шифровки:

«Наши войска на Новониколаевку не вышли. Марфинскую и Анастасиевскую оставлять нельзя. Они на основном пути. Дайте пехоте снаряды воздухом. Люди бодрые. Танасишин», — читаем в одной из них.

21.02.43 г. в 19.25 из корпуса в штаб фронта была послана шифровка № 4372 с пометкой «особо важная»:

«Нахожусь в выгодном положении. Рубеж Мокрый Еланчик. Захвачены 18.02.43 Марфинская, Анастасиевка. Контролирую Малокирсановку, Самойлов. Обеспечен 0,25 боекомплекта 76-мм выстрелов, 1 заправка горючего, 0,5 - дизельного топлива.

Прошу приказать соединиться со мной через 5 и 2 армии. Действуйте ночью (в этом случае успех гарантиро-

ван) в направлении Возыкин первый, Возыкин второй, совхоз 15 западный. Здесь стоит моя батарея.

Из этого направления легко действовать на север и на юг, не встречая сопротивления. Сигналы опознавательные — красные и зеленые ракеты.

(Танасчишин)».

Удара не последовало и соединения наших частей с окруженным корпусом не произошло. Хотя в боевом приказе № 0020 от 22.02.43 года войскам фронта, командующему 51-й армии предписывалось:

«Все имеющиеся в армии танки свести в одну группу под командованием командира 2-го гвардейского механизированного корпуса генерал-лейтенанта Свиридова и непосредственно подчинить себе 4-й гв. казачий кавалерийский корпус и 5-й гв. Донской кавалерийский корпус, с утра 23.02.43 решительно атаковать и прорвать оборону противника, выбросить на соединение с 4-м гв. мехкорпусом свою танковую группу: к исходу дня овладеть рубежами: совхоз 15, Самойлов, Шароны, в дальнейшем наступать на Анастасиевку, Покровку-Киреевку».

Танковые кавалерийские соединения вышли к Миусу малочисленными. Их части сильно поредели. Совсем мало осталось танков, не хватало горючего и боеприпасов. Из-за отсутствия горючего артиллерийские части остались в тылу, по численному составу, наличию танков механизированная бригада едва могла сравниться с батальоном.

В 5-м Донском кавкорпусе в полках оставалось от 50 до 120 активных сабель. Поставленные задачи соединениям выполнить было очень трудно.

Командир 4-го мехкорпуса получил приказ на выход из окружения в район Матвеева Кургана для соединения с войсками 2-й гв. армии. Механизированные бригады

вечером, когда стемнело, оставили занимаемые позиции. Личный состав был посажен на 80 оставшихся автомашин. Отход начался из Анастасиевки ночью 22 февраля. Автомашины с пехотой и танки на максимальных скоростях двинулись в направлении Матвеева Кургана. В районе совхоза №15 корпус встретил сильный заслон противника и вынужден был дальше идти по обходному маршруту через Самойлов. У хутора Самойлов колонна была обстреляна танками противника. Разделившись на две группы, корпус обошел Самойлов и с севера, и с юга. Колонны продвинулись самостоятельно, параллельными маршрутами, а затем соединились в балке севернее хутора Едуш. При подходе к х. Степановскому, когда уже наступал рассвет, противник 14 танками нанес удар по колонне, перерезал дорогу. Танкисты вынуждены были принять бой в невыгодных условиях. Под огнем танков с х. Степановского и танков, наседавших на хвост колонны, корпус повернул на север в направлении высоты 105,7. Здесь, у высоты, колонны корпуса попали под перекрестный огонь батарей противника, стоявших в Дараганове, Едуше и Степановском, и артиллерии наших частей. Подавались ракетами сигналы опознавания, но они нашими артиллеристами не воспринимались. Корпус под огнем артиллерии занял круговую оборону на высоте 105,7. Действиями артиллерии и танков противника оборона корпуса была разбита на три отдельных очага. Командиры и бойцы разрозненных групп, не имея возможности вывести машины (большинство их было уничтожено огнем противника), вынуждены были пробиваться к своим без материальной части.

23 февраля к 11 часам первые партии личного состава прорвались через передний край немцев в районе Матвеева Кургана. В течение дня корпус собрал разрозненные, про-

рвавшиеся группы и к исходу дня сосредоточился в районе Каршенно-Анненское, Крюково, Греково-Ульяновка.

Так в кратком виде отражен выход корпуса из окружения в документах его командования.

Вместе с воинами из Анастасиевки к Матвееву Кургану пробивался и житель хутора Шевченко Ново-Николаевского сельсовета Михаил Антонов. Он выполнил задание разведчиков 4-го мехкорпуса, узнал обстановку в населенных пунктах Изоткине и Ново-Николаевке. Передавая сведения, юноша попросил взять его с собой. Так Антонов оказался в Анастасиевке в тот февральский вечер, когда мехбригады начинали отход. Здесь он был представлен командиру корпуса. Генерал Танасишин распорядился его оставить в корпусе.

Ночью длинная колонна, состоящая из автомашин с посаженной на них пехотой, броневинов, танков, двинулась из Анастасиевки в направлении совхоза № 15. На одной из автомашин с мотострелками находился и Антонов.

Колонна двигалась по степи, укрытой местами глубоким снегом. Впереди шли танки. За ними — автомашины. Продвигаясь по следу танков, они часто застревали, буксовали, солдатам приходилось их вытаскивать вручную.

Была уже пройдена большая часть пути, близка цель — как немецкие танки преградили гвардейцам путь на восток. Завязался жестокий бой. Наша колонна была расстроена. Огонь артиллерии и танков противника вывел из строя много автомашин, орудий, танков. Отбивая нападение немцев, воины вынуждены были самостоятельно выходить из окружения.

«В нашей группе, — рассказывает Михаил Антонов, — оказалось 18 человек. Нам удалось отразить нападение немцев и отойти в балку, заросшую высоким бурьяном. Но и тут рядом были немцы. Доносился их разговор. До вечера лежали на снегу. С наступлением темноты, разделившись на

две части по 9 человек, начали продвигаться к передовой. Днем была оттепель, обмундирование на нас промокло. К вечеру похолодало. Обмерзшая одежда сковывала наши движения. Идти было очень трудно. В небо беспрерывно летели немецкие осветительные ракеты; чтобы остаться незамеченными, приходилось часто падать на землю, идти ползком. К рассвету достигли предполагаемой линии фронта. Решили выстроиться в цепь, броском преодолеть ее. Не успели пробежать 40-50 метров, как взлетела красная ракета, слышался крик «Русс, хальт!», и раздались автоматные очереди. Мы отошли назад, затем переместились вправо примерно на полкилометра. Стали обдумывать, как перейти передний край в этом месте. Вдруг послышался шорох. Прямо на нас шли пять человек. Приготовились к бою, но оказалось, что это были наши разведчики, возвращавшиеся с задания. Мы находились на нейтральной полосе. Разведчики, зная проходы через линию фронта, провели нас в свою часть. А утром показали нам место, где собрался наш корпус после выхода из окружения».

Антонова М.А. зачислили в пулеметный взвод. В составе 4-го мехкорпуса он с боями прошел до Днепра. Здесь его тяжело ранило. После выздоровления снова фронт, опять бои, бои. За боевые заслуги он награжден орденами и медалями. После войны Антонов жил в селе Вареновка Неклиновского района Ростовской области.

Танковый экипаж лейтенанта А.М. Ерошина, отличившийся в боях за Матвеев Курган, ворвался и в Анастасиевку. И здесь он храбро сражался с врагом. При выходе из окружения танк Ерошина попаданием вражеского снаряда был выведен из строя. Потеряв боевую машину, экипаж, Ерошин ночью, где пешком, а чаще всего ползком, пробирался к передовой. Он вышел к своим.

24 февраля 1943 года главная квартира фюрера (информационное учреждение немецкого главнокомандования) сообщила, что «на миусском фронте Советы продолжали крупными силами пехоты и танков попытки прорвать наши позиции. Все попытки остаются безрезультатными. В ожесточенных боях, продолжавшихся несколько дней, полностью окружен и уничтожен за миусским фронтом 4-й советский моторизованный гвардейский корпус. Среди убитых найден труп командира корпуса генерал-майора Данастихина. Взято более 1000 пленных, уничтожено 44 танка. Подсчет трофеев — в виде большого количества оружия, автомашин и разного боевого материала — еще не окончен».

Заметим, что это сообщение не совсем достоверно. Командир корпуса генерал-майор танковых войск Трофим Иванович Танасчишин остался жив. Он в трудных условиях сумел вывести из окружения часть корпуса и после продолжал командовать этим соединением. После пополнения людьми и техникой корпус участвовал в боях при прорыве Миус-фронта в июле и августе 1943 года, в освобождении Донбасса и других районов Украины. Напишем несколько строк об этом генерале.

Т.И. Танасчишин родился в 1903 году. В Красную Армию вступил подростком в годы гражданской войны. Стал профессиональным военным. С первых дней Великой Отечественной войны майор Танасчишин на фронте, командует танковым полком, а затем танковой бригадой, участвует в оборонительных боях 1941 года в Белоруссии, в Смоленском сражении, в битве под Москвой.

В июне 1942 года полковник Танасчишин стал командиром 13-го танкового корпуса. Под его руководством 180 дней воины вели бои в Сталинградском сражении. Кор-

пус серьезно потрепал моторизованную и танковую дивизию противника на реке Червленной и в районе Котельниково. 27 декабря 1942 года, только в одном бою, танкисты разгромили две румынские дивизии, захватили в плен 4000 солдат и офицеров, много орудий, минометов, винтовок. За стойкость и массовый героизм личного состава корпусу присвоили почетные наименования «Сталинградский» и гвардейский. Он стал называться 4-м гвардейским Сталинградским мехкорпусом.

Многие воины были награждены орденами и медалями Советского Союза, Т.И. Танасчишину присвоили звание генерал-майора. От Сталинграда до Миуса и от Миуса через Украину до Югославии пролегал боевой путь 4-го гвардейского механизированного Сталинградского Краснознаменного орденов Суворова и Кутузова корпуса.

Генерал-лейтенант танковых войск Т.И. Танасчишин не дожил до дня Победы над гитлеровской Германией. 21 марта 1944 года при налете авиации противника на командный пункт он был смертельно ранен. Т.И. Танасчишин похоронен в г. Вознесенске Николаевской области.

Возможно, несколько преувеличены и потери корпуса, названные в сообщении немецкого командования, но они были действительно большими, потому что непосредственные участники боев — офицеры штаба соединения - писали, что «после понесенных потерь при выходе из окружения корпус комплектовался по существу заново». А в исторической справке записано: «Корпус при выходе из окружения от огня артиллерии и танков противника и своих войск потерял почти всю материальную часть и автотранспорт» (АМО, ф.3430, о.1, д.1, л.5).

Обратимся к документам некоторых частей корпуса тех дней.

Штаб 15-й гв. мехбригады 25 февраля 1943 года в донесении о боевых потерях и численном составе указал, что за время боев в Анастасиевке и при выходе из окружения убито среднего комсостава — 18, младшего — 10, рядового — 33, ранено офицеров — 13, младших командиров — 17, рядовых — 49.

Пропало без вести офицеров — 41, младших командиров — 122, рядовых — 145. Уничтожено огнем противника автомашин ГАЗ — 30; ЗИС-5 — 18, броневииков — 4. Командование 13-й гв. мехбригады после ее выхода из окружения сообщило штабу корпуса, что бригада потеряла за это же время убитыми 16 человек, ранеными — 21, пропавшими без вести 505 офицеров, сержантов и солдат. Потеряно винтовок — 239, ППШ — 135, пушек 76-мм — 5, пушек 45-мм — 3, ручных пулеметов — 11, автомашин грузовых — 47, специальных — 3, легковых — 1.

В отчете 37-го гвардейского танкового полка не выделены отдельно потери в боях в Анастасиевке и при выходе из окружения. Записано, что с 14 по 23 февраля 1943 года в полку потеряно 19 танков, убиты, ранены и пропали без вести 125 человек.

В донесении о потерях техники 12-й мехбригады за 25 февраля сказано, что «8 танков «Т-34» находятся на территории, занятой противником, западнее Матвеева Кургана».

Потери в людях и вооружении были и в других частях корпуса. Как видно, наибольшее количество потерь личного состава отнесено к категории пропавших без вести. Крайне сложно установить факт сдачи в плен. Поэтому часто бывало так, что многих, не оказавшихся в строю после боя, записывали в число пропавших без вести. Необходимо иметь в виду существовавшее во время войны презрительное отношение к плену. Это заставляло зачастую командиров и на-

чальников уменьшать число даже явно попавших в плен, показывать их в сводках как пропавших без вести. Безусловно, среди зачисленных в пропавшие без вести определенная часть погибла в бою, но достоверных подтверждений этому не было. По последним данным считается, что за годы войны (1941-1945 гг.) пропали без вести и попали в плен 4 миллиона 589 тысяч советских воинов. Установлено, что из этого количества около 500 тысяч погибли в боях, хотя в донесениях фронтов они были учтены как пропавшие без вести. Эти цифры взяты из публикации «Гриф секретности снят». (Москва, 1993 г.).

Есть основания полагать, что подавляющее большинство из учтенных как пропавшие без вести в 4-ом мехкорпусе в боях в окружении - это воины, попавшие в плен. Оказавшиеся в плену воины 4-го мехкорпуса содержались в местном лагере для военнопленных в хуторе Первомайском, в лагерях в Донецке, Мариуполе. По рассказам очевидцев, вскоре после окончания февральских 1943 года боев со станции Успенской был отправлен эшелон наших военнопленных на оккупированную немцами территорию.

42 советских воина, попавшие в плен при выходе из окружения, были расстреляны немцами в районе хутора Верхне-Широкинского. Фашисты не пощадили и жизни двоих военнослужащих-девушек. Много пленных, раненых спасли местные жители.

В Ростовском-на-Дону архиве истории и новейшей документации хранится письмо группы военнопленных из 4-го, мехкорпуса. В нем, в частности, написано:

«Мы, военнопленные 4-го мехкорпуса, во время прорыва в Анастасиевку попали в окружение и находились на территории совхоза имени Ленина. Управляющий

Скрипников Василий Михайлович, когда полевая жандармерия забирала всех военнопленных в лагерь, спас всех военнопленных, выдал документы, а также снабжал продуктами питания. И с нашей стороны было замечено, что Скрипников В.М. связан с таганрогским отрядом партизан, который также снабжал продуктами.

Мы одобряем его действия у немцев во время нашего пребывания и проживания в совхозе, мы были спасены только им.

Лейтенант Крайнюков, Обижаев, Кругленко, Никулин, еще 18 человек.

1 сентября 1943 года».

Скрипников Василий Михайлович, 1913 года рождения, русский, перед войной работал председателем колхоза им. Розы Люксембург (Староротовка) Матвеево-Курганского района. Во время немецкой оккупации был управляющим совхоза № 15 (совхоз им. Ленина Анастасиевского района). За связь с подпольщиками г. Таганрога Скрипников В.М. был арестован гестапо и летом 1943 года расстрелян.

БОЙ ДВУХ ПОЛКОВ

18 февраля 1943 года в Матвеев Курган вступили части 33-й гвардейской стрелковой дивизии. Путь их от Волги до Дона и от Дона до Миуса был тяжелым и долгим. От Верхнекурмоярской до Матвеева Кургана полки прошли с упорными боями 700 километров, освободив более 30 населенных пунктов, в том числе Новочеркасск. Немало гвардейцев полегло на этом пути, отдав жизнь за Родину, во имя грядущей Победы над врагом.

Непрерывные, многодневные бои в суровых условиях ослабили полки. Они несли потери не только от вражеского огня, но и от холода. Бойцы, все время находившиеся под открытым небом, не имевшие возможности хотя бы изредка отогреться, обсушиться, заболели: простужались, обмороживались. Личный состав с каждым днем убывал, а источник пополнения иссякал. В дивизии на 1 января 1943 года насчитывалось 12296 солдат и офицеров, а к приходу в Матвеев Курган — около 5000.

Особенно поредели стрелковые подразделения.

Воины, крайне уставшие, надеялись, как и обещал им комдив, что в Матвеевом Кургане будет передышка. Здесь они отдохнут, приведут себя в порядок. Но надежды их не сбылись. Под вечер командир дивизии генерал-майор А.И. Утвенко вызвал в штаб командиров 88-го и 91-го гвардейских стрелковых полков гв. подполковника Д.В. Казака и гв. майора А.Д. Епанчина и сказал: «Получен приказ наступать на Анастасиевку, к исходу дня 19 февраля там соединиться с 4-м гв. мехкорпусом, который ведет бой в окружении, и во взаимодействии с ним продолжить наступление. Вашим полкам выступать немедленно».

Сборы были недолгими. В ночь на 19 февраля два стрелковых полка и два дивизиона 59-го артиллерийского полка под командованием майора А.И. Харламова выступили в путь из Матвеева Кургана и стали продвигаться в направлении высоты 105,7 на Круглик, Зевин, Верхне-Широкинский.

Минуя опорные пункты на высотах западнее Миуса, полки продвинулись на 8-10 километров в тыл врага. На рассвете 1-й батальон 88-го полка, шедший в авангарде, на высоте у х. Круглика встретил боевое охранение немцев, сбил его и вместе с подошедшими батальонами своего полка и с 91-м стрелковым полком повел наступление на Круглик и Зевин. Стрелковые подразделения, развернувшись в цепи, пошли в атаку. Немцы были застигнуты врасплох. Они выбегали из хат, попадали под огонь автоматчиков. В коротком внезапном бою гарнизон, оборонявшийся здесь (до 100 немцев), был разбит, частично пленен.

Командиры полков Казак и Епанчин расположили свой командный пункт в домике посередине хутора Круглик. Радисты установили связь с командиром дивизии. Подполковник Казак доложил ему: «Полки овладели хуторами Круглик и Зевин. Захвачены трофеи и пленные. Дальнейшее продвижение приостановилось. Встречен сильный заслон противника. До подхода других частей дивизии, артиллерии, обозов с боеприпасами заняли круговую оборону».

Генерал Утвенко поддержал решение командира полка и сказал: «Держитесь, подмога вам скоро придет!»

Прошел час, другой, а подмоги не было. Не подошли артиллерия и обозы с боеприпасами. В пути колонна попала под удар немецких танков. Часть ее была уничтожена, другая возвратилась в Матвеев Курган. Между тем обстановка осложнилась. Немецкая пехота под прикрыти-

ем 18 танков, вышедших из хуторов Левченко, Верхне-Широкинского, закрепились на восточных скатах высоты 105,7. Полки оказались в окружении. Оставив небольшое прикрытие на высоте, противник контратаковал полки.

С неба донесся гул тяжело груженных немецких бомбардировщиков. Показались 15 плывущих в небе звеньями самолетов. Включив воюющие сирены, они начали бомбить боевые порядки гвардейцев. Оглушительно рвались бомбы, трещали пулеметы, грохотали пушки. Земля гудела. Горели дома. Столбы черного дыма окутали Круглик и Зевин. Пролетела новая группа бомбардировщиков.

После налетов немцы открыли сильный артиллерийский огонь, из балки выползли танки. За ними шли автоматчики. Десять танков атаковали участок, обороняемый 91-м полком в районе х. Зевина.

На батарее лейтенанта Слуцкого появился заместитель командира полка по политчасти майор Е.М. Саенко. Орудийные расчеты, укрывшись за броневыми щитами, следили за приближающимися танками. Лейтенант Слуцкий, подняв руку, хотел дать команду «Огонь!», как майор крикнул: «Подожди, лейтенант, еще ближе подпусти танки. Издалека открывать огонь по танкам зря расходовать снаряды. Вот сейчас момент — открывай огонь!». Прогрели разом четыре орудийных выстрела.

Снаряд за снарядом посылали батареи по танкам. Вот загорелась одна, другая машина. Справа и слева от батареи по танкам и пехоте открывали огонь пэтээровцы, минометчики, автоматчики. Не выдержав мощного огня, немцы залегли, затем отошли в балку, попятились назад и танки.

В отражении атаки отличились командир орудия Сергей Викторов, наводчики орудия Николай Васин, Иван Мель-

ник, младший лейтенант командир взвода пулеметной роты Николай Беляков, командир стрелковой роты Василий Журавлев, командир минометного взвода Валерий Кондратьев, автоматчик Иван Романов, красноармеец Кайдар Бакумбаев и другие.

Передышка была недолгой. Вновь налетело до 20 самолетов, сбросив на позиции стрелков и артиллеристов десятки бомб. За бомбежкой началась новая атака. Теперь немцы шли одновременно двумя колоннами: одна на боевые порядки 88 -го полка — на Круглик, другая на позиции 91-го полка — на Зевин. В каждой колонне было по десять танков, шедших впереди. Следом за ними под прикрытием брони бежали автоматчики. Немцы открыли огонь с дальних дистанций - на наши позиции обрушился шквал снарядов, мин, а потом свинцовый дождь из пулеметов и автоматов. Гвардейцы подпустили гитлеровцев на близкое расстояние и открыли по ним огонь из орудий, минометов, автоматов. Все же отдельным группам немцев удалось прорваться через позиции полков. Гвардейцы вступили с ними в рукопашную. Смело действовало в отчаянной схватке отделение роты автоматчиков 88-го полка, которым командовал А.Г. Кручина, азербайджанец сержант В.И. Муратов со своим стрелковым отделением из этого же полка. Дрались в ближнем бою, как говорят, лицо в лицо, грудь в грудь. И эта яростная атака была отбита. На поле боя остались десятки убитых немецких солдат, три подбитых танка.

Вечером снова к нашему переднему краю, к хутору Зевину, по глубокой ложине, разделявшей хутор, продвигалась пехота. Она стремилась выйти в тыл подразделений полка, отрезать их друг от друга и поодиночке уничтожить. Создалась трудная обстановка. У гвардейцев не стало противотанковой артиллерии. Разбиты последние два ору-

дия. В бой вступили гранатометчики. Они забрасывали противотанковые гранаты и вывели из строя два танка, прорвавшихся в хутор. Стрелки, пулеметчики сдерживали продвижение пехоты, дали возможность своевременно отойти к Круглику батальонам полка. Противник стремился, во что бы то ни стало уничтожить окруженные части. Он с каждой атакой, следующей одна за другой, бросал все больше и больше танков и пехоты.

В конце дня 19 февраля, когда большая часть личного состава была уничтожена или ранена, почти не оставалось боеприпасов, когда вышли из строя все радиостанции, была прервана связь со штабом дивизии, командиры полков решили выйти из окружения, пробиваться к высоте 105,7. Общее командование взял на себя подполковник Казак. На рассвете 20 февраля, прорвав оборону противника, полки заняли позиции на высоте 105,7, соединились со своими частями.

«В результате боев в Круглике и Зевине 88-м и 91-м гв. стрелковыми полками подбито 7 танков, 2 пушки, уничтожено, по неполным данным, до 400 солдат и офицеров противника. 88-й полк вышел из окружения в составе 80 человек, имея на повозках 75 раненых.

91-й ГСП вышел из окружения в составе 95 человек с тремя минометами и двумя противотанковыми ружьями. Так окончился бой, полный героизма бойцов и командиров гвардейцев» (АМО, фонд 2 гв. армии — 0.4005, д.131, л.4-5).

Добавим от себя, что наряду с полным героизмом наших воинов бои окончились для нас и с большими потерями. При выходе из окружения не все раненые были эвакуированы. Из двух полков ранеными и здоровыми из окружения вышло лишь менее 300 человек.

Боевая задача, которая ставилась полкам, практически была невыполнима, так как закрепить захваченную территорию было нечем ни в дивизии, ни во 2-й гвардейской армии.

Посылать два далеко не полных по личному составу и вооружению стрелковых полка без серьезного их усиления артиллерией, противотанковыми средствами, без поддержки танков и достаточного обеспечения боеприпасами для прорыва обороны противника, действия в его тылу и соединения с частями окруженного немцами также ослабленного механизированного корпуса было по крайней мере рискованно. Для обеспечения успеха требовались другие, более мощные силы.

Не пришла полкам, попавшим в окружение, подмога из 59-го артиллерийского полка. Из этой части участвовало в бою лишь 8 орудий.

Воинам стрелковых полков, окруженным со всех сторон противником, пришлось лишь отчаянно обороняться до последней возможности, а затем вырываться из окружения и отходить назад.

Спустя много лет генерал-лейтенант А.Д. Епанчин в беседе на месте боев у разрушенных хуторов Зевина и Круглика, рассказывая, как воины 91-го и 88-го полков стояли насмерть, не покидая своих позиций, заметил, что здесь пролито много крови: и вражеской, и нашей. С раннего утра и до ночи в сплошном огне, грохоте бомб и снарядов шел жестокий бой. Немцы весь день атаковали наши полки. Одна за другой следовали атаки гитлеровцев, бросавших в бой одновременно по 15-20 и более танков, много пехоты. Не раз немцы и наши схватывались в рукопашной. Боевой дух и стойкость бойцов личным примером поддерживали командиры и политработники. В критические минуты командир 88-го пол-

ка Д.В. Казак появлялся среди бойцов и вместе со своим заместителем по политчасти Н.А. Михальковым водил гвардейцев в контратаки. Так поступал и командир 91-го полка: А.Д. Епанчин. «Напряженный был бой, — вспоминает А.Г. Кручина, — наш земляк из х. Полтава. — Наш полк под командованием подполковника Казака отбил несколько атак, с большими для немцев потерями. Таяли и наши ряды. Когда нас осталось совсем мало, последовала новая атака. Немцы предложили нам сдаться, но ни у кого даже мысли такой не было. Бойцы бросились вперед, посылая во врага автоматные очереди. Многие фашистские оккупанты нашли здесь могилы, немало polegло и наших славных бойцов. Только в моем отделении автоматчиков погибло 5 бойцов».

За стойкость, мужество и верность присяге многие гвардейцы удостоились наград. Командир 88-го полка за бой в Круглике наградил 111 бойцов и сержантов медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Таковыми же наградами была отмечена большая группа воинов 91-го полка. Командование 2-й гвардейской армии наградило многих участников этих боев орденами. Орденами Красного Знамени награждены красноармеец связист Н. А. Иванченко, наводчик орудия М.Н. Сафронов, стрелок З.Ф. Канюков, санинструктор Т.М. Попова, заместители командиров полков М.Я. Саенко, Н.А. Михальков, капитан Ф.М. Царев и другие. Ордена Красной Звезды удостоились наводчик Д.И. Бокарев, командир батареи 45-мм пушки В.М. Остапенко, командир роты ПТР Д.В. Золотухин, разведчик С.М. Вязов и другие.

Высокую оценку получили отважные и решительные действия гвардии подполковника Д.В. Казака и майора А.Д. Епанчина. Президиумом Верховного Совета СССР им присвоены звания Героев Советского Союза.

Командир дивизии генерал-майор А.И. Утвенко, представляя А.Д. Епанчина к званию Героя, в наградном листе писал (даются отдельные извлечения): «18 февраля 1943 года, выполняя приказ командования (несмотря на малочисленность полка) о соединении с четвертым мехкорпусом, находящимся в тылу врага, ночью, внезапной, стремительной атакой прорвал оборону противника, к рассвету занял населенный пункт Зевин, который оборонял в течение суток. Майор Епанчин умело организовал оборону, своим героизмом и умелым руководством сплотил весь личный состав, вселил веру в свои силы, и подразделения полка на протяжении суток отбили 24 атаки танков и пехоты противника». Командиры 91-го и 88-го полков совместно выполняли боевую задачу, поэтому в наградном листе на подполковника Д.В. Казака дана такая же оценка его действиям.

***

По-разному сложились судьбы участников боев. Герой Советского Союза полковник Казак Дмитрий Васильевич, 1907 года рождения, украинец, уроженец деревни Данюки в Каменец-Подольской области. Кадровый военный. Служить в Советской Армии начал в 1929 году. В 1933 году окончил Ленинградскую кавалерийскую школу. До войны довелось ему командовать взводом, эскадроном, был заместителем командира кавполка, участвовал в войне с Финляндией. С 22 июня 1941 года Казак сражался с немецко-фашистскими захватчиками. За отличие в боях в августе 1941 года награжден орденом Красного Знамени. В сентябре 1942 года под Сталинградом принял 88-й гвардейский стрелковый полк, прошедший оттуда с боями до Миуса, освободивший десятки населенных пунктов, в том числе и Матвеев Курган. После боев под Матвеевым Курганом Д.В. Казак был назначен за-

местителем командира 33-й гв. дивизии, а вскоре уехал командовать 40-й стрелковой дивизией. Дивизия вела успешные бои в Донбассе. Освободила г. Енакиево. 16 сентября 1943 года командир дивизии вместе с командующим артиллерией дивизии полковником П.Я. Чумаковым выехал в расположение 111-го полка.

У окраины села Отрадного противник обнаружил машину и открыл по ней огонь. Шофер свернул с дороги в кукурузное поле. Оно было заминированным. Раздался мощный взрыв противотанковой мины. Все, кто были в машине с Казаком, сразу погибли. Казака тяжело ранило. Три дня врачи боролись за его жизнь. Но спасти отважного комдива не удалось. 19 сентября 1943 года он умер. Дмитрий Васильевич Казак похоронен на Украине в г. Донецке на Мушкетовом кладбище. Именем Дмитрия Казака названа одна из улиц города Донецка.

* * *

Александр Епанчин родился в селе Алабухи, недалеко от Борисоглебска, Воронежской области в 1914 году, в бедной крестьянской семье. Четырнадцатилетним подростком уже работал на текстильной фабрике в Москве. В 20 лет, окончив Московскую объединенную военную школу, стал офицером. С первых же дней фашистского нашествия он воевал в районе Смоленска, оборонял Москву, сражался за Сталинград, освобождал Ростовскую, Донецкую области, Венгрию, Австрию, Чехословакию. В годы войны командовал батальоном, полком, механизированной и воздушно-десантной бригадами.

После войны Александр Дмитриевич окончил Высшую военную академию имени Ворошилова, командовал воздушно-десантной дивизией в г. Туле и Московской дивизией

особого назначения им. Дзержинского, работал заместителем начальника Главного управления пограничных и внутренних войск. С 1957 по 1964 год находился на военно-дипломатической работе — был начальником Советской военной миссии при Штабе Британско-Рейнской армии в ФРГ, военным атташе в Республике Индии.

В 1958 году в ФРГ проходил национальный праздник. На праздничной церемонии присутствовали государственные деятели, дипломаты, военные и пресс-атташе. Начальник Советской военной миссии А.Д. Епанчин пристально всматривался в лица немцев, мысленно спрашивал себя: какие выводы сделали они из уроков войны. И тут он перехватил взгляд пожилого человека, который то и дело скользил глазами по лацкану генеральского мундира, на котором рядом с орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Кутузова II степени, Суворова III степени, Красной Звезды и другими орденами и медалями сверкала Золотая Звезда Героя Советского Союза.

- За что вы получили столь высокое звание? — деликатно спросил Епанчина незнакомец.

- За активное участие в разгроме группировки фельдмаршала Манштейна под Сталинградом зимой 1942-43 годов, — спокойно ответил Александр Дмитриевич. Тут же заметил, как тень печали пробежала по лицу немца. Глаза его прищурились. Теперь он не скрывал своего волнения, с головы до ног оглядывая русского. .

- А кто же вы? — не удержался советский генерал, - с кем имею честь разговаривать?

- Познакомимся. Я фельдмаршал Манштейн.

Так 15 лет спустя, при столь необычных обстоятельствах, произошла встреча побежденного и победителя.

Манштейн Эрих фон Левински (1887-1977) - немецко-фашистский генерал-фельдмаршал. Родился в семье генерала, дед тоже был генералом. В армии с 1906 года. Окончил военную академию (1914), участник первой мировой войны (1914-1918). Во вторую мировую войну на советско-германском фронте командовал танковым корпусом. При захвате Крыма в 1942 году командовал 11-й армией, которая нанесла серьезное поражение войскам Крымского фронта. В 1942-1944 годах командовал группой армий «Дон» и «Юг». В 1950-м осужден как военный преступник. В 1953-м освобожден от наказания.

С 1964 года до ухода в запас в 1970 году А.Д. Епанчин работал начальником управления в Главном штабе сухопутных войск и Генеральном штабе. После находился на ответственной работе в Министерстве химического и нефтяного машиностроения СССР.

А.Д. Епанчин — участник Парада Победы в Москве 24 июня 1945 года, почетный гражданин г. Снежное Донецкой области республики Украина.

В 1993 году А.Д. Епанчина не стало. Он похоронен в г. Москве.

* * *

Алексей Григорьевич Кручина с 1942 года воевал в пехоте. После памятных боев в Зевине и Круглике он освободил родную землю, шел на запад, мок под дождем, мерз на снегу, изнывая от зноя, вступал в схватки с врагом. В 1944 году при штурме Севастополя двадцатилетний Алексей Кручина был тяжело ранен. Госпиталь. Признан негодным к военной службе. Вернулся домой, к отчему крову. Более 40 лет бывший солдат самоотверженно трудился на земле, как и храбро сражался на войне. Был трактористом, комбайне-

ром, выращивал хлеб. Находясь на пенсии, жил в Матвеевом Кургане.

Умер в 2002 году.

В ДЕБАЛЬЦЕВО

Горькая участь постигла также 8-й кавалерийский корпус, который почти одновременно с 4-м гвардейским мехкорпусом совершал рейд в тыл врага южнее Ворошиловграда (Луганска).

26 февраля, спустя два дня после того как было объявлено об уничтожении нашего мехкорпуса, немецкое командование сообщило, что на Миусском фронте окруженный за этим фронтом 7-й советский гвардейский кавалерийский корпус разгромлен и командир корпуса генерал Борисов вместе со своим штабом взят в плен. Бои с остатками корпуса продолжаются.

Что же произошло? Конники 8-го кавалерийского корпуса в декабре и январе 1942-1943 годов вели тяжелые, победные бои при разгроме вражеской армии под Сталинградом, участвовали в освобождении Морозовска, Тацинской, Белой Калитвы и других населенных пунктов Ростовской области.

В районе Белой Калитвы 30 воинов из эскадрона 294-го полка 112-й Башкирской кавдивизии генерал-майора М.М. Шаймуратова, входившей в состав этого корпуса, проявили исключительную стойкость и отвагу. Им было приказано занять важную высоту, откуда противник вел усиленный огонь, мешал продвижению наших подразделений.

21 января 1943 года эскадрон ворвался на высоту и закрепился на ней. В течение двух дней конники отбивали атаки немецкой пехоты и танков, стояли насмерть. Все воины пали смертью героев, не отступив ни на один шаг до подхода полка. Ими было уничтожено много гитлеровцев и техники. Все защитники высоты посмертно награждены

орденами Отечественной войны первой степени, а командиру эскадрона лейтенанту Аннаклычу Атаеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

В начале февраля 1943 года кавалерийский корпус прибыл в район Ворошиловграда в распоряжение 3-й гвардейской армии Юго-Западного фронта. Корпус уже был достаточно ослабленным в предыдущих боях. Наспех усиленный такими же, как он, ослабленными, участвовавшими в боях частями армии, был направлен в рейд в тыл врага в направлении станции Дебальцево.

Перед корпусом была поставлена задача парализовать важные вражеские коммуникации, сковать имеющиеся в тылу резервы противника, не допустить их переброски к Ворошиловграду перед его штурмом.

Корпус уходил в рейд по тылам, имея в запасе очень мало боеприпасов, особенно снарядов, фуража для лошадей. Личный состав сухим пайком был обеспечен на 3-4 суток.

Операция началась в ночь на 8 февраля. Прорвав оборону противника южнее Ворошиловграда, конники устремились на запад к Дебальцево — важному пункту сопротивления, крупному железнодорожному узлу. Продвижение было трудным. Шел сильный снег с ветром, образовались заносы. В сугробах застревали автомашины, орудия, повозки. Их приходилось вытаскивать на руках. Кони проваливались в снег, выбивались из сил. Всадники, спешившись, вели лошадей под уздцы. К огненным позициям батарей во время ведения огня порой невозможно было подвезти снаряды, и тогда бойцы выстраивались в цепь и передавали друг другу снаряды и орудия.

Тем не менее конница шла вперед. Она громила гарнизоны, штабы, нарушала коммуникации, внезапными ударами наносила большие потери врагу. Конниками были захваче-

ны железнодорожные узлы Родаково, Алчевск, Чернушкино. Части 21-й кавдивизии под командованием генерал-майора Якунина, наступая вдоль железной дороги, захватили восемь немецких эшелонов, огнем артиллерии сожгли 84 вагона с различными грузами и 13 цистерн с горючим. 14 февраля 1943 года наши войска освободили Ворошиловград. В этом сыграл немалую роль 8-й кавалерийский корпус: он отвлек на себя значительные силы противника.

По мере продвижения к Дебальцево сопротивление врага усиливалось. Подтянув танковую и пехотную дивизии, при массированном налете авиации немцы контратаковали кавалерийские части. Корпус 17 февраля вел тяжелые оборонительные бои, ощущая острый недостаток снарядов и мин. Танков в наших частях не было. Противник все плотнее сжимал кольцо окружения.

Прилетевший на самолете офицер штаба армии вручил командиру корпуса пакет с приказом, в котором ставилась новая задача: ударом с тыла в направлении хутора Широкого Антрацитовского района Ворошиловградской области оказать помощь 3-й гвардейской армии в прорыве обороны противника. Предусматривалось, что одновременно части армии атакуют врага со стороны фронта.

Следуя к месту прорыва, корпус уничтожил ряд вражеских гарнизонов. Однако на месте прорыва оказались артиллерийские позиции — стояли 67 орудий. В ночь на 23 февраля все дивизии корпуса — 112-я и 55-я генералов М.М. Шаймуратова и И.Т. Халенко подошли на близкое расстояние к артиллерийским позициям. В боевых порядках дивизии находился и штаб корпуса.

Теперь перед кавалеристами стояла задача в течение ночи захватить артиллерию и утром 23 февраля прорвать оборону противника. Решить эту задачу не удалось. Враже-

ская: артиллерия уцелела. И когда на рассвете передовые подразделения оказались в непосредственной близости у батарей противника, по ним с дистанции 200-250 метров ударили пушки. Ответить ударом на огонь вражеской артиллерии наши артиллеристы не смогли. Не хватало снарядов. В контратаку перешла немецкая пехотная дивизия при поддержке танков. Завязался ожесточенный бой. Кавалеристам пришлось отбивать сильный натиск противника, врукопашную, без поддержки артиллерии; не хватало гранат, патронов; не оказали поддержки в прорыве обороны и части армии с фронта.

Конники сражались до последней возможности шашками, прикладами винтовок и кинжалами. В этом неравном бою пало смертью героев много наших воинов. Среди них заместитель командира корпуса генерал-майор С. И. Дудко, начальник политотдела корпуса полковник А.А. Карпушенко, начальник штаба корпуса подполковник И.Д. Садунов, командир дивизии генерал-майор М.М. Шаймуратов и другие. Ранен и контужен был и командир корпуса М.Д. Борисов. Часть кавалеристов была взята в плен. Дивизии корпуса оказались в окружении противника.

Командование корпуса обратилось по радио к командующему фронтом и командарму с просьбой оказать помощь. Командующий фронтом генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин посоветовал: «Если корпус не в состоянии сам выйти из окружения, то переходите к партизанским действиям». В зимнее время в голой степи партизанить было невозможно.

Узнав о такой позиции командующего фронтом командарм Д.Д. Лелюшенко тайно, на свой страх и риск, отдал приказ 14-му стрелковому корпусу оказать помощь окруженным кавалеристам.

Прорвав фронт, дивизии соединились с остатками кавалерийского корпуса. Участник этих боев бывший командир взвода 59-й стрелковой дивизии Михаил Петрович Шатов в своих воспоминаниях, опубликованных в газете «Приазовская степь» Неклиновского района Ростовской области в феврале 1995 года, пишет, что немногим, совсем немногим конникам удалось соединиться с дивизией, к которой он пришел на помощь. Когда корпус вел бои в тылу врага, пришел приказ из Москвы о присвоении 8-му кавалерийскому корпусу почетного звания «гвардейский», он преобразовывался в 7-й гвардейский кавалерийский корпус. Дивизии и полки становились гвардейскими. К сожалению, очень мало осталось самих гвардейцев. Началось новое формирование корпуса под гвардейскими знаменами. Полки и дивизии корпуса в новом составе пронесли с честью гвардейские знамена по полям сражений, победоносно закончили войну в Берлине. Корпус был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова II степени, ему присвоено звание «Бранденбургский».

19 ноября 1969 года в Ростове-на-Дону отмечался 50-летний юбилей 1-й Конной армии. На него съехались ветераны этой армии из всех уголков Советского Союза, а также приглашены и несколько человек — кавалеристов второго поколения, в число которых попал и М.П. Шатов. После ранения в 1943 году он участвовал в боях в составе 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса. Здесь, на празднике, М.П. Шатов встретил генерала Ивана Терентьевича Чаленко, бывшего командира 55-й кавдивизии.

«Я неосторожно напомнил ему о дебальцевской трагедии 8-го кавкорпуса и его дивизии, — вспоминает М.П. Шатов. — Иван Терентьевич, видимо, не ожидал, что встре-

тит на таком большом празднике свидетеля его военных неудач. Он удивленно посмотрел на меня и неожиданно заплакал».

«Это мое самое большое горе, вечно непроходящая боль. Я ежегодно приезжаю в Дебальцево и «беседую» со своими боевыми друзьями. Там лежат тысячи бойцов моей дивизии и начальник штаба. Нас предал Ватутин, он никогда не считался с потерями. Люди для него были всегда лишь живой силой. Бог наказал и его. Но какие были из нас партизаны в голых степях Донбасса?»

Ватутин Николай Федорович (1901-1944), генерал армии, Герой Советского Союза, с 1942 года командовал войсками Воронежского, Юго-Западного, 1-го Украинского фронтов. Умер от ран. генерал Д.Д. Лелюшенко, направивший 8-й кавкорпус в немецкий тыл, в своих воспоминаниях отмечал: «Я рассчитывал послать на поддержку Борисову мехкорпус генерала Танасчишина. Но он... неожиданно по приказу Ставки был передан в оперативное подчинение Южного фронта. Кроме того, с выходом на Украину были установлены новые разграничительные линии, и ст. Дебальцево находилась в зоне Южного фронта. Поэтому Н.Ф. Ватутин посчитал, что ему не следует вмешиваться в дела соседей».

Командир 7-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майор Борисов Михаил Дмитриевич — 1900 года рождения, участник гражданской войны, 23 февраля 1943 года в районе Дебальцево, будучи раненым и контуженным, был взят в плен. Всего за годы Великой Отечественной войны в плен попало 80 советских генералов и комбригов. 23 из них погибли в плену, некоторым удалось бежать из неволи. Только незначительная часть попавших в плен перешла на сторону врага, совершила предательство (например, генералы А.А.Власов, Ф.И. Трухин, В.Ф. Малышкин, бригадный комис-

сар Г.Н. Жиленков и некоторые другие), за что справедливо и сурово они были наказаны.

Подавляющее большинство советских генералов (как и офицеров, и рядовых) оказались в плену не по своей воле, а при стечении суровых обстоятельств войны. Будучи в окружении ранеными или больными, многие из них перенесли муки и страдания в фашистском плену. После освобождения из плена и возвращения на Родину были арестованы и длительное время находились под следствием и отданы под суд.

Материалы допроса многих обвиняемых советских генералов свидетельствуют, что они явились жертвами правового беспредела, полного пренебрежения к правам личности со стороны органов безопасности.

21 декабря 1945 года Булганин — член Государственного Комитета Обороны — заместитель наркома обороны СССР, Антонов — начальник Генерального штаба, Абакумов — начальник Главного управления контрразведки «Смерш» представили председателю Государственного Комитета Обороны Сталину И.В. список генералов, бывших в плену и находившихся в то время под арестом, и свои предложения, как с ними поступить. Список шел под грифом «Совершенно секретно». Они считали возможным освободить из-под ареста часть генералов, хотя виновность их в высказывании пораженческих взглядов, восхвалении германской армии, преступном руководстве войсками, проявлении трусости, как утверждалось в письме Сталину, доказана. В числе этих генералов, оказался и командир кавалерийского корпуса М.Д. Борисов.

В марте 1946 года он был восстановлен в правах генерала и возвращен на действительную службу в Советскую армию слушателем курсов при Военной академии имени Ворошилова. После окончания курсов в 1947 году его на-

значили начальником военной кафедры Харьковского государственного университета. В 1958 году уволен в запас. М.Д. Борисов был награжден орденами Ленина, Суворова II степени, Красной Звезды, тремя орденами Красного Знамени.

11 генералов предлагалось содержать под стражей и судить за активную вражескую деятельность. Булганин, Антонов, Абакумов просили санкции Сталина в отношении генералов.

РЯЖЕНОЕ

Продолжая бой с отходящим противником, в течение 18 февраля 1943 года 2-я гвардейская армия по всей полосе вышла к Миусу. 33-я гвардейская стрелковая дивизия вступила в Матвеев-Курган, 300-я стрелковая дивизия овладела Больше-Кирсановкой, 49-я стрелковая дивизия — Староротовкой.

Стрелковые и кавалерийские соединения 5-й ударной армии 18-19 февраля достигли левого берега реки Миус и на участке Куйбышево-Ясиновский (12 км южнее Куйбышево) 44-я армия вышла к реке Самбек.

Войска 2-й гв. армии освободили почти все населенные пункты Матвеево Курганского района, расположенные на восточном берегу реки Миус. В руках немцев оставалось Ряженое. Матвеев Курган-Ряженое-Миус вошли в историю прошедшей войны как место ожесточенных боев с гитлеровскими захватчиками. Здесь на рубеже Ряженое-Б.Неклиновка 13 октября 1941 года полки 339-й Ростовской стрелковой дивизии нанесли поражение наступавшему противнику, отбросили его назад, преградили путь к Таганрогу. Воины 30-й Иркутской стрелковой дивизии прочно удерживали занятые рубежи у села Ряженое до июля 1942 года.

С рубежа у Матвеева Кургана, Ряженого в 1942 году наши войска предпринимали наступательные операции с целью улучшения своих позиций, освобождения, занятых врагом отдельных населенных пунктов и города Таганрога.

В январе 1942 года 30-я Иркутская дивизия и другие части участвовали в операции по захвату Ряженого, Рясного, ряда важных высот. Ожесточенные схватки с врагом проходили 27-29 января 1942 года.

30-й стрелковой дивизии и, в частности, ее 71-му стрелковому полку была поставлена задача — выбить противника из села Ряженое. Это село пролегало по обе стороны извилистой в этом районе реки Миус, западнее железной дороги. Западная часть села расположена на высоком, почти отвесном берегу реки, а восточная — на левом, низком.

Противник окопался на высоком берегу, превратив правобережную часть села в мощный опорный пункт.

Два дня батальоны полка штурмовали вражеские позиции. Впереди штурмующих шла 7-я рота 3-го стрелкового батальона. Бойцы ее и командир не раз отличались организованностью, стойкостью и смелостью в боях. В атаку вел свою роту лейтенант В.В. Есауленко. Преодолевая вражеский огонь, за своим командиром бойцы устремились вперед и ворвались в село, огнем и гранатами уничтожая гитлеровских солдат, засевших в дотах и дзотах. Много гитлеровцев было истреблено.

В этих боях пали смертью храбрых многие советские воины. В донесении начальника штаба 71-го стрелкового полка записано, что за 27, 28, 29 января убиты 158 солдат и офицеров.

Трагически окончился бой 13-й стрелковой бригады 27 января 1942 года по захвату населенного пункта Новоселовский (прилегающего к Ряженому).

Командиры батальонов проявили недисциплинированность, преступно-халатное отношение к выполнению боевого приказа. В донесении начальника политотдела 56-й армии бригадного комиссара Емельянова начальнику политуправления Южного фронта бригадному комиссару Мамонову о причинах невыполнения 13-й стрелковой бригадой приказа Военного совета 56-й армии по захвату населенного пункта Новоселовский и высот 101 и 101,2 указывалось, что

27 января 1942 года перед наступлением командир 3-го батальона лейтенант Кондратьев, находясь в нетрезвом состоянии, повел батальон в исходное положение, перейдя реку Миус, заблудился – роты пошли в обратном направлении, к восточному берегу реки Миус. Батальон попал под фланкирующий огонь противника в районе Ряженого и понес потери. Кондратьев дал ложную информацию, что он занял несколько домиков в Новоселовском, на самом деле он отсиживался в погребе в селе Ряженое, не руководил боем.

Командир 2-го батальона старший лейтенант Погодин и командир 1-го батальона капитан Мерзлый также проявили недисциплинированность, подставили батальоны под фланкирующий огонь противника.

Все командиры батальонов были приговорены к расстрелу, замененному 10-ю годами лишения свободы без поражения в правах с отбытием наказания на фронте. Осуждены еще несколько командиров рот, взводов. По уточненным данным, в это время бригада потеряла убитыми и ранеными 638 человек. Командир бригады полковник В.П. Колесников за плохую подготовку, организацию и управление боем, невыполнение боевого приказа Военным советом армии отстранен от занимаемой должности.

Не дали результата и бои в последующие дни. 30 января бригада была выведена в резерв.

* * *

В феврале 1943 года у села Ряженого, где противник капитально укрепился на противоположном высоком берегу реки Миус, правобережная часть села была превращена в мощный опорный пункт, наши части встретили упорное сопротивление.

Матвеев Курган был освобожден 17 февраля 1943 года, а под Ряженым (в 5 километрах от Матвеева Кургана) еще 6 дней шли напряженные бои.

Освободив село Политотдельское, воины 8 гвардейской механизированной бригады 3 гвардейского механизированного корпуса и части 87 стрелковой дивизии получили задачу выбить гитлеровцев из Ряженого.

Завязались ожесточенные сражения. Храбро сражались с врагом бойцы и командиры первого гвардейского механизированного стрелкового батальона 8 мехбригады. Они вышли к восточной окраине Ряженого, зацепились за первые домики. Преодолевая огонь противника, гвардейцы по огородам и садам шли вперед, в глубь села, огнем и гранатами уничтожая засевших в домах и окопах отчаянно сопротивлявшихся вражеских солдат.

Противник подтянул свежие силы, перешел в контратаку. Наши воины отбили ее, нанеся гитлеровцам большой урон. В отражении атаки отличилась пулеметная рота 1-го механизированного стрелкового батальона, которой командовал гвардии капитан Воронин Иван Дмитриевич. Пулеметчики метким огнем разбили шедших в атаку немцев. Много фрицев нашли здесь себе могилу. Атака врага захлебнулась. Через некоторое время враг предпринял новую атаку. Она начиналась с яростного артиллерийского и минометного обстрела. В течение получаса обрушивались снаряды и мины на наши позиции. Затем пошли в наступление немецкие автоматчики и танки.

Одна группа пехоты и два танка шли на позиции пулеметной роты. Гвардейцы не дрогнули. Они встретили гитлеровцев дружным огнем, гранатами и бутылками с зажигательной жидкостью подбили два танка. Капитан Воронин умело управлял огнем. Когда вышел из строя пулемет-

ный расчет, он сам лег за пулемет и меткими выстрелами уничтожал фашистских солдат и офицеров. Немцы залегли, а потом начали отступать.

Но тут случилось непоправимое. Вражеский снаряд, разорвавшийся у пулемета, смертельно ранил командира роты Иван Дмитриевич Бородин — крестьянской семьи, 1911 года рождения, уроженец села Злынка Орловской области, окончил семилетку. В 1932 году был призван в Красную Армию. После двух лет действительной службы три года оставался еще на сверхсрочной. В запас уволен в звании младшего политрука — с 1936 года жил в Москве, работал на оборонном заводе. С первых дней Великой Отечественной войны — на фронте — политрук роты, потом командир роты. Рота осталась одной из лучших не только в батальоне, но и в бригаде. В стычке с врагом капитан Воронин действовал бесстрашно, расчетливо. Он не только хорошо управлял боевыми действиями подразделения, но мог вдохнуть бодрость в подчиненных, душевным словом поднимал настроение бойцов. Подчиненные уважали своего командира, смело шли с ним в бой.

Бойцы роты его жене, Любови Михайловне Ворониной, писали:

«В течение трех месяцев непрерывных боев под руководством Вашего мужа мы прошли сотни километров, очищая землю от немецких оккупантов. Особенно сильные бои были у станицы Верхне-Кумской на Сталинградском фронте. Противник в течение трех суток подвергал мощной бомбардировке и артиллерийскому обстрелу наши позиции следовали одна за другой атаки большого количества танков и пехоты. Наша рота отбила все атаки. Пример мужества в бою показывал наш командир. Где было труднее, опаснее, он всегда был там.

18 февраля 1943 года в бою за село Ряженое Ваш муж был тяжело ранен в голову. Мы его отправили в санбат. Врачи боролись за его жизнь, но спасти не смогли.

Похоронили мы своего любимого командира по-русски, по-христиански, с отдачей всех гражданских почестей в деревне Вторая Ивановка Матвеево-Курганского района Ростовской области. Мы, гвардейцы, будем всегда помнить своего командира, будем мстить за его смерть, еще сильнее будем бить и уничтожать фашистских захватчиков.

Выражаем Вам глубокое соболезнование в связи с постигшей Вас тяжелой утратой — гибелью Вашего мужа».

Командир 3-го гвардейского механизированного корпуса генерал-майор А.П. Шарагин и начальник штаба полковник А.А. Почкус в оперативной сводке за 17 февраля указывали: «Части корпуса в 17.00 17.02.43 г. овладели с. Политотдельское. Вышли на рубеж Ряженого, встречены сильным артиллерийским, пулеметным и минометным огнем. Продвижение остановлено. Потери корпуса в материальной части: за 16-17 февраля сгорело 8 танков Т-34, 4 — Т-70, подбито Т-34-4, в личном составе — убитыми и ранеными 280 человек. Захвачено у противника до 20 автомашин с военным грузом, 3 зенитных орудия, истреблено свыше 100 солдат, взято в плен — 8. На 18 февраля танков на ходу 7,ГСМ — 0,75 заправки. У личного состава частей корпуса, действующего пешим порядком, в настоящее время нет сапог, обуты в валенки. Валенки промокли. Имеется большой процент обмороженных».

18 февраля 1943 года во взаимодействии с 3-м мехкорпусом полки дивизии овладели восточной окраиной Ряженого. Дальше продвинуться не смогли. В ночь с 20 на 21 февраля части атаковали вновь позиции противника, поте-

ряв до 150 человек убитыми и ранеными, вынуждены были отойти.

На участке, где наступал 3-й гв. мехкорпус, противник имел до полка мотопехоты, 4 танка, большое количество артиллерии и в том числе дальнобойной. Части корпуса 19 февраля вели наступление на Ряженое тремя бригадами. Продвижение задержано интенсивным артиллерийским огнем из-за высот западнее Ряженого. Потери — 4 танка, один сгорел, автотранспорт частей, артиллерия, боеприпасы и продовольствие из-за отсутствия бензина отстали, отмечается в оперсводке штаба корпуса за 19 февраля. Соединения 51-й армии, отражая контратаки, продолжали продвигаться вперед. 126-я стрелковая дивизия этой армии 17 февраля освободила Новоселовку, Красноселье. 126-я стрелковая дивизия встретила сильное сопротивление пехоты и танков немцев. Сломив его, после десятичасового боя полки штурмом овладели населенными пунктами Новоселовка, Приют. 18 февраля части дивизии взяли Богдановку, Ивановку и Ивановку-2. 19 февраля продвижение дивизии к Ряженому было задержано со стороны Рясного. Но полки благодаря мужеству воинов ночью ворвались в восточную часть Ряженого.

Действовавшая правее 87-я стрелковая дивизия, части 4-го гвардейского кавалерийского корпуса и другие части несколько ранее вышли к Миусу.

В течение нескольких дней здесь шли упорные бои. Не один раз наши части пытались прорваться в западную часть села, но все атаки оказывались безрезультатными. Командующий 51-й армией генерал-лейтенант Захаров докладывал командующему фронтом Р.Я. Малиновскому: «Начатое наступление 19 февраля 1943 года по захвату Ряженого, расположенного на западном берегу реки Миус, результатов не дало.

Противник оказывает упорное сопротивление. Решил подтянуть артиллерию, уничтожить огневую систему, в районе западной части Ряженого и выполнить поставленную Вами задачу».

Сломить сопротивление врага было не так просто. Это объяснялось тем, что полки, дивизии корпуса сильно поределели. Противник выгодно использовал местность, имея заранее подготовленную оборонительную систему. Восточная часть Ряженого непрерывно обстреливалась массированным огнем артиллерии и шестиствольных минометов. По нескольку раз в день немецкая авиация совершала налеты на боевые порядки и тылы. Наши части непрерывно обстреливали ряженские высоты.

Началась подготовка к новому наступлению. Усилилась огневая обработка обороны противника. Гитлеровцы от ударов артиллерии и авиации несли потери. Постепенно создавались условия для штурма села. В день 25-й годовщины Красной Армии 23 февраля был назначен решительный штурм Ряженого.

В 87-й дивизии весь боевой состав трех стрелковых полков был сведен в одну группу, ей передали саперную роту 357-го саперного батальона и штрафную роту. Группой командовал командир 1387-го стрелкового полка майор А.П. Тюрин. Эта мера вызывалась тем, что дивизия была сильно ослаблена. Из штата 10595 человек имела в наличии только 2607 воинов, включая и тыловые подразделения. В стрелковых полках активных штыков было крайне мало. В силу этого каждому в отдельности полку было трудно выполнить эту задачу.

Накануне штурма командир дивизии подполковник Эхохин доносил командующему 51-й армии: «После тщательной проверки тыловых подразделений, а также за

счет некоторых частей специальных подразделений, дополнительно посланы в стрелковые полки 172 человека (активными штыками). В предстоящей работе (в бою — Г.П.) будут участвовать 1416 человек».

23 февраля рано утром начали штурм. После артподготовки части дивизии при поддержке 6 танков и мотопехоты 3-го гв. мехкорпуса, ударом с севера выбили противника из хутора Новоселовского. А к середине дня во взаимодействии с воинами 126-й дивизии полностью овладели правобережной частью села. Были взяты в плен 36 и уничтожены до 250 немецких солдат и офицеров. Смело шли в атаку и воины 126-й дивизии, они истребили много гитлеровцев. В этом бою пали смертью храбрых командир 366-го стрелкового полка 126-й дивизии майор А.Т. Белокопытов и заместитель командира полка по политчасти старший политрук Лучко.

Первой в Ряженое из 87-й дивизии ворвалась рота 1379-го полка, которой командовал лейтенант Г.С. Дубянский. Ее бойцы, очищая дом за домом, уничтожили и взяли в плен много вражеских воинов. Сам командир роты лично из автомата убил 6 солдат. Лейтенанта Дубянского за отличие в бою наградили орденом Красного Знамени. Таких наград были удостоены командир полка майор А.П. Тюрин, командир минометного расчета Н.И. Сорока, наводчик Е.И. Зеленухин. Многих воинов наградили орденами Отечественной войны I и II степени. Среди них заряжающий П.И. Рожков, командир взвода связи Н.П. Разумовский, командир роты старший лейтенант Т.А. Ерошин, командир батареи младший лейтенант А.И. Осколков и др.

Орденом Александра Невского был награжден командир стрелкового подразделения старший лейтенант И.М. Ивлев. При взятии Ряженого отличились сотни воинов. Всех их не перечесть.

Военный Совет Южного фронта за образцовое выполнение задания командования и проявленные при этом доблесть и мужество орденом Красного Знамени наградил командира дивизии Эхохина Михаила Сергеевича.

Кадровый военный, участник боевых сражений с начала Великой Отечественной войны, полковник Эхохин, командуя этой же дивизией, погиб смертью героя в Донбассе 4 августа 1943 года.

Противник, занявший оборону на высоте западнее Рыженого, предпринял отчаянные попытки вернуть утраченные позиции, бросал в бой пехоту, танки и авиацию. Однако вражеские цепи разбивались о стойкость и мужество наших воинов.

КУЙБЫШЕВО

5-я армия генерал-лейтенанта В.Д. Цветаева, освободив 12 февраля 1943 года г.Шахты и 13 февраля Новошахтинск, с тяжелыми боями медленно продвигалась вперед к Миусу, к Куйбышево. Остались позади Барило-Крепинская, Аграфеновка, Миллерово. Армия состояла из четырех стрелковых дивизий. Они, ведя непрерывные наступательные бои в течение почти двух месяцев, понесли потери и к середине февраля оказались малочисленными. В четырех дивизиях насчитывалось около 14 тысяч человек. Это штатный состав одной стрелковой дивизии. В составе армии находился и 3-й гвардейский кавалерийский корпус. Его части сдерживали бешеный натиск гитлеровцев у Сталинграда. 19 ноября 1942 года, когда началось контрнаступление наших войск, через ряды стрелковых дивизий 21-й армии в прорыв ринулись 5-я и 6-я гвардейские кавдивизии под командованием полковников П.П. Брикеля и Н.С. Чепуркина и 32-я кавдивизия червоного казачества генерал-майора В.Ф. Чудесова. От удара гвардейцев таяли вражеские ряды. Отбивая ожесточенные атаки врага, конники шли вперед, выполняя задачу по завершению окружения группы Паулюса. От Клетской до Миуса пролегал боевой путь кавалеристов. Они освободили от врага более 100 населенных пунктов. В 5-й ударной армии кавкорпус представлял важную подвижную силу. В нем к 15 февраля насчитывалось около тринадцати тысяч бойцов и командиров, хотя и это было значительно меньше, чем предусматривалось штатом. Части корпуса получили задачу к исходу дня 18 февраля выйти на Миус. В районе Куйбышево захватить плацдарм на западном берегу реки и удержать его до прихода главных сил. 16 февраля утром наши части овладели Власово-Бур-

товкой, Лысогоркой, Денисово-Алексеевкой, Русско-Лютиновым и другими населенными пунктами Куйбышевского района. 315-я стрелковая дивизия развернула бой за Криничный Луг. 40-я гвардейская дивизия наступала на Ново-Спасовку. 17 февраля шел бой за взятие Кумшатского, Равнополе. 18 февраля, заняв населенные пункты Новая Надежда (Куйбышевского района) и Октябрьский (Украина), полки 32-й кавдивизии продвигались к Куйбышево. Гитлеровцы оказывали упорное сопротивление, обрушивая на конников тысячи снарядов, мин и бомб. Но эскадроны шли вперед. Взятые населенные пункты Воздвиженка, 2-й Отрубной (5 км от Куйбышево). Бой разгорелся на широком фронте. Справа от 32-й дивизии стали выдвигаться части 5-6-й гвардейских кавдивизий. Шли жаркие схватки и слева. Подошедшая сюда наша пехота, преодолевая заграждения, продвигалась к обрывистым берегам Миуса. Созданные заблаговременно противником инженерные укрепления затрудняли наступление наших войск.

Во второй половине дня 18 февраля кавкорпус всеми своими силами атаковал село Куйбышево. Разгорелся упорный бой, который продолжался и 19 февраля. Противник отступил, понеся значительные потери убитыми, ранеными и пленными.

Наши части заняли оборону на восточном берегу реки Миус, на рубеже Крепаки-западная окраина с.Куйбышево.

При взятии с. Куйбышево, в боях по захвату плацдарма на западном берегу Миуса многие воины сражались самоотверженно. В своих воспоминаниях участники боев — офицеры 3-го гв. кавкорпуса К.И. Крутиков и А.В. Шуньков отмечали, что сержант Азамат Бежиев из 121-го кавполка ночью с группой разведчиков скрытно перебрался на западный берег реки. Разведчики подкрались к пуле-

мету, сняли часового, уничтожив двух солдат, захватили в плен пулеметчика. Ценные сведения о расположении огневых точек в глубине вражеской обороны достал разведчик сержант Николай Марков. Командир орудия мл. сержант А.Морозов из 197-го кавполка был ранен, но категорически отказался идти в госпиталь, продолжая командовать своим расчетом. Автоматчики 121-го кавполка под командованием старшего лейтенанта А.Зайцева первыми преодолели реку — перебрались на противоположный берег и открыли огонь по врагу. Их смелые и рассчитанные действия обеспечили переправу других подразделений полка.

Командир эскадрона 22-го кавполка 5-й дивизии капитан Якубенко повел в стремительную атаку конников, ошеломив вражеских солдат. Они не выдержали натиска, оставили первые траншеи и отступили в глубь обороны.

Отважно действовали санинструкторы Анна Шаленко и Мария Остратенко. Они под ураганным огнем выносили с поля раненых, вовремя оказывали им первую медицинскую помощь.

В течение второй половины февраля и начала марта части 3-го гв. кавкорпуса пытались прорвать оборону противника, захватить плацдарм, овладеть господствующими высотами на западном берегу. Но их действия не принесли успеха.

Командир корпуса генерал-майор Н.С. Осликовский изо дня в день давал командирам частей указания, во что бы то ни стало, атаковать противника. 22 февраля частям 32-й кавдивизии была поставлена задача: овладеть Ольховгиком. Продвижение конников противник задержал. Части 6-й кавдивизии 25 февраля утром наступали в районе севернее Крепаки. Понеся потери, они отошли назад. В этот день гвардейцы предприняли еще две атаки. Результаты они не при-

несли. Были убиты 44 и ранены 78 человек. Не удалось наступление и в районе Ново-Бахмутского, в направлении балки Холодная. 6-я кавдивизия потеряла 94 человека убитыми и ранеными, 32-я — 70. Противник продолжал упорно удерживать высоты западнее Скелянского, Верхней балки, Холодной.

6 марта кавкорпус сдал свои оборонительные участки и был выведен на пополнение. Прорвать фронт на рубеже реки Миус, встретив ожесточенное сопротивление, не смогли и другие соединения 5-й ударной армии. С 8 марта 1943 года они перешли к активной обороне на рубеже Куйбышево, Русское, Ясиновский. Период с 8 марта по 16 июля 1943 года для войск армии был периодом упорной подготовки к прорыву «Миус-фронта» и переходу к решительному наступлению с целью освобождения Донбасса.

* * *

Армии Южного фронта, выйдя в конце второй декады февраля 1943 года к Миусу, почти в течение трех недель вели тяжелые бои, стремясь выбить противника с укрепленных высот на западном берегу реки Миус, развить дальнейшее наступление с целью освобождения Донбасса и уничтожения группы немецких армий «Дон», удерживавших этот район. Несмотря на то, что наши сильно ослабленные части действовали смело и решительно, эти бои были безрезультатными, тем не менее командование фронта настойчиво требовало от войск выполнения поставленной задачи.

После проведения ряда безуспешных атак, 25 февраля 1943 года было передано в армии следующее решение командующего фронтом: «В течение 25 и 26 февраля подтянуть артиллерию, гвардейские минометные части пополнить боеприпасами и организовать решительную атаку с утра

27.02. 43 г. 5-й ударной армии на участке Скелянский-Петрополье, 2-й гв. армии на участке Александровка-Дараганов, 51-й армии на участке Степанов-Ряженое (Малиновский, Хрущев, Варенников)».

28 февраля последовал новый приказ генерала Малиновского: начать наступление ударом 5-й ударной армии в направлении Успенской, 2-й гв. армии и 51-й армии в общем направлении вдоль железной дороги на ст. Сухая Крынка, Анастасиевка, прорвать оборонительную полосу противника и уничтожить его. К утру 1 марта армиям выйти на фронт Успенская, Сухая Крынка, Верхнеширокинский, Самойлов, Жарков. 44-й армии своим правым флангом содействовать наступлению 51-й армии, на остальных участках вести активную оборону. 28-я армия, оставаясь в прежнем положении, будет принимать пополнение, готовясь впоследствии развить успех 51-й и 2-й гв. армий.

После часовой артподготовки войска 2-й гв. и 51-й армий перешли в наступление. Преодолевая огневое сопротивление и контратаки пехоты с танками, продвинулись только на 200 - 1000 метров. Завязали бои внутри обороны противника. В дальнейшем продвижение наших войск враг остановил.

В журнале боевых действий войск фронта за эти дни отмечено, что противник в прежней группировке огнем и контратаками оказывал упорное сопротивление нашим войскам на участке Куйбышево-Матвеев Курган и в наступлении наших частей на фронте Рясное-Вареновка.

Тяжелые бои во второй половине февраля и в начале марта 1943 года вели за Самбекские высоты сильно поредевшие после зимних наступательных боев дивизии 44-й армии. В ее полках насчитывалось совсем мало активных штыков. Из стрелкового полка с трудом можно было соста-

вить 1-2 полноценные роты. Поэтому на передовую были брошены и тыловые подразделения.

151-я стрелковая дивизия после освобождения сел Синявка, Морской Чулек подошла к Приморке и железнодорожной станции Морская. Получила приказ наступать на Самбекские высоты. Полки перешли вброд речку Самбек. Впереди обледенелые крутые склоны правого берега реки. Под сильным огнем противника подняться на них было очень трудно. Подразделения несли потери, атаки успеха не имели. Захлебнулось наступление и соседних дивизий — 416-й и 347-й.

Командир 151-й дивизии полковник Саркисян почти ежедневно бросал имевшиеся у него силы, чтобы овладеть Вареновкой и Бессергеновкой. Но, не имея поддержки артиллерии, малочисленные подразделения не могли выбить противника из укреплений.

«24 февраля сводный отряд, в который собрали наиболее боеспособных бойцов и командиров, — вспоминает ветеран дивизии Иван Полишук, — повел в наступление старший лейтенант Соболев. Ему удалось ворваться в Бессергеновку. Но дальше продвижение застопорилось. Противник, имея превосходство в силах, контратаковал отряд и окружил его. И только мужество командира и бойцов позволило отряду выйти из окружения».

Командование дивизии, подчистив все резервы в полках, организовало небольшие отряды и послало их в бой. Успеха эти бои, как правило, не приносили, увеличивались лишь наши потери.

3 марта был послан в бой ударный отряд в составе 122 человек. При поддержке отдельной штрафной роты он захватил юго-восточную окраину Вареновки, однако противник отеснил назад наших воинов. Отряд потерял убитыми 25 и ра-

неными 60 человек. Дивизия перешла к обороне. Командир дивизии и начальник штаба за неоправданные потери были отстранены от руководства дивизией.

Трудности сложились с продовольственным снабжением войск. Создавались рыболовецкие бригады из бойцов и местного населения. Они ловили рыбу в пойме Дона и в заливе. Уха без соли некоторое время была единственной едой для воинов, пока не подвезли соль. Для переброски соли, сахара и других продуктов командование фронта использовало и ночные бомбардировщики.

Конно-механизированная группа (4-й гвардейский Кубанский и 5-й гвардейский Донской кавалерийские корпуса под командованием командира 4-го гв. кавкорпуса генерал-лейтенанта Н.Я. Кириченко) с привлечением частей 2-го гвардейского механизированного корпуса во второй декаде февраля и в первой - марта вела активные боевые действия по прорыву вражеской обороны на Миусе, ей ставились задачи овладеть населенными пунктами Печерский, Добрицын, Мало-Кирсановка, Греково-Тимофеевка, Анастасиевка. Казаки, слолив сопротивление немцев на первой линии обороны, завязывали с ними ожесточенные бои, смело шли в атаку, наносили врагу потери. Применяя танки и авиацию, имея превосходство в силе, фашистские оккупанты отбивали атаки кавалеристов.

Приведем отдельные извлечения из боевых донесений штаба 4-го кавалерийского корпуса.

«25 февраля перешли в наступление с целью овладеть Степановским, продвинуться не удалось. 26 февраля бой шел на прежних рубежах. Отсутствует корм для лошадей. Горючее в последнее время не поступает. Вследствие больших потерь в людском составе на протяжении трех месяцев непрерывных боевых действий корпуса, в эскадронах насчитыва-

ется в среднем 10-15 человек. Корпус 1 марта в течение дня дважды атаковал противника в Степановском, Грунтовском, но вследствие интенсивного огня и контратаки вначале шести, а затем одиннадцати танков, успехов в продвижении не имел. За бой 28 февраля и первую половину 1 марта убиты 102, ранены 408 человек. 2 марта согласно приказу командарма 51-й корпус с 10 часов утра перешел в наступление в прежнем направлении. Потери корпуса с 21-го февраля по 2 марта: убиты 356, ранены 1187 человек, убито лошадей — 411, ранено 170. Командный пункт — Ряженое, штаб корпуса — Политотдельское» (АМО, ф.3470, о.1, д.104, л.46).

Запланированная наступательная операция по освобождению Донбасса осталась незавершенной. Наши войска не только не смогли прорвать заранее подготовленную оборону противника, но были им в конце февраля — начале марта отеснены назад, к левому берегу реки Миус. Почему это произошло?

Одной из главных причин явилось то, что Южный и Юго-Западный фронты, на которые были возложены задачи по освобождению Донбасса, не имели достаточно сил и средств. Командование фронтов, готовясь к проведению этой операции, предполагало, что после того как Красная Армия нанесла серьезное поражение гитлеровским силам на Волге, Дону, Северном Кавказе, немецкие войска вынуждены будут сами отойти за Днепр, закрепиться там и приостановить наступление нашей армии. Так считала и Ставка Верховного Главнокомандования, поэтому она требовала от фронтов преследования противника, до распутицы выйти к Днепру. В действительности так не получилось. 6 февраля на южный участок фронта прибыл Гитлер. Он потребовал удержать Донбасс во что бы то ни стало. Вместо отвода войск за Днепр немецкое командование приняло решение

подготовить и провести контрнаступление, взять реванш за поражение под Сталинградом в зимней кампании. В целом планы врага провалились. Но на отдельных участках фронта противнику удалось создать большой перевес в силах и нанести сильный удар по нашим войскам и потеснить их. В феврале-марте немецкие войска вновь захватили Харьков, Белгород и часть районов Восточного Донбасса. Войска Южного фронта после трехмесячных наступательных боев понесли большие потери в живой силе и вооружении и, выйдя на реку Миус, по существу, утратили свои наступательные возможности. Командующий 2-й гвардейской армией генерал-лейтенант Крейзер, оценивая состояние своей армии, указывал: «В конце февраля, в момент боев на Миусе, армия не представляла силы, способной к дальнейшему наступлению». За время своего наступления до реки Миус пехота прошла с боями 600 километров, освободила от захватчиков более 400 населенных пунктов Сталинградской и Ростовской областей, уничтожила более 32500 солдат противника, взяла 1800 пленных, захватила в качестве трофеев большое количество орудий, минометов, танков, автомашин. В ходе боев армия понесла значительные потери убитыми, ранеными и отставшими. На 20.12.1942 года численный состав армии составлял 80779 человек, а на 20.02.1943 года — 38000, включая и обслуживающий состав. Особенно малочисленными оказались стрелковые полки. В них, по существу, не стало прежнего состава. Они воевали за счет редких и небольших пополнений. В полках насчитывалось по 100-150 активных бойцов. Из-за отсутствия горючего значительная часть артиллерии, танков, автомашин осталась на дорогах далеко в тылу. Механизированные соединения в наличии имели лишь 10-15 исправных танков.

Другие армии фронта по укомплектованности личным составом и техникой находились примерно в таком же положении.

С каждым днем становилось все очевиднее, что армии Южного фронта, вышедшие к Миусу, теми силами и средствами, которыми они располагали, не смогут преодолеть водный рубеж, выбить противника из укрепленных высот на западном берегу, продолжать наступление — как бы этого ни желали военачальники из Ставки и Генерального штаба. Хорошо знал состояние войск, их весьма ограниченные возможности и командующий фронтом. Но он требовал от армий наступательных действий, потому что к нему предъявляла такие требования Ставка Верховного командования. Знали и командующие армиями, что непрерывно проводившиеся слабыми силами атаки обороны противника не принесут успеха. Скорее всего, приведут к большему изматыванию своих войск, нежели вражеских. Однако стремление к безоговорочному выполнению боевого приказа старшего военачальника, надежда на удачу, на везение порой у отдельных полководцев брали верх над истинными обстоятельствами и возможностями ведения боя. Против таких поступков военачальников еще сотни лет назад предупреждали многие военные деятели и теоретики. Лацаруса Швенди, живший в XVI веке, писал:

«Во время войны никогда не следует стремиться к тому, чтобы, во что бы то ни стало, осуществить намеченный план, предприятие, если обстоятельства и время не благоприятствуют этому. Ибо в обстановке надвигающейся опасности попытка заставить время и счастье служить себе есть не что иное, как попытка идти на парусах против ветра и течения, что является признаком ослепления и излишней самоуверенности».

В первой половине марта войска перешли к обороне на Миусе.

* * *

В ходе Донбасской наступательной операции в феврале 1943 года войска Южного фронта одержали ряд важных побед над врагом. Однако сокрушить «Миус-фронт» им не удалось. Нужны были для этого самолеты, танки, противотанковые орудия, минометы, свежие войсковые части.

Пришлось нашим войскам еще дважды — в июле и августе 1943 года — штурмовать вражеские укрепления на Миусе.

ИЮЛЬ 1943 ГОДА

В феврале 1943 года наши войска не смогли сокрушить «Миус-фронт». Наступление за освобождение Донбасса успеха не имело. Войска Южного фронта в конце февраля были оттеснены назад, к левому берегу реки Миус. Его соединения на участке фронта протяженностью 184 километра от Донецкого края в районе Славяносербска и далее по Миусу до Азовского моря перешли к обороне. Многие полки, дивизии снимались с передовых позиций и отводились в недалекий тыл на ремонт: на довооружение и доукомплектование.

Механизированные бригады и полки 4-го гвардейского механизированного корпуса разместились в районе населенных пунктов Больше-Крепинская, Барило-Крепинская, Родионово-Несветайская. Соединения 2-й гвардейской армии, выведенные в резерв фронта, находились на территории Ворошиловградской области (ныне Луганской), штаб армии размещался в г. Свердловске — небольшом районном центре.

4-й гвардейский кавалерийский корпус после февральских боев на Миусе пополнялся в Кагальницком районе Ростовской области.

Соединения фронта нуждались в большом пополнении. После почти трехмесячных наступательных боев они понесли значительные потери, особенно стрелковые части. Нужны были десятки и сотни тысяч новых бойцов. Днем и ночью шли маршевые роты на фронт. Пополнение состояло из выздоравливающих после ранения и болезней, но главным образом — из вновь мобилизованных на фронт, из тех, кто в начале войны еще был школьником. Много было 18-летних ребят из освобожденных районов Дона, только за фев-

раль-март 1943 года войска Южного фронта получили пополнение из Ростовской области — 77765 призывников и военнообязанных. Моральные и физические качества пополнения были вполне удовлетворительными, но у многих не было еще боевого опыта. Прибывшее во 2-ю гвардейскую армию пополнение имело в своем составе лишь 28 процентов участвовавших на фронте.

В войсках шла напряженная боевая и политическая подготовка. Воинов учили действовать при прорыве сильно укрепленной обороны противника, вести бои в траншеях, ходах сообщения, при блокировке дотов, дзотов, приемам борьбы с танками.

Чтобы из солдат выбить «танкобоязнь», их обкатывали «тридцатьчетверками». Танкисты атаковали специально построенные оборонительные рубежи и «утюжили» находившихся в хорошо оборудованных окопах и траншеях солдат. Так воинов приучали не бояться танков.

На Миусе наступило временное относительное затишье. Реже постреливают пушки и минометы, слышны автоматные и пулеметные очереди, гул в небе пролетающих самолетов. Бойцы вгрызались в землю. В дневное время не было видно движения бойцов, на дорогах — транспорта, а в земле кипела напряженная работа. Днем и ночью солдаты рыли окопы, траншеи, ходы сообщений, строили блиндажи, землянки, в землю были упрятаны люди, пушки, кухни, склады, бани.

На сотни километров протянулись траншеи и ходы сообщений. По ним можно было пройти всю линию обороны Южного фронта от Ворошиловграда до Таганрогского залива.

***

902-й стрелковый полк 248-й стрелковой дивизии провел разведку боем в направлении разъезда Ряженое с целью до-

быть сведения об обороне немцев на Миусе. После боя 12 июля 1943 года командир полка записал в дневнике: «Крепкий выходит орешек. Пожалуй, немецкий генерал Штаубе в какой-то мере прав. Он докладывал Гитлеру, который недавно посетил этот участок обороны, что Миус-фронт — стальной пояс, преградивший путь большевикам. Штурмовать укрепления Миус-фронта равносильно попытке пробить головой гранитную стену — эти слова я вычитал в немецкой газете, которую мне принесли на днях разведчики. У гитлеровцев здесь десятки километров противотанковых рвов, железобетонные подземные казематы, доты и дзоты. Два года возводили фашисты укрепления на Миусе, но и мы за пять месяцев, что стоим тут, не сидели без дела. Траншейная система обороны полка насчитывает двадцать семь километров. У нас есть даже свой подземный клуб во втором батальоне (с пятью накатами над ним). Там показывают кинофильмы, дают концерты. И это всего в километре от врага».

Оборонительный рубеж на Миусе создавался немцами в 1941-42 годах, укреплялся в 1943 году.

Передний край главной оборонительной полосы противника тянулся по линии: Есауловка, западные берега рек Крепенькая (15 км от Ворошиловграда), Миус, Ряженое, Панченко к западному берегу р. Самбек. Естественным противотанковым препятствием являлся Миус с крутым и обрывистым правым краем берега. Река имела ширину от 20 до 60 метров и глубину от 1 до 3 метров, но в период половодья (март-апрель) местами до 7,5 м. По всему переднему краю проходило до трех линий траншей. Одна линия траншей находится на удалении 200-400 метров от другой.

Глубина траншеи — 1,8 метра, ширина 60-80 см. В глубине переднего оборонительного рубежа имелось большое количество дзотов и дотов. Блиндажи и убежища име-

ли накатывали из 6-8 бревен, сверху насыпывали землей — 1, 5 метра. Вместо бревен часто использовались рельсы, железные трубы.

Гарнизон каждого блиндажа состоял из 4-6-8 человек. К июлю 1943 года на переднем крае на 1 километр фронта в среднем имелось 3-5 дзотов, 6-11 огневых точек. 180-200 метров траншей и окопов, 300 погонных метров противотанковых препятствий (мины, рвы, эскарпы), до 1200 метров препятствий против пехоты (пехотные мины, проволочные заграждения). Плотность мин на 1 км фронта достигла 1800.

На Миусе гитлеровцами было прорыто 2540 километров траншей. Это намного больше, чем расстояние до Берлина. Только на переднем крае было 800 мощных опорных пунктов, оборудованных стальными колпаками. Стальные колпаки — кочующие глухие доты из стали.

К середине июля 1943 года противник имел мощную оборону, состоящую из трех полос.

Первая полоса (главная) имела протяженность 8-10 км. Она проходила по западному берегу реки Миус; вторая полоса протянулась по рекам Крынка, Мокрый Еланчик и до Таганрогского залива.

В 40-50 км западнее Миуса немцами была подготовлена еще одна оборонительная линия по р. Кальмиус.

Гитлеровское командование миусскому рубежу обороны придавало исключительно важное значение. В случае его прорыва открывался путь для наших войск в Донбасс. Гитлер установил, что по Миусу проходит новая восточная государственная граница Германии.

Этот рубеж гитлеровцы называли «Миус-фронтом». Неприступной линией обороны, которая навсегда должна за-

крыть ворота русским в Донбасс, левобережную Украину и Крым.

Более четырех месяцев соединения Южного фронта находились в обороне и на пополнении. За это время они были укомплектованы личным составом, оружием и боевой техникой. Правда, не все части и соединения до полного штатного состава, но полки, дивизии, корпуса стали полнокровными. Значительно усилилась мощь двух механизированных корпусов, имевшихся в распоряжении фронта. В состав 4-го гвардейского мехкорпуса (командир генерал-лейтенант Танасчишин Т.И.) вошла новая укомплектованная танковая бригада. Корпус пополнился тяжелым самоходным артиллерийским полком с 22-мя установками 152-миллиметровых пушек-гаубиц, предназначенных для борьбы с тяжелыми танками: «Тиграми», «Пантерами», появившимися на вооружении немецкой армии в начале 1943 года, а также зенитным артиллерийским полком. Механизированные бригады стали иметь больше автоматического оружия и противотанковых средств. Корпус насчитывал более 14000 солдат и офицеров, имел 177 танков, в основном «тридцатьчетверок».

2-й гвардейский механизированный корпус (генерал-лейтенант Свиридов К.В.) насчитывал в своем составе 204 танка и около 14000 личного состава.

Стрелковые дивизии, общевойсковые армии после доукомплектования имели по 7-9 тысяч солдат и начальствующего состава. Всего в составе фронта имелось 5 общевойсковых армий, объединявших 28 стрелковых дивизий, одна воздушная армия, 2 механизированных корпуса, 3 отдельных танковых бригады, 2 танковых полка.

Вот как характеризовался боевой и численный состав общевойсковых армий.

51-я армия (ком. генерал-лейтенант Г.Ф. Захаров): 7 стрелковых дивизий, одна танковая бригада, людей 68930, танков 60.

5-я ударная (ком. генерал-лейтенант В.Д. Цветаев): 7 стрелковых дивизий, танковая бригада и танковый полк, бойцов и командиров 56000 человек, 95 танков.

2-я гвардейская (ком. генерал-лейтенант Герой Советского Союза Крейзер Я.Г.): 6 стрелковых дивизий, людей 63400, два механизированных корпуса, в них 381 танк

28-я (ком. генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко): 6 стрелковых дивизий, танковая бригада и танковый полк — 40 тысяч человек, танков — 54.

44-я армия (ком. генерал-лейтенант В.Ф. Хоменко): 3 стрелковые дивизии, 30375 человек и 20 танков.

Действия армии фронта поддерживала 8-я воздушная армия (ком. генерал-лейтенант авиации Т. Т. Хрюкин).

Наземные боевые войска фронта, без частей боевого обеспечения и тыла, имели 255 тысяч солдат и офицеров, 3000 орудий и 618 танков. Войска противника насчитывали до 140 тысяч солдат и офицеров, около 1600 орудий и 300 танков. (Данные взяты из донесений о численности состава войск фронта на 15 июля 1943 года).

Оборона Миуса возлагалась на 6-ю армию. Это была вновь созданная армия по приказу Гитлера вместо 6-й армии, уничтоженной в Сталинграде. Гитлер назвал ее «армией мстителей». Командовал этой армией генерал-полковник Холлидт. В Донбасской группировке немецких войск находилась 1-я танковая армия.

Войска Южного фронта готовились к летним сражениям, ждали, когда им скажут: «Вперед!»

РЯДОМ С ФРОНТОМ

Страшную картину разрушений представляли миусские села и хутора после изгнания немецких оккупантов. Они были превращены в руины. Уничтожены жилые дома, больницы, школы, хозяйственные постройки колхозов, совхозов, МТС. Неимоверные страдания выпали на долю жителей Матвеево-Курганского, Куйбышевского, Неклиновского и других районов, попавших под немецкую оккупацию. Грабежами, насилиями, расстрелами мирных жителей отмечены черные дни фашистской неволи. Много месяцев здесь шли кровопролитные бои. На передовой были не только солдаты, но и многие жители, те, кто не успел и не мог выехать из этого кромешного ада.

Вслед за советской армией в освобожденные районы прибывали руководящие кадры, находившиеся в зоне военных действий. Они сразу приступали к созданию органов власти, колхозов, совхозов.

В селе Марьевка разместились учреждения Матвеево-Курганского района. Приступили к работе райком ВКП(б) и райисполком (первый секретарь — Соловьев Степан Никанорович, председатель райисполкома — Токарев Григорий Степанович.)

Уже 1 марта 1943 года объединенное заседание райкома партии и райисполкома приняло постановление о наведении порядка в сельсоветах, колхозах, совхозах и МТС, освобожденных от немецких оккупантов. В нем намечались меры по быстрой ликвидации последствий хозяйничанья врага в районе, оказанию помощи населению. Ставилась задача восстановить работу всех советских, хозяйственных и общественных организаций, возобновить работу школ, медицинских учреждений. В случае отсутствия специальных

медицинских учреждений предлагалось оказывать помощь больным на дому, провести точный учет детей без родителей (сирот и беспризорных).

Оккупанты нанесли огромный ущерб хозяйству района. В сводном акте комиссии о причиненных убытках немецкими оккупантами Матвеево-Курганскому району в составе секретаря райкома партии Соловьева С.Н., председателя райисполкома Токарева Г.С., зав. роно Касьянова Ивана Никифоровича, ответ. редактора райгазеты Ткаченко Марии Трофимовны и других работников, составленном 7 апреля 1943 г., указывалось, что полностью определить ущерб невозможно, так как одна треть района находится еще в немецкой оккупации. Учету препятствует непосредственное расположение района на передовой линии. Фронт служит большим препятствием для учета ущерба в Матвеевом Кургане, Больше-Кирсановке, Ряжене, где особенно велики разрушения. Матвеев Курган имел до оккупации 1200 домов, уцелело лишь 30-40 полуразрушенных домов. В районе разрушено более 39 зданий школ, 2 больницы, детские сады и ясли, библиотеки, 196 животноводческих и хозяйственных построек, многие объекты жизнеобеспечения.

В акте приводились факты насилия над жителями. В Матвеевом-Кургане фашисты расстреляли старика Прокопенко Савелия Сидоровича, как старого партизана, и двух его сыновей — Илью и Николая.

Общий ущерб району оценивался в сумме 405 миллионов рублей.

Смелую борьбу против фашистских оккупантов вели многие патриоты. На оккупированной территории Матвеево-Курганского, Неклиновского, Куйбышевского, Анастасиевского и других районов действовали партизанские отряды, подпольные группы.

Осенью 1942 года в селе Миллерово организовался комсомольско-молодежный партизанский отряд имени Чапаева. В нем насчитывалось 26 человек. Командиром стал Иван Яровой. Женской группой из 12 человек руководила Анна Ильченко.

Юноши и девушки распространяли листовки среди населения, собирали оружие, выкрадывали его из немецких складов, добывали для нашей армии разведывательные сведения, совершали диверсии, нарушали вражескую связь.

Командир отряда Иван Яровой и еще 8 членов были схвачены гестапо и в январе 1943 года расстреляны.

Жителям приходилось переносить невероятные трудности, но они шли на любые жертвы во имя победы над врагом. Мужчины, женщины, старики и подростки работали в тяжелейших условиях, зачастую без сна и отдыха, голодные и холодные, чтобы помочь Красной Армии, обеспечить ее продовольствием и одеждой. Жили они в обстановке постоянной тревоги за судьбу своих близких, находившихся на фронте, в ожидании страшных вестей об их гибели.

В середине февраля 43-го года Красная Армия освободила от оккупантов земли Родионово-Несветайского района. Только начала восстанавливаться жизнь — пришло время полевых работ. Району предстояло посеять около 30 тысяч гектаров яровых культур. В невероятно трудных условиях проводился сев. Колхозы и совхозы были разорены. Надо было изыскать семена. Очень мало было живого тягла, тракторов. Пахали волами, коровами, а часто просто рыли землю лопатами и бросали в нее руками семена пшеницы или ячменя. Так было и в других районах. В близко находившихся к фронту селах нередко сев проводился под обстрелом немцев.

Сельские жители не только работали в поле, на фермах, но и часто привлекались на оборонные работы. Документы тех лет свидетельствуют об этом.

«Обязать председателей колхозов, — читаем в постановлении Родионово-Несветайского РК ВКП(б) и райисполкома, — выделить в распоряжение воинской части с 8 марта по 20 марта 1600 человек (согласно приложению) для очистки аэродрома. На основании приказа командующего Южным фронтом №83 от 23 февраля 1943 года райисполком и райком партии постановили мобилизовать на оборонное строительство в порядке трудовой повинности трудоспособное население колхозов (мужчин от 16 до 60 лет, женщин от 16 до 55 лет) сроком на 15 дней. Всего по району 800 человек».

В феврале была освобождена только небольшая часть Неклиновского района — территория четырех сельских Советов из 14, по двум сельсоветам проходила передовая линия. На освобожденной территории было учтено 2195 трудоспособных. Почти все они были заняты на работах, связанных с помощью фронту. 650 человек занимались ловлей рыбы для Красной Армии, 230 — обслуживанием частей, госпиталей (выпечка хлеба, стирка белья, уход за больными и ранеными), около 900 человек было мобилизовано на восстановление оборонительного рубежа, ж.д. транспорта и мостов.

В районе имелись всего лишь 38 лошадей, часть которых были ранены, исхудавшие. Эти данные взяты из письма секретаря Неклиновского РК ВКП(б) А.П. Даниловского и председателя райисполкома А.В. Гуды секретарю обкома партии Б.А. Двинскому и председателю облисполкома М.В. Мотинову после получения нового областного задания о мобилизации населения на оборонные работы: «Сообщаем о вы-

шеизложенном и просим учесть, что выполнить полностью решение бюро обкома и облисполкома о мобилизации 1000 человек и 40 подвод от нашего района на работу по восстановлению оборонительного рубежа не можем», - докладывали руководители района.

Многострадальное село Ряженое. Сюда германские захватчики вступили в октябре 1941 года. Село по Миусу разделял фронт. Немцы превратили правобережную часть села в сильно укрепленный пункт. Здесь, по существу, каждый дом стал огневой точкой. Улицы, дома перерыты ходами сообщений. Окопы, доты, заминированные дороги.

Наши части неоднократно пытались форсировать Миус, атаковать вражеские укрепления, но каждый раз их встречал ливень огня. И только в конце февраля 1943 года рухнула оборона немцев, советские воины выбили гитлеровцев из села.

Петр Богомаз, ныне пенсионер, в то время 15-летний подросток, жил в доме своего отца в Ряженом. В своих ярких воспоминаниях, опубликованных в газете «Родник», рассказал о себе, родителях, о жизни села в годы войны. Ряженое так и осталось прифронтовым селом, рядом с передовой. 16 марта 43-го умерла мать Петра. Вскоре его и сестру вместе с другими стариками и подростками посадили в брички и повезли подальше от передовой. Обоз переехал через железную дорогу. Ночь, ливень. Немцы строчат из пулеметов и автоматов. Пули падают недалеко от подвод. Вдруг лошади шарахнулись. Вокруг бричек рвутся мины, ракеты осветили проволочные заграждения. Оказалось, что обоз слишком далеко отклонился вправо и натолкнулся на позиции немцев у Рясного. Некоторые подводы перевернулись. Кричат люди, ржут лошади. Извозчики гонят во всю мочь лошадей. Постепенно брички удаляются от передовой. Обоз приез-

жает ночью в село Политотдельское. Здесь Петра и его сестру, односельчан поместили в полуразрушенный сарай, а после - определили по квартирам. В апреле немецкие бомбардировщики, перехваченные нашими истребителями, уходили от их преследования, сбрасывая беспорядочно бомбы. Некоторые взорвались у самого села. Осколком бомбы убило сестру Петра Галю.

Жителям не только Ряженого, но и многих других прифронтовых населенных пунктов пришлось перенести трудное и опасное для жизни переселение. Оно проводилось для того, чтобы не пострадало мирное население во время предстоящих боев.

28 марта по предложению командования 28-й армии областные органы власти приняли постановление о переселении жителей населенных пунктов, расположенных на линии фронта. Предлагалось руководителям Матвеево-Курганского района в пятидневный срок произвести переселение на расстоянии не менее 25 километров всего, без исключения, гражданского населения сел и хуторов Писаревский, Ново-Ясиновский, Больше-Кирсановка, Старо-Ротовка, Шапошниково, Соседкин, Бедновский, Денисовский, Русское, Ротовка, Демидовка, Матвеев Курган, Колесниково, Новоселовский.

6 апреля бюро Ростовского обкома ВКП(б) и облисполком, рассмотрев постановление Военного Совета Южного фронта о временной эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы, обязали руководителей Неклиновского и Больше-Крепинского районов немедленно приступить к эвакуации жителей населенных пунктов Приморка, Морская, Копани, Морской Чулек, Абрамовка, Павловка, Бузинов, Ивановка на расстояние до 15 километров от переднего края обороны войск 44-й армии. Предла-

галось разместить сселяемое население Больше-Крепинского района внутри своего района, Неклиновского — часть внутри своего района и часть в Мясниковском, Куйбышевском — частично в населенных пунктах своего района, остальную часть в Родионово-Несветайском, Матвеево-Курганском, в Больше-Крепинском районах.

30 мая 1943 года секретарь Куйбышевского РК ВКП(б) М.Г. Герасимов докладывал члену Военного Совета 5-й ударной армии генерал-майору Булатову, что гражданское население с прифронтовой полосы района полностью эвакуировано. Всего сселено 46 населенных пунктов, 3100 семей, 12650 человек.

В письме Военному Совету указывалось, что на территории сселенных пунктов осталось 5865 гектаров посевов различных культур. Секретарь райкома партии просил Военный Совет армии разрешить вести колхозникам обработку посевов от сорняков там, где укажут воинские части, с соблюдением установленного режима.

ГЕНЕРАЛ ТОЛБУХИН

В марте 1943 года командующим Южным фронтом стал генерал-полковник Федор Иванович Толбухин, прошедший большую жизненную и военную школу. Ему было 49 лет. Толбухин происходил из крестьян. Родился в деревне Андронники Ярославской губернии. Здесь он учился в церковно-приходской и земской школах. После мальчик перебрался в Петербург, где окончил торговую школу и полный курс коммерческого училища. Молодой бухгалтер не испытывал особого удовлетворения от коммерческой деятельности.

В 1914 году Толбухин начал службу в армии солдатом, окончил военную офицерскую школу и был направлен на Юго-Западный фронт в качестве командира роты. Федор Толбухин участвует в боях, в знаменитом прорыве вражеского фронта русскими войсками в 1916 году под командованием генерала от кавалерии Алексея Алексеевича Брусилова. Был ранен и контужен. В первую мировую войну дослужился до командира батальона и чина штабс-капитана. Имел два боевых ордена.

В 1918 году Толбухин добровольно вступает в ряды Красной Армии. Сражается против иностранных интервентов и белой армии на Западном фронте. Войну окончил начальником штаба стрелковой дивизии. В мирное время оканчивает школу штабной службы, курсы усовершенствования командного состава, в 1934 году — оперативный факультет Военной академии имени М.В. Фрунзе. После командует стрелковой дивизией, назначается начальником штаба стрелкового корпуса, начальником штаба Закавказского военного округа.

В Великую Отечественную войну вступил в июне 1941 года в должности начальника штаба фронта, после командовал 57-й и 68-й армиями. 57-я армия под его командованием героически обороняла подступы к Сталинграду, не пропустила 4-ю танковую армию противника к Волге, участвовала в уничтожении окруженной армии Паулюса. За умелое руководство войсками и личное мужество командарм награждается орденом Суворова первой степени. После генерал Толбухин командует войсками 68-й армии Северо-Западного фронта. И вот теперь ему доверено командование фронтом — сложным военным организмом.

Напряженно, не считаясь со временем и здоровьем (пошаливало сердце), работал командующий фронтом. Его можно было видеть часто в штабе днем и ночью, склонившимся над картами, документами, обдумывающим детали предстоящего боя, анализирующим свои силы и ресурсы противника.

Регулярно Ф.И. Толбухин выезжал в войска, проводил учения, тренировки, бывал не только в штабах и на командных пунктах армии и дивизии. Его, выделявшегося высоким ростом, широкоплечего, плотного телосложения, с приятными чертами массивного лица, часто видели и в стрелковых, и танковых батальонах, и на огневых позициях артиллерийских батарей. Он говорил с офицерами, сержантами и солдатами, интересовался, как они живут, о чем думают. Из первых траншей рассматривал расположение немецкой обороны, вражеские укрепления.

***

...Командующий выехал из штаба фронта, разместившегося в районе Новошахтинска, в 5-ю ударную армию, которая держала оборону на направлении главного удара. Не-

далеко от села Куйбышево Толбухина и сопровождающую его свиту встретил командующий армией генерал-лейтенант Вячеслав Дмитриевич Цветаев. Старые сослуживцы радостно обнялись.

В начале двадцатых годов в московскую пролетарскую стрелковую дивизию, которой командовал Цветаев, на должность начальника штаба дивизии прибыл Толбухин. Вместе они почти пять лет руководили дивизией.

Жизненные и военные дороги Цветаева и Толбухина были во многом схожими. В.Д. Цветаев родился в 1893 году, на год был старше Толбухина. Выходец из семьи служащего железнодорожной станции Малоархангельск Орловской губернии, Цветаев окончил 6 классов гимназии, также, как и Толбухин, с 1914-го участвовал в первой мировой войне. Окончил военную школу, командовал ротой и батальоном. В Красную Армию вступил в 1918 году, проявил свои командирские качества на Северном фронте в должности начальника стрелковой дивизии. После окончания гражданской войны Цветаев получил высшее военное образование, находился на командных должностях в сухопутных войсках. Затем стал начальником кафедры Военной академии имени Фрунзе. Как только гитлеровская Германия напала на нашу Родину, генерал Цветаев попросился на фронт. Просьбу его удовлетворили. Сначала он был назначен заместителем командующего, а затем командующим вновь сформированной в 1942 году армии.

Войска под командованием Цветаева успешно провели несколько боевых операций по разгрому гитлеровских войск. В 1945 году ему присваивается звание Героя Советского Союза. После войны Цветаев — начальник Военной академии имени Фрунзе. Умер в 1950 году в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище. В 1949 году в расцвете сил ушел

из жизни его боевой друг Маршал Советского Союза и Герой Советского Союза Ф.И. Толбухин.

...Командующий фронтом, минуя штаб армии, прямо отправился на передовые позиции. Осмотрел оборонительные линии 96-й стрелковой дивизии у украинского села Дмитриевка, недалеко от села Куйбышево. Этому участку обороны придавалось большое значение. Наше командование рассчитывало его использовать как трамплин для наступления.

Не один раз здесь немцы пытались потеснить, сбросить с плацдарма воинов дивизии, но всякий раз получали должный отпор. За четыре месяца нахождения в обороне рубеж был укреплен, сделан неприступным.

Затем командующий и сопровождавшие его генералы переехали на другой участок обороны. На командном пункте их встретил командир полка. Вместе с ним они отправились на передовую. Осматривая из траншей вражеские укрепления, Толбухин обратил внимание на хорошо просматриваемый в глубине обороны противника высокий, крутой, голый курган. Он развернул карту, отыскивая нанесенную на ней эту высоту.

- Это «Саур-могила», на карте отметка 277,7 — древний курган, давно так названный местными жителями, — пояснил В.Д. Цветаев. — Высота его достигает почти 300 метров. С его вершины на многие километры открывается широкий обзор. Немцы превратили высоту в крупный узел сопротивления — но это и очень выгодное место для управления войсками. Не зря на самой вершине «Саур-могилы» оборудован командный пункт 6-й немецкой армии.

Толбухин, сделав отметку на карте, сказал:

- На пути вашей армии в Донбасс, Вячеслав Дмитриевич, большая преграда. Продумайте, как овладеть этой «Саур-могилой».

В заключение поездки на одном из оборонных полковых пунктов командующий фронтом встретился с группой солдат, сержантов и офицеров. Они внимательно слушали генерала, охотно отвечали на его вопросы, говорили, что живут ожиданием приказа о наступлении. Спрашивали, как скоро это будет.

- Всеу свое время, и приказ идти вперед будет, а сейчас надо крепко держать оборону и упорно готовиться к наступлению,— сказал Ф.И. Толбухин.

***

5 июля 1943 года началась битва на Курской дуге — одно из крупнейших сражений Великой Отечественной войны. Гитлеровское командование рассчитывало под Курском обеспечить себе победу во второй мировой войне. До 50 лучших немецких дивизий — 900 тысяч человек, около 10 тысяч орудий, 2700 танков и штурмовых орудий (преимущественно новых марок) и свыше 2000 самолетов выделялось для этого наступления.

Враг ставил задачу — окружить и уничтожить войска, глубоко прорваться в наши тылы, вновь вернуться в Сталинград, захватить Москву и Ленинград.

Гитлер понимал, что это его последняя попытка взять реванш за поражение под Сталинградом, обеспечить себе победу на советско- германском фронте. Поэтому придавал исключительное значение наступлению под Курском.

В обращении к солдатам, подписанном Гитлером, говорилось: «От исхода этой битвы зависит все».

Наши войска, отражая мощные атаки немцев, вели тяжелые оборонительные бои. Враг бросал все новые и новые полки и дивизии с других фронтов. С обеих сторон в эту битву по-

следовательно было втянуто до 4 миллионов человек, 13000 танков, около 12000 самолетов, десятки тысяч орудий.

НАСТУПЛЕНИЕ

Чтобы не дать возможности немцам увеличить свои силы на Курском направлении, Ставка Верховного главномкомандования 7 июля, через два дня после начала наступления немцев, приказала Юго-Западному и Южному фронтам приступить к подготовке наступательных операций по освобождению Донбасса. Южный фронт должен был начать наступление от Куйбышево на запад, на Сталино и далее на Мариуполь.

На подготовку отводилось мало времени. Командующий фронтом генерал-полковник Ф.И. Толбухин, начальник штаба генерал-лейтенант С.С. Бирюзов, член Военного Совета К.А. Гуров разработали план предстоящей операции.

Предусматривалось нанести удар на участке Дмитриевка-Куйбышево-Петрополье-Ясиновский протяженностью 30 километров и прорвать здесь оборону врага. Дальше наступать в юго-западном направлении через Анастасиевку, Федоровку и овладеть Таганрогом.

После выполнения этой задачи и выхода на рубеж реки Еланчик соединения фронта должны наступать на Сталино (ныне Донецк областной).

Главный удар было решено нанести силами 5-й ударной и 28-й армий. 5-й ударной армии предстояло прорвать оборону в районе Дмитриевки, 28-й армии — южнее Куйбышево.

2-я гвардейская армия, усиленная двумя механизированными корпусами, составляла второй эшелон фронта — эшелон развития прорыва. Ей была поставлена задача войти в прорыв, сделанный этими армиями, и к исходу первого дня подвижными частями овладеть рубежом реки Крынка и дальше развивать наступление на Кутейниково.

51-й армии, действовавшей на правом крыле фронта, предписывалось силами одного 54-го стрелкового корпуса (с тремя дивизиями) нанести вспомогательный удар юго-западнее Ворошиловграда.

44-я армия, державшая оборону на рубеже Ясиновский-Приморка, имела задачу удерживать занимаемый рубеж и одной дивизией на правом фланге содействовать наступлению 28-й армии.

Развернулась непосредственная подготовка к наступлению. За очень короткие сроки (7-8 суток) нужно было провести перегруппировку войск, занять исходные позиции. С наступлением темноты выдвигались колонны войск и шли к передовой, шли быстро, бесшумно, чтобы за короткие июльские ночи как можно ближе приблизиться к фронту. С рассветом войска скрывались в балках, оврагах, лощинах, кустарниках. Наступала новая ночь — и новый переход.

В движении оказалось большое количество людей, танков, артиллерии, транспорта. Для проведения предстоящей операции нужно было перевезти сотни тысяч тонн различных грузов, боеприпасов, горючего, продовольствия. Времени было очень мало, чтобы все это успеть сделать, автомашины по фронтовым дорогам шли круглые сутки.

Подготовка войск к прорыву закончилась к 16 июля. Полки и дивизии заняли исходные позиции и ждали сигнала к наступлению. Командующий фронтом генерал-полковник Толбухин отдал боевой приказ №17 от 17 июля 1943 года своим войскам о наступлении.

«Товарищи красноармейцы, командиры, политработники, — говорилось в приказе. — На советско-германском фронте начинается решающее сражение. Временное затишье кончилось.

Приказываю войскам Южного фронта перейти в наступление против немецко-фашистских захватчиков!»

Медленно наступал рассвет. 3.30 17 июля 1943 года.

Послышались первые орудийные выстрелы, через несколько минут потрясли воздух мощные залпы гвардейских минометов, прославленных «катюш». Их снаряды огненными зарницами перечеркнули небо. Началась артподготовка. Более тысячи орудий разных калибров ударили по обороне противника. Над Миусом появились красноезвездные бомбардировщики, сбросившие сотни бомб на вражеские укрепления. Все загудело, завывало вокруг. Более двух часов снаряды, мины и бомбы рвали землю, взламывая мощную оборону на Миусе. После артподготовки и авиабомбежки долина реки Миус была в сплошном черном дыму и густой пыли.

б часов утра. Пехота 5-й ударной и 28-й армий на фронте Дмитриевка-Петрополье перешла в наступление. После сигнала с командного пункта командира 34-й гвардейской стрелковой дивизии полковника Ф.В. Брайляна стрелковые роты, переправившись через реку, ринулись в атаку. Гвардейцы 107-го стрелкового полка с ходу заняли первые траншеи, ворвались во вторые, завязался бой, гранатой, штыком и пулей они прокладывали путь вперед... Перед третьей траншеей, огонь противника заставил залечь пехотинцев. Немцы перешли в контратаку, и тогда командир 8-й роты лейтенант Григорий Сибилев скоординировал: «За мной, в атаку!» — и бросился вперед, за ним побежали бойцы. Завязалась рукопашная схватка. Немцы отступили назад, гвардейцы овладели новым рубежом. Продвинулись вперед и соседние роты. Вражеская позиция была прорвана.

В 40-й гвардейской стрелковой дивизии этой же 5-й ударной армии смело пошла в атаку рота старшего лейте-

нанта Петра Рудинского и первой ворвалась на важную высоту. Бойцы Галадин, Нардымов, сержанты Владкин, Марченко, старшина Максимов уничтожили 15 немецких солдат. Под ударами полков дивизии противник отошел на вторую линию обороны. Высота, которую было приказано взять роте младшего лейтенанта Владимира Есина из 320-й стрелковой дивизии, имела важное тактическое значение.

На ее вершине был сооружен дот с пулеметами и пушками. С высоты обстреливались все пути подхода. В 300 метрах от высоты вражеский огонь прижал пехотинцев к земле. Брать высоту в лоб было трудным делом, неизбежны были бы большие потери. Есин решил оставить одно отделение с пулеметом на месте, а роту скрытно передвинул на правый фланг. Здесь немцы наших солдат не ожидали. Без потерь стрелки ворвались в немецкие траншеи, фашисты оказались в ловушке. Они было шарахнулись вперед, но напоролись на замаскированный пулемет красноармейца Козеева. Он уничтожил до 40 фрицев. До дзота оставалось еще метров 50. На помощь пришли минометчики. Они накрыли дзот минами, его окутало дымом. Немцы в дыму не видели, как пехотинцы подошли вплотную к дзоту и уничтожили его гарнизон. Высота была взята с незначительными потерями.

Хотя в первые часы боя наметился некоторый успех на участке 5-й ударной, продвижение войск было трудным. Противник встретил наши части мощным огнем и частыми контратаками. Обе стороны несли большие потери. В 7-й роте 107-го стрелкового полка 34-й гвардейской стрелковой дивизии к исходу дня из 90 человек в строю остались 17.

За 17-18 июля в 5-й ударной армии были убиты 1607 и ранены 4770 солдат и офицеров, потеряно 17 пушек и 47 танков (АМО, ф.333, О.4885, д. 31, л.2).

28-я армия генерал-лейтенанта В.Ф. Герасименко, действовавшая левее 5-й ударной армии южнее Куйбышево, получила задачу перейти в наступление в полосе Крепаки-Петрополье, прорвать оборону противника и к исходу 17 июля выйти на рубеж Бишлеровка-Писаревский. После артподготовки, преодолев Миус, соединения армии атаковали противника и несколько продвинулись вперед; затем были остановлены возросшим сопротивлением неприятеля. Наши полки в течение дня несколько раз бросались в атаку, но заметного продвижения не имели.

Жаркий бой кипел на всем участке наступления 347-й стрелковой дивизии. Ее полки дружно пошли на штурм вражеских укреплений и упорно продвигались вперед. Противник ввел в бой новые силы и предпринял одну за другой контратаки с участием большого количества танков, пехоты, поддержанных авиацией. Гитлеровцы обрушили на подразделения дивизии огонь артиллерии и минометов. Вражеские самолеты сбросили смертоносные грузы. До позднего вечера продолжался бой. Горели немецкие танки, на поле лежало много вражеских трупов. Подразделения дивизии, проявив мужество и стойкость, отбили атаки врага, не дав ему возможности прорвать наши боевые порядки.

581-й стрелковый полк 151-й стрелковой дивизии, которой командовал подполковник С.М. Мартиросян, форсировав Миус южнее Большой Кирсановки, 17 июля утром ворвался в хутор Подгорный. Противник против полка бросил танки и батальон автоматчиков. Полк вынужден был оставить Подгорный, но удержал плацдарм на правом берегу реки Миус. За день наши подразделения уничтожили 7 танков, 18 пулеметных точек, много солдат противника. 18 июля 683-й стрелковый полк майора И.Ф. Бардеева подошел к южной окраине села Петрополье, где был контратакован

пехотой и 10 танками немцев, поддержанных артиллерийским и минометным огнем с высоты «Черный ворон». Контратаки были отбиты. Части дивизии вывели из строя до 400 немецких солдат и офицеров.

Отважно действовали танкисты 36-й отдельной гвардейской танковой бригады гв. полковника Н.И.Бабенко В июльских боях в районе х. Новобахмутского, балки Холодной они сдерживали натиск немецких танков, вывели из строя много бронемашин и гитлеровских солдат.

Свыше 100 наших славных танкистов пали в этих боях, и среди них командир танка гв. лейтенант Хлюстов И.Т., водитель танка Биряков П.М., командир взвода танков лейтенант Шудрий К.И., автоматчик — мл. сержант Карандеев В.И., радист Титов А.И. и другие.

За первый день войска фронта прорвали оборону на участке шириной до 10 километров и в глубь на 3-10 километров. Не принес желаемого результата и второй день наступления.

О ходе первых дней операции в журнале боевых действий войск Южного фронта за июль 1943 года записано так:

«Войска фронта в течение 18 июля продолжали наступление, встретив на всем фронте сильное и организованное сопротивление противника, и только в центре 5-й ударной армии продвинулись на 4-6 километров. На остальном фронте вели ожесточенные бои на прежних рубежах.

19.7.43 войска фронта вели ожесточенные бои на рубеже 2,5 км севернее Герасимова, балка Ольховчик, Гараны, Елизаветинский, отражая многочисленные контратаки подошедших танковых и моторизованных частей противника, и подвергались сильному воздействию авиации.

28-я армия в течение дня отразила 5 контратак пехоты и танков. В течение дня наши 249 самолетов сделали 452

самолетовылета. Сбито 27 самолетов противника, наши потери — 19 самолетов».

Несмотря на возросшее сопротивление противника, при отражении его мощных атак наши бойцы и командиры проявляли стойкость, мужество и отвагу.

Продвижению одной из рот 1275-го стрелкового полка 387-й стрелковой дивизии мешала пулеметная точка противника.

Молодой солдат Илья Петрович Капустин (ему шел 19-й год) уроженец Зимовниковского района Ростовской области, вызвался подавить ее. Он подобрался к пулемету и уничтожил его с расчетом. Пехотинцы рванулись вперед. Гитлеровские солдаты попытались их остановить. Смело действуя при отражении контратаки, Капустин уничтожил 15 немецких солдат. Вражеская пуля сразила героя. Капустин посмертно был награжден орденом Красного Знамени. При прорыве обороны противника 17 июля западнее хутора Скелянского в стрелковой роте 1-го батальона 555-го стрелкового полка 127-й стрелковой дивизии произошла заминка — бойцы залегли под вражеским огнем. И тогда командир взвода лейтенант Петр Никитович Самойлюк поднял бойцов в атаку, и стремительным броском он, а за ним бойцы, ворвались в траншеи противника. Блокировали три дзота. В завязавшейся схватке были убиты до 30 немецких солдат. За отвагу и мужество Петр Самойлюк был награжден орденом Красного Знамени.

Очень трудно было военным санитарам, чаще всего обязанности которых выполняли представительницы женского пола. Раненых было очень много и всем им нужно оказать медицинскую помощь, эвакуировать с поля боя. И все это приходилось делать под огнем противника, постоянно ри-

скую своей жизнью. И санитарки мужественно выполняли свой воинский долг.

Санитарный инструктор Антонина Васина только в бою 17 июля перевязала 32-х человек, получивших ранения, и 26 тяжелораненых, с оружием, вынесла с поля боя. Вместе с пехотинцами участвовала в отражении контратаки противника. Отважная девушка погибла в бою. Украинке Антонине Ивановне Васиной было 24 года. Она была посмертно награждена орденом Отечественной войны.

В горячих июльских боях отличились воины 2-го дивизиона 1052-го артиллерийского полка 315-й стрелковой дивизии. Точным огнем артиллеристы поражали огневые точки и танки врага, прокладывая путь пехоте.

Многие артиллеристы за боевые отличия удостоились высоких наград Родины. Командир дивизиона капитан Федор Митрофанович Дорохов — ордена Красного Знамени.

БРАТЬЯ ГУРОВЫ

На Южном фронте добрая слава ходила о минометном расчете братьев Гуровых. О них писали в дивизионной, армейской и фронтовых газетах, говорили на политзанятиях, их ставили в пример как доблестных защитников Родины.

Известны были Гуровы не только как отважные воины, но и как активные участники художественной самодеятельности, исполнители русских народных и солдатских песен, а также песен ставропольских и донских казаков. Пение братьев Гуровых волновало и радовало воинов.

А началось все с того, когда из села Молотовское Молотовского района Ставропольского края одновременно призвали в армию четырех братьев Гуровых — Николая, Дмитрия, Алексея и Михаила. Они были в возрасте 35-40 лет. Братья попали в 867-й стрелковый полк 271-й стрелковой дивизии. Здесь они получили боевое крещение. В феврале 1943 года дивизия, преследуя отступающего врага, пришла с боями на Миус и заняла оборону на рубеже Ряженое-Копани. Из госпиталя, с пополнением, в полк, в котором воевали четверо Гуровых, прибыл пятый брат — Павел. Гуровы были стрелками, служили в одном батальоне, но в разных ротах. В часы затишья, когда позволяла возможность, братья собирались вместе, пели песни. Импровизированные концерты Гуровых с удовольствием слушали бойцы.

Состоялся полковой смотр художественной самодеятельности. Пригласили на него братьев Гуровых. На смотре присутствовал и командир полка Николай Захарович Козлов. Громких аплодисментов заслужило исполнение Гуровыми песен. Когда смотр закончился, Михаил Гуров обратился к командиру полка.

- Сделайте так, чтобы мы воевали вместе, плечом к плечу. Доверьте нам батальонный миномет. Нас пять братьев — целый минометный расчет. Можете на нас надеяться, мы вас не подведем.

Просьба была удовлетворена. Семья патриотов составила расчет 82-миллиметрового миномета. Николай стал командиром расчета, Алексей — первым номером, Дмитрий — вторым, Михаил — третьим, Павел — подносчиком. И вскоре они оказались в одном подразделении, которым командовал старший лейтенант Адамов.

Вначале бывало так, что командир подразделения вызывал одного Гурова, а к нему приходил другой или вместо одного — сразу несколько Гуровых. Чтобы такого не случалось, при обращении стали к званию, фамилии добавлять и имя. Звучало это так:

-Товарищ красноармеец Гуров Михаил, ко мне!

Дивизию отвели во второй эшелон обороны на пополнение, для подготовки к предстоящему наступлению. И Гуровы, связанные кровными узами, спаянные любовью к Родине и ненавистью к врагу, без устали готовились к боям за освобождение родной земли от врага. Они добивались четкого исполнения своих обязанностей, полной взаимозаменяемости номеров — учились громить врага без промаха.

А после занятий Гуровы приходили на репетиции, разучивали песни, выступали в подразделениях не только своей дивизии, но и в соседней, и даже в частях Ростовского гарнизона.

Перед боем минометчики Гуровы подали заявления о приеме их кандидатами в члены ВКП(б). В своих заявлениях они поклялись мужественно и стойко сражаться с врагом. Произошло еще одно событие. К Гуровым приехали жены. Командир части разрешил братьям повидать-

ся с ними, а жену Николая Марию Федоровну пригласили на беседу с бойцами. Она рассказала об ужасах, которые пришлось перенести сельчанам в дни фашистской неволи, всплакнула, потом, успокоившись, продолжала:

- От колхозников колхоза имени Микояна примите низкий поклон — урожай собрали богатый. Это вам, мужики, чтобы Гитлера скорее прогнали и домой возвращались, бо скучно без вас.

Раздался дружный хохот. Все зааплодировали. Николай похвалил слова жены и ответил:

- Постараемся.

Это были июльские дни 1943 года.

Передышка закончилась, и дивизия вновь оказалась на переднем крае — заняла оборонительный рубеж в районе села Русского, хутора Голубячего Куйбышевского района.

17 июля начался штурм немецких укреплений на Миусе. Прорвав оборону противника на правом берегу реки Миус, 867-й стрелковый полк продвинулся вперед, заняв выгодные позиции. Опомнившись от первого удара, немцы перешли в яростные атаки, пытаясь отбросить полк назад. В течение дня было отбито несколько атак. В первый день гуровский миномет вывел из строя вражескую пушку с расчетом, подавил огонь двух пулеметов, меткими выстрелами оттеснял немецкую пехоту от танков.

В следующие дни сражения были еще более ожесточенными. 19 июля противник перешел в наступление большими силами пехоты и танков. Командир роты несколько раз перебрасывал миномет братьев Гуровых на самые опасные участки, сам указывал им новые цели.

По команде «Огонь!» мины, посылаемые Гуровыми, падали на вражеские цепи и накрывали неприятельских солдат. Был момент, когда одна рота 867-го стрелкового полка не вы-

держала натиска озверелого врага, дрогнула. Расчет же Гуровых, находясь под прицельным огнем немцев, не дрогнул, а остался на своей позиции. Пренебрегая смертельной опасностью, минометчики вели огонь по немецкой пехоте, посылая мины точно в цель. Вражеская атака была отбита, гитлеровцы повернули обратно.

За этот бой командир части представил всех братьев Гуровых к награде. Им были вручены ордена Красной Звезды.

Вечером после боя в блиндаже заседало бюро первичной парторганизации. Одного за другим приглашали на заседание братьев Гуровых, разбирая их заявления. Всех пятерых единогласно приняли в партию. Гуровы пообещали еще крепче бить гитлеровских захватчиков.

Вскоре снова произошел жаркий бой в районе хутора Голубячего и в нем отличились братья Гуровы, за что каждый из них был награжден орденом Отечественной войны. А дело было так. Отбивая озверелую вражескую атаку, расчет Гуровых уничтожил три станковых пулемета с расчетами, подавил огонь двух минометов. От долгой непрерывной стрельбы до предела накалялся ствол. Кончились мины, братья Гуровы из автоматов разили вражеских солдат. Смертью храбрых погиб командир расчета Николай Федорович Гуров. Будучи раненым, Михаил Гуров продолжал вести огонь по немцам, прорвавшимся к нашим позициям. И только после вторичного ранения, обессиленного от потери крови, его вынесли с места сражения. От полученных ран Михаил Гуров скончался в медсанбате дивизии.

Ранения получили в этих боях и Павел, Дмитрий и Алексей Гуровы. Но они также не ушли с поля боя, сражались до тех пор, пока враг не был остановлен, атака отбита.

Автору этих строк о братьях Гуровых много рассказал в письмах председатель исполкома Красногвардейского сель-

ского Совета Ставропольского края (село Молотовское и Молотовский район были позднее переименованы в село Красногвардейское и Красногвардейский район) Дмитрий Семенович Воротынцев. Сам он 18-летним пареньком в 1943 году попал на фронт, стал наводчиком 120-миллиметрового полкового миномета, сражался у нас на Миусе в 436-ом стрелковом полку 320-й стрелковой дивизии в районе Политотдельское-Ряженое-Матвеев Курган. С боями прошел через Украину, форсировал Днепр, освобождал Румынию, Югославию, Болгарию, участвовал в боях в Венгрии. Награжден двумя солдатскими медалями «За отвагу». После войны руководил колхозом, получил орден «Знак Почета». Вместе с ним на Миусе, кроме Гуровых, в ту пору воевали немало его однополчан — 18-летних ребят. Один из них — крестьянский парень из Красногвардейского минометчик Д.А. Наливайкин — стал профессиональным военным-генералом.

В одном из писем в декабре 1976 года Д.С. Воротынцев писал, что как до войны, так и после войны Гуровы в селе ничем особым не выделялись — это были скромные люди, хорошие, добросовестные труженики, весельчаки, пользовались большим уважением односельчан. Провожая их на фронт, никто не мог и предположить о таком мужестве, о такой бесстрашии, которое они проявили в боях по защите Родины.

«Я, находясь на Миусе по соседству с дивизией, в которой служили наши земляки Гуровы, не один раз читал заметки об их подвигах в армейской газете», — писал Д.С. Воротынцев.

До войны Алексей, Павел и Николай Гуровы работали на кирпичном заводе, а Михаил и Дмитрий в колхозе. После окончания войны оставшиеся в живых три брата продолжали

так же старательно трудиться на производстве, в родном селе, как и мужественно сражались в бою.

Братья Гуровы оставили о себе добрую память.

***

Для усиления темпов наступления и в связи с тем, что продвижение 28-й армии затормозилось, а на участке 5-й ударной армии обозначился некоторый успех, командующий фронтом решил раньше ввести в сражение для развития прорыва в полосе 5-й ударной армии второй эшелон фронта — 2-ю гвардейскую армию с двумя механизированными корпусами. По плану же эта армия должна вводиться в бой после того, как 5-я ударная и 28-я армии прорвут тактическую глубину обороны противника на участках обеих армий.

Командовал 2-й гвардейской армией Герой Советского Союза генерал-лейтенант Яков Григорьевич Крейзер. Он был самым молодым командармом. Ему шел 38-й год. Войну начал полковником, командиром 1-й московской мотострелковой дивизии, в составе которой было 100 танков. В начале июля 1941 года дивизии удалось не только остановить немецкую 18-ю танковую дивизию, наступавшую вдоль автомагистрали Минск — Москва, но и отбросить ее назад, нанести ей большие потери. За умелое руководство боевыми действиями и проявленный героизм Я.Г. Крейзеру 11 июля 1941 года Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Советского Союза.

18 июля вступила в активные боевые действия 2-я гвардейская армия. Сначала был введен в бой 2-й гвардейский механизированный корпус, на который возлагалась задача расширить прорыв 5-й ударной армии в направлении Дмитриевка — Степановка. Затем последовательно, день за днем, вводились другие соединения армии.

Накануне июльских боев 2-му гвардейскому мехкорпусу, находившемуся на реке Миус в районе хутора Дмитриевка, в торжественной обстановке была передана танковая колонна «Донской казак» — 20 боевых машин построили на скромные сбережения труженики Дона.

Среди гостей находилась и делегация трудящихся области во главе с секретарем обкома партии Д.И. Майоровым и заместителем председателя облисполкома И.В. Хоренко. На митинге гвардейцы-танкисты дали слово отлично применять в бою против оккупантов новую технику, переданную труженниками Дона. Поклялись, что они не пожалеют крови, своих сердец для победы над врагом.

20 боевых машин принял командир 25-го танкового полка майор П.Я. Рой. Через несколько дней танки «Донской казак» вступили в бой.

Самоотверженно и умело действовали танкисты роты, которой командовал лейтенант В. Захаров.

Под покровом темноты взводы заняли исходное положение. По команде танки пошли вперед на большой скорости, ведя стрельбу из пушек и пулеметов, ворвались на позиции противника. Гв. лейтенант Пушкарев своим танком раздавил немецкий блиндаж. Механик-водитель Матузов сделал несколько резких разворотов. Фрицы стали выползать из разрушенного укрытия. Башенный стрелок Дмитрий Коробейников чуть высунулся из люка и бросил в немцев несколько гранат. Радист Михаил Дорогов расстрелял убежавших солдат из пулемета.

Немцы выкатили на бугор противотанковую батарею.
- Справа пушки! — крикнул водитель.

Пушкарев развернул башни и меткими выстрелами поразил два орудия.

В это время невдалеке слева появились вражеские бронетанки. Командир танка открыл огонь по ним, а Матузов направил танк навстречу орудиям и придавил его. Расчет четвертой пушки разбежался.

Отличился и экипаж гвардии лейтенанта Шевкоплясова. Его танк в течение дня восемь раз ходил в атаку, нанес большой урон врагу. Он огнем из пушки и пулемета уничтожил в траншеях и окопах десятки гитлеровцев. Отличилась рота Захарова, она выбила немцев с важных позиций. Только за один день боев танкисты, действовавшие на машинах «Донской казак», уничтожили огнем и раздавили гусеницами 20 орудий, 10 пулеметных точек, истребили до 300 гитлеровцев.

Об этом бое рассказывалось в корреспонденции армейской газеты.

Однако другие части корпуса встретили ожесточенное сопротивление противника, и продвижение их затормозилось. Введение в прорыв второго эшелона фронта — 2-й гвардейской армии — не дало ожидаемых результатов.

Командование южной группировки немецких войск во главе с фельдмаршалом Манштейном успело перебросить на Миус, в район прорыва, значительные резервы, новые дивизии, перебазировало сюда большое количество самолетов и оказало сильное противодействие нашим войскам. Значительно усилилась активность авиации противника. Ее бомбардировщики под прикрытием истребителей, волна за волной, большими группами по 50-60 и более самолетов появлялись в небе и наносили бомбовые удары по нашим наступающим частям. Участились контратаки немцев, сопровождаемые большими силами танков и пехоты. Разгорелись ожесточенные, затяжные бои, каждый метр у врага отвоевывался с большим усилием.

19 июля 2-я гвардейская армия захватила несколько укрепленных населенных пунктов и вышла на рубеж Герасимовка, Степановка, Мариновка. 20 июля 2-й гвардейский мехкорпус овладел населенным пунктом Саур-могильским.

Продвижение войск 2-й гвардейской армии шло чрезвычайно медленно, задача по развитию прорыва и выхода на реку Крынка по срокам армией не выполнялась.

Командующий армией генерал-лейтенант Крейзер с целью наращивания удара армии приказал командиру 4-го гвардейского механизированного корпуса генералу Танасчишину вывести корпус в район Дмитриевка-Степановка-Мариновка, форсировать р. Крынку и к исходу 21 июля овладеть Житеневым, Калиновкой, Успенкой, занять плацдарм на западном берегу реки. От места сосредоточения корпуса до передовой было 60 километров.

С наступлением темноты начался переход корпуса. Растянулись по дорогам колонны с танками, орудиями, автомашинами. К утру части корпуса прошли значительное расстояние и сосредоточились в назначенном месте. По возможности спрятались в естественных укрытиях: оврагах, балках, кустарниках, лесополосах. Надежно замаскировать все танки, автомашины не было возможности. Не хватало маскировочных сеток. Не было землеройной техники, с помощью которой можно было в самое короткое время окопать танки, автомашины, орудия.

Ранним утром пролетел над расположением войск немецкий самолет-разведчик «Фокке-вульф-190». «Рамами» называли такие самолеты фронтовики. С самого начала войны было замечено, что после облета «рамой» наших позиций — жди бомбардировщиков. Было так и на этот раз. Вскоре появились в небе десятки немецких юнкерсов. Сбросив бомбы на части корпуса, самолеты взяли обратный курс. Тут же

показались снова самолеты, и так налет за налетом. На 36-ю танковую бригаду в течение дня было сделано 6 налетов, в результате которых было выведено из строя 12 танков, значительное число автомашин. Уже на пути к передовой части корпуса понесли некоторые потери.

Утром 21 июля корпус на рубеже Калиновка перешел в наступление. Механизированные бригады дружно атаковали противника, сбили его с первых позиций, в дальнейшем встретили активное сопротивление. Немецкие танки и пехота перешли в контратаку. Их действия поддерживала авиация. В небе постоянно находились большие группы самолетов. Они непрерывно бомбили наши части. Разрывы бомб, снарядов, рев моторов на земле и в небе, скрежет и лязганье гусениц танков — все слилось в сплошной грохот. Над полем боя стелился удушливый дым. Стояла сильная жара, в горле пересохло, бойцов мучила жажда — бой длился уже несколько часов. Гвардейцы-сталинградцы стойко отражали атаки врага, совершили немало подвигов и на донецкой земле. На бронейщика Андрея Былина из 15-й гв. механизированной бригады, участника Сталинградской битвы, шел немецкий танк. Боец не растерялся, лег в траншее. Когда танк перевалился за окоп, Былин из противотанкового ружья открыл огонь по вражеской машине, после его третьего выстрела загорелся танк. Бронейщик перенес огонь на танк, идущий на соседа. Ценой больших усилий советских воинов атаки немцев были отбиты. При этом они понесли большие потери. Пало немало и наших храбрых воинов. Среди них и командир 36-й гвардейской танковой бригады гвардии полковник Черный Ф.В.

Отразив атаку, танкисты продолжали наступление, но успех его был совсем незначителен. Им удалось уйти вперед лишь на один — два километра.

22 и 23 июля корпус продолжал выполнять поставленную перед ним задачу, пытался развить наступление, но заметного продвижения не имел. Противник вводил в бой новые полки и дивизии, стремясь, во чтобы то ни стало, остановить наши части. Механизированные бригады и танковый полк корпуса отражали по 6-7 атак противника в день.

О том, что на переднем крае в июльские дни было трудно, велись изнурительные бои, стороны несли большие потери, свидетельствуют и донесения начальника штаба корпуса генерал-майора танковых войск Жданова и начальника оперативного отдела штаба подполковника Баштана Д.Я. начальнику бронетанковых и механизированных войск Южного фронта и начальнику штаба 2-й гвардейской армии. Приведем некоторые извлечения из них.

Из оперсводок штаба корпуса (АМО, ф. 3430, о. 1, д.79, л. 11).

«22 июля 1943 года.

Противник стремится остановить продвижение частей, оказывая упорное сопротивление. Авиация наносила в течение дня массированные налеты на боевые порядки корпуса. Прикрытие наших частей с воздуха недостаточное. Части корпуса достигли рубежей отметок 1.72,3; 183,0.

Потери личного состава и техники за два дня боев - 21, 22 июля: убито 472, ранено 1875. Уничтожено танков: Т-34 — 23, Т-70 — 4, автомашин грузовых — 25, противотанковых орудий - 6, станковых пулеметов — 18, руч-

ных пулеметов — 67. Подбито с эвакуацией с поля боя танков Т-34 — 25, Т-70 — 7, грузовых автомашин — 40.

По предварительным данным, противник понес следующие потери: танков средних — 8, танков «Тигров» — 6, самолетов — 2, артбатарей — 7, до двух батальонов пехоты.

В строю танков Т-34 — 85, Т-40 — 40, Т-60 — 3».

«23 июля 1943 года.

Авиация противника производила массированные налеты на боевые порядки корпуса. Подсчитано до 700 самолетов-вылетов. Наша авиация бездействовала — части корпуса достигли рубежа Семеновский, Калиновка.

Потери за день боев и с 21 по 23 июля включительно: убито 914, ранено 3915, всего потеряно 4829 человек. Безвозвратно потеряно танков Т-34 — 52, автомашин грузовых 67, подбито с эвакуацией с поля боя танков Т-34 — 56, Т-70 — 20, автомашин — 85. В строю танков Т-34 — 46, Т-70 — 20, Т-60 — 9».

За три дня боев корпус потерял более половины своих танков. За три дня его части продвинулись всего лишь на 8 километров.

24 июля корпус был выведен из боя и сосредоточился на восточном берегу реки Миус северо-восточнее Куйбышево.

* * *

В районе южнее Изюма и юго-западнее Ворошиловграда завязались бои местного характера, имевшие тенденцию перерасти в серьезные бои. Здесь наши войска форсировали реки Северский Донец и Миус, улучшив свои позиции. Так впервые, на пятые сутки после их начала, было сообщено о боях на Юге, в Донбассе, в сводке Совинформбюро, на-

печатанной в «Правде» 21 июля 1943 года. В этом сообщении обращало на себя внимание определение: «Бои местного характера». Два наших фронта осуществляли крупные наступательные операции — шли кровопролитные бои. По важности задач, количеству вовлеченных в них сил и особенно по ожесточению эти бои не носили «местного характера».

Скромное определение «бои местного характера», в несколько запоздалом сообщении Совинформбюро, думается, было не случайно. Сообщения для печати и радио Советскому информбюро готовились генеральным штабом, лично докладывались А.С. Щербакову, который в годы войны оставался секретарем МК и ЦК партии, возглавляя Главное политическое управление Советской Армии, ведал делами организации Совинформбюро. И поэтому в Совинформбюро знали, как проходили бои на Юге, какой характер они носили, но в сообщении для печати всего не сказали.

План наступательной операции нарушался по срокам и Юго-Западным, и Южным фронтами. Войскам Юго-Западного фронта предстояло форсировать Северский Донец и на пятый — седьмой день продвинуться на 100-120 километров, выйти на рубеж Красногвардейское-Константиновка, соединиться в районе Сталино (Донецк) с частями Южного фронта, наступающими от реки Миус, и окружить вражескую группировку войск. Большая роль отводилась в решении этих задач подвижным соединениям фронтов: на Юго-Западном фронте 2-му танковому и 1-му гвардейскому механизированному. Но этого не случилось. Наступление захлебнулось.

За 10 дней ожесточенных боев войскам Юго-Западного фронта удалось в районе Изюма форсировать Северский До-

нец и на его правом берегу расширить плацдарм лишь до 36 километров на 3-5 километров в глубину.

В своих мемуарах «От Сталинграда до Берлина» Маршал Советского Союза В.И. Чуйков, командовавший 8-й гвардейской армией во время ее июльского наступления в районе Барвенково, писал, что он был взволнован и озабочен тем, как начиналось и развивалось наступление. Перед ним встал вопрос, как случилось, что уже в середине дня 17 июля атаки армии повсеместно захлебнулись, несмотря на то, что его гвардейцы — сталинградцы сражались мужественно и самоотверженно, а немцы несли большие потери.

«План операции начал нарушаться по срокам. Для меня лично это были трудные часы. Первое наступление армии после сталинградских боев. Ни одна из поставленных задач не решена. Конечно, ставить задачи, расчерчивая карты стрелами, легче, чем вести бои — да еще к тому же с сильным и опытным противником. Было над чем задуматься. Что случилось? Бои не прекращались ни на один час. Мы с трудом расширяли, плацдарм, отражая контратаки противника, но уже было очевидно, что наступление наше захлебнулось» (В.И. Чуйков. «От Сталинграда до Берлина», М 1985 г., стр. 360-362).

Ставка Верховного Главнокомандования не была удовлетворена действиями наших войск в Донбассе. Она требовала от фронтов наступления, прорыва обороны противника на всю тактическую глубину и выхода наших соединений на оперативный простор. Командование фронтом, в свою очередь, требовало наступательных действий от армий, механизированных корпусов, от их руководителей — решительных действий.

Противник бросал в бой новые части, переходил в контратаки, сдерживал наше наступление. Из армий, соединений поступали неутешительные боевые донесения.

21 июля состоялся разговор начальника штаба Южного фронта С.С. Бирюзова с командующим 2-й гвардейской армии Я.Г. Крейзером. Разговор по проводам носил резкий, раздражительный характер. Начальник штаба обвинил командарма в его недостаточной решительности при выполнении боевой задачи, требовательности к командирам соединений.

-В совете фронта (имеется в виду Военный совет фронта. Его возглавлял командующий фронтом. В совет входили член Военного Совета фронта, начальник штаба и другие военные руководители), — говорил Бирюзов, — вашими действиями недовольны. Сейчас вы ведете оборонительные бои вместо решительного наступления. В 4-5 раз превосходите противника. Командующему фронтом непонятно положение в районе Калиновки. Противник имеет одну дивизию. Мы имеем пятикратное превосходство. Свиридов К.В., генерал-лейтенант, командир 2-го гвардейского механизированного корпуса слишком далеко сидит от частей. Перейдите в решительное наступление, уничтожьте 16-ю мотодивизию в районе Калиновки. Ваша нерешительность вызывает недовольство вами в Ставке, на этот счет у меня есть сигналы.

Бирюзов был неудовлетворен и действиями командира 4-го гвардейского мехкорпуса.

Вряд ли можно согласиться с тем, что у генерала Крейзера не хватало решительности. Генерал Крейзер был удостоен звания Героя Советского Союза в самое трудное время войны — в июле 1941 года. Как писала тогда газета «Красная Звезда», «Я.Г. Крейзер был первым из мужественных командиров пехоты, удостоившихся высокой

награды за отвагу и героизм, проявленные на фронте борьбы с фашизмом. Он умело управлял боем, воодушевлял личным примером своих подчиненных, был ранен и не ушел с поля боя». Войска, которыми руководил Крейзер, позже отличились в боях при обороне Москвы под Ельней в 1941 году и в Сталинградской битве. Скорее всего, такой упрек начальник штаба фронта сделал в пылу раздражительности и нервозности, вызванных неудачей в развернувшихся боях. Но С.С. Бирюзов был прав в том, что армия продвигалась крайне медленно, а 2-й гвардейский мехкорпус топтался на месте. Объяснялось ли все это только нерешительностью командарма? Конечно, были просчеты и ошибки командования. Но было и то, что армию Крейзера, подготовленную для развития наступления, предполагалось ввести в прорыв после того, как 5-я ударная и 28-я армии на своих участках проврут оборону. Этому армиям не удалось сделать, и 2-й гвардейской армии пришлось прорывать оборону.

Генерал Крейзер, выслушав начальника штаба фронта, не стал оправдываться, знал характер Бирюзова, возражений тот не любил.

Сергей Семенович Бирюзов, как и Крейзер, в войну вступил в 1941 году полковником, командиром дивизии. Он был старше Крейзера на один год — родился в 1904-м. Как штабной работник крупного масштаба он стал известен в дни Сталинградской битвы, будучи начальником штаба 2-й гвардейской армии. После возглавлял штабы 3-го и 4-го Украинских фронтов. Бирюзов был очень требовательным, даже суровым человеком, не терпящим возражений. Маршал Советского Союза А.М. Василевский давал высокую оценку Бирюзову.

«Он принадлежал к тем нашим военачальникам, кто проявил себя сразу с начала Великой Отечественной вой-

ны. Бирюзов умело руководил фронтовыми штабами в ходе освобождения Донбасса, Таврии, Крыма, Молдавии, Болгарии. Решительный и волевой, требовательный и, при необходимости, суровый военачальник, он хорошо дополнял мягкого и сдержанного Ф.И. Толбухина, командующего Южным фронтом» (А.М. Василевский. «Дело всей жизни», М., 1985, стр. 332-333).

В послевоенное время С.С. Бирюзов был начальником Генерального штаба, ему были присвоены звания Маршала Советского Союза и Героя Советского Союза. Погиб С.С. Бирюзов в 1964 году в авиакатастрофе, когда он в составе советской делегации направлялся в Югославию на празднование годовщины освобождения страны.

* * *

Упорные бои продолжались. Наши войска стремились сокрушить «Миус-фронт». Гитлеровское командование прилагало все усилия, чтобы удержать миусский оборонительный рубеж.

22 июля 2-я гвардейская армия силами 2-го и 4-го механизированных, 13-го стрелкового гвардейских корпусов нанесла удар в районе хутора Семеновский и несколько продвинулась вперед. После артиллерийской и авиационной подготовки в этот день перешли в наступление 5-я ударная и 28-я армии, были захвачены населенные пункты Калиновка, Малопетровка, Семеновский и другие. Но развить наступление не удалось. В дальнейшем частыми контратаками противник приостановил продвижение наших войск. Отражая эти атаки, ударная группировка Южного фронта несла потери. «Ослабленными стали соединения 28-й армии. За восемь суток наступательной операции с 17 по 25 июля войска армии потеряли погибшими 2975 и ранеными 12496 человек.

Особенно много бойцов вышли из строя в 271, 320, 387-й стрелковых дивизиях. Эти соединения стали малочисленными по активным штыкам. За этот период частями армии были убиты до 3500 солдат противника», — сообщалось в донесении командования армии.

С 17 по 24 июля армии Южного фронта, участвовавшие в наступлении, убитыми, ранеными и пропавшими без вести потеряли свыше 43000 воинов и 276 танков.

* * *

В штаб фронта прилетел представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. 27 июля он появился на командном пункте 2-й гвардейской армии, располагавшемся вблизи населенного пункта Новая Надежда Куйбышевского района Ростовской области. Находился здесь 8 часов.

По поручению Ставки он знакомился с обстановкой на Южном фронте, выяснял причины неудач при наступлении 2-й гвардейской армии. Командарм объяснял неудачи тем, что немцам удалось перебросить в район прорыва свежие силы. Чрезмерно усилилось воздействие вражеской авиации и танков на соединения армии. Маршал и сам видел, какие шли бои. С.К. Тимошенко хотя и принимал доводы командарма, но не был полностью удовлетворен объяснениями. Огорчили маршала большие потери в людях и танках, понесенные за 10 дней июльских боев. С.К. Тимошенко поставил вопрос о смене руководства армии. 30 июля в командование 2-й гвардейской армией вступил генерал-лейтенант Георгий Федорович Захаров — командарм 51-й армии, находившейся на правом фланге Южного фронта. Генерала Крейзера перевели на место Захарова — командующим 51-й армии. Захарова Тимошенко знал по службе с довоенного времени.

Захаров — участник первой мировой и гражданской войн. В Отечественной войне с августа 1941 года — начальник штаба армии Брянского фронта, зам. командующего Западным и Южным фронтами, с 1943 года — командующий 51-й армии.

В дальнейшем и Захаров, и Крейзер до конца войны командовали этими армиями. Оба получили звания генералов армии.

Представитель Ставки находился в войсках несколько дней, 30 июля посетил командный пункт 5-й ударной армии.

Те, кто видел в то время 48-летнего маршала, человека, обладавшего природным крепким физическим здоровьем и сильным характером, отмечали, что вид у него был усталый и удрученный — свидетельство того, как тяжело приходилось высокому командованию, когда боевые операции не имели успеха.

КОНТРУДАР

Напряженные бои на Миусе продолжались. На 31 июля было намечено силами 2-й гвардейской и 28-й армий новое наступление в направлении на Успенскую. Шла подготовка к нему. Но обстановка изменилась, и наступление провести не удалось.

Гитлер потребовал от командующего группы армий «Юг» генерал-фельдмаршала Манштейна перебросить из-под Харькова новые части на Миус, нанести контрудар по советским войскам, отбросить их назад, восстановить положение и закрепиться на Миусе. 28 июля началась переброска танкового корпуса СС в составе дивизий «Мертвая голова», «Рейх» и третьей танковой дивизии. Прибывавшие дивизии сосредоточивались в районе Снежного, Чистяково, Мануйлово и оттуда шли на передовую. На юг была направлена и значительная часть четвертого воздушного флота.

30 июля, собрав мощный кулак танковых сил и пехоты, после артиллерийской и авиационной подготовки при поддержке тяжелой артиллерии, шестиствольных минометов на участке Степановка-Саурмогильский-Елизаветинский противник перешел в наступление. Главный удар наносился на Степановку. Здесь наступало до 100 танков и до дивизии пехоты, на Елизаветинский шло более 20 танков и два батальона пехоты. Наступления поддерживались крупными силами авиации.

С 9 часов войска 5-й ударной армии вели тяжелые бои, отбивая яростные атаки противника. Более 50 «юнкерсов» появилось над позициями 34-й гвардейской стрелковой дивизии, сбросив на них смертоносный груз. С пронзительным воем падали бомбы, от взрывов содрогалась земля. На смену отбомбившимся самолетам появлялась новая группа враже-

ских бомбардировщиков. После налетов пошли в атаку десятки танков, за ними высыпалась пехота, гвардейцы из всех видов оружия отражали атаки, сражались с полным напряжением моральных и физических сил. Стойко и решительно действовали бойцы 84-го артополка, которым командовал полковник Волошин, они меткими выстрелами уничтожали немецкие танки, особенно отличился батарея старшего лейтенанта А. И. Коньшина, орудийный расчет сержанта П.И. Иващенко. В отражении танковых атак участвовали и многие воины из миусского края. Погиб здесь храбрый солдат Павел Боженко из села Куйбышево. От его броска бутылки с зажигательной смесью загорелся немецкий танк. При новом броске пуля попала в бутылку, пламя охватило воина. Павел перед смертью успел схватить бутылку и бросить ее в проходящий танк. Враг не унимался: одна его атака сменялась другой, несколько раз переходили из рук в руки позиции. Противнику удалось прорвать фронт 5-й ударной армии. Ее части отошли на рубеж Мариновки. Весь день шел яростный бой. Бесперывно рвались бомбы и снаряды, свистели осколки, пули, не утихал гул моторов танков и самолетов. И только к глубокой ночи все утихло на переднем крае.

Храбро сражались 30 июля воины 463-го стрелкового полка 118-й стрелковой дивизии. Они отразили в течение дня несколько крупных атак противника. Стойко встретили врага, наступавшего на их позиции, воины стрелковой роты старшего лейтенанта М.И. Почивальнева. Меткий огонь стрелков, пулеметчиков заставил немцев отойти назад, оставив на поле боя убитых. Вскоре показались новые цепи вражеской пехоты. Ранило командира роты.

- У вас серьезное ранение — сказала санинструктор, — надо доставить вас в санбат.

-Это невозможно. Народу в роте осталось мало. Каждый боец на счету. В такой момент командиру роту оставлять нельзя.

Старший лейтенант Почивальнев продолжал руководить боем. Его бойцы уничтожили два взвода пехоты, подбили один танк. Ряды роты совсем поредели, а враг наседал. До последнего дыхания сражался с гитлеровцами командир роты, уничтожив восемь солдат противника. Старший лейтенант Михаил Иванович Почивальнев посмертно был награжден орденом Отечественной войны.

«30 июля, — сообщалось в донесении командования 118-й СД, — наши части вели тяжелые бои с пехотой и танками противника. В 9 часов утра противник произвел артиллерийский налет на боевые порядки, командные пункты полков и дивизий. Артподготовка длилась более часа с одновременным массированным налетом авиации. Затем пошли танки с десантом и пехотой. Бой продолжался весь день до полуночи. Несмотря на внезапность, огромную силу немцев, части дивизии сражались стойко и упорно, отражая танки и пехоту противника» (АМО, ф. 382, оп. 8456, д.42, л. 51).

«На другой день 31 июля контрудар противника повторился с применением еще большего количества танков, пехоты и авиации. За день авиация противника сделала 2000 самолетов-вылетов» (из журнала боевых действий войск Южного фронта 31 июля 1943 года).

31 июля продолжались бои с огромным ожесточением в полосе 5-й ударной армии. Несмотря на большие потери, враг рвался вперед. В атаку немцы бросали по 100-150 танков, до двух полков пехоты.

Упорные бои, сдерживая наступление противника, вела 2-я гвардейская армия. Авиация систематически бомбила ее боевые порядки. В налетах участвовали от 50 до 200 са-

молетов. За день было сброшено 2,5 тысячи фугасных авиабомб. Воины армии вывели из строя свыше 40 танков, убили до 500 солдат и офицеров противника.

Тяжелая обстановка сложилась в 3-й и 33-й гвардейской стрелковых дивизиях. Их командиры генералы К.А. Цаликов и Н.И. Селиверстов, чтобы сдержать натиск танков, пехоты, на борьбу с танками бросали дивизионные и корпусные артиллерийские части. Метко вели огонь по танкам артиллеристы 54-го гвардейского артполка подполковника А.И. Харламова. Танкам противника все же удалось обойти фланги наших частей и окружить дивизии.

Позиции полков подверглись сильному артиллерийскому и минометному обстрелу. В воздухе постоянно находилось по 50 и более бомбардировщиков в сопровождении истребителей. Войдя в пике, под вой сирены, «юнkersы» сбрасывали бомбы на гвардейцев. После налетов в атаку шло много танков. Враг стремился уничтожить окруженные части. В течение суток, находясь в окружении, гвардейцы-сталинградцы мужественно бились с врагом. Своими действиями они сковывали значительные силы противника, чем облегчили положение других частей. В жестоком неравном бою погибло немало бойцов и командиров. Был убит и командир 33-й гвардейской стрелковой дивизии Николай Иванович Селиверстов. Некоторая часть воинов, сражавшихся до последней возможности, была захвачена в плен.

Немецкие части вклинились в расположение и некоторых других наших полков и дивизий. Яростные атаки были предприняты против 127-й стрелковой дивизии. Ее бойцы не раз сходились в штыковую с гитлеровскими солдатами. Артиллеристы 1034-го артполка выкатывали орудия на прямую наводку и били по немецким танкам. Метко пора-

жали бронемашины орудия Петра Коробцева, Леонида Старченко и Ивана Комова.

Координацию действий войск Юго-Западного и Южного фронтов при проведении Донбасской операции осуществлял Маршал Советского Союза А.М. Василевский. Находившийся в то время на Южном фронте, он в ночь на 1 августа 1943 года докладывал Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину:

«В течение дня противник продолжал танковые атаки против 5-й ударной, 2-й гвардейской и 28-й армий. Главный удар силами 23 танковой дивизии, танковых дивизий «Мертвая голова», «Рейх» противник пытался нанести на фронте Цветаева (командующий 5-й ударной армией), встречный удар силами 16 м.д. и частично 17 п.д. на стыке армий Захарова и Герасименко (командующие 2-й и 28-й армиями) вдоль Большого Ольховчика. В атаках принимало участие до 400-500 танков противника. Все танковые атаки сопровождались действиями авиации противника. В результате дневных атак потеряна северо-западная часть Степановки, Захаров, Мало-Петровский, сады южнее Елизаветинского... На всех остальных участках атаки противника благодаря, главным образом, артиллерии отбиты. Наземными войсками подбито и сожжено свыше 50 танков противника».

* * *

В ходе июльских боев ударная группировка Южного фронта понесла значительные потери в людях и технике. Ее поредевшие соединения не смогли отразить начавшееся контрнаступление, выдержать напора танкового тарана, начали постепенно отходить назад к реке Миус. Обстановка для наших войск ухудшилась. В этих условиях командующий фронтом Ф.И. Толбухин принял решение отвести насту-

пающие части на исходные позиции, которые они занимали до 17 июля, за реку Миус. Отход войск прикрывали механизированные и некоторые стрелковые соединения.

4-й гвардейский мехкорпус, выведенный из боя 25 июля и находившийся на восточном берегу р. Миус севернее Куйбышево, получил задачу — прикрыть отход 5-й ударной армии. Его части вновь вышли на западный берег реки Миус и заняли оборону на рубеже Степановка-Мариновка. Боевые порядки корпуса подвергались непрерывной бомбардировке вражеских самолетов. Механизированные бригады в трудных условиях обеспечили отвод войск. Когда общевойсковые соединения армии перешли через боевые порядки корпуса, его части пришли в непосредственное соприкосновение с эсэсовской танковой дивизией. 1 августа в середине дня в районе балки Ольховчик неприятель перешел в атаку. Не успела еще осесть пыль после мощной бомбежки, как показалась лавина немецких танков. Они шли несколькими боевыми курсами, нанося удары по центру и флангам боевых порядков бригад. Противник попытался еще раз окружить корпус за Миусом. Бой длился несколько часов. Уже горели вражеские бронемашины, а враг упрямо лез вперед. Гвардейцы отражали одну за другой атаки. Они сорвали попытку окружить и разгромить корпус. В этом бою было выведено из строя 38 танков противника, сотни гитлеровцев. Потери корпуса составили 36 танков, 2 бронетранспортера, 189 погибших, 360 раненых и 160 пропавших без вести.

После отхода армий фронта за Миус корпус тоже 3 августа сосредоточился на восточном берегу реки.

151-й стрелковой дивизии, находившейся во втором эшелоне, приказано было совершить марш, занять оборону западнее Дмитриевки, пропустить через свои позиции отходившие части из 2-й гвардейской армии и остановить

противника. В ночь на 1 августа дивизия начала передвижение частей к линии фронта.

В районе Дмитриевки Миус течет по каменистому дну, глубина его небольшая, около метра. Пехотинцам переправиться через реку было нетрудно. Они перешли ее вброд. После многочасового изнурительного перехода в очень жаркий день для бойцов было приятным пребывание в течение нескольких минут в прохладной воде. Вечером дивизия заняла оборону в районе балки Герасимова — речки Дубравки. А утром следующего дня противник обрушил массированный огонь артиллерии и минометов по обороне соединения от передовой до тылов полков. Вскоре немецкие танки и пехота пошли в атаку. Началось одно из самых трудных сражений для дивизии, не прекращавшееся ни на час в течение семи дней. Части дивизии «Мертвая голова» и 123-й гренадерский полк 23-й танковой дивизии предприняли яростные атаки, чтобы сбросить дивизию с плацдарма. С каждым днем все ожесточеннее немецкая авиация бомбила подразделения дивизии. Непрерывные бомбежки, ураганный артиллерийский огонь изматывали нервы солдат, особенно молодых — 1925-го года рождения, из пополнения, недавно прибывшего на передовую.

За один день 2 августа семь атак отбили бойцы 633-го стрелкового полка.

Два батальона пехоты противника при поддержке танков атаковали подразделения 581-го стрелкового полка. Стрелковые роты были малочисленными, основная тяжесть при отражении атаки теперь легла на пулеметчиков, артиллеристов и минометчиков. Не умолкал пулемет Василия Жильцова, поливая смертельным огнем гитлеровских солдат. Получив ранение, он в трудный для своих товарищей момент не оставил позиций, продолжал стрелять.

Небольшие вражеские группы просочились в глубь обороны. Наши воины стали вступать с ними в рукопашные схватки, огнем и штыком поражали гитлеровских солдат. Губителен был для немецких танков огонь артиллерии. Минометное подразделение, которым командовал офицер Радченко, метким огнем накрывало цепи наступавших гитлеровцев.

Бой нарастал. Жаркое августовское солнце нещадно палило. От частой непрекращающейся стрельбы и солнечных лучей пулеметы и минометы накалялись так сильно, что нельзя было вести из них огонь. Бойцы носили воду из Миуса и заливали в раскалившиеся минометы. Дорога была неблизкой — метров 300 к реке, а затем те же триста метров с ведром с водой вверх. Пулеметчики, используя запас воды, тоже бежали к Миусу за водой.

Бой длился уже несколько часов, затем постепенно начал стихать. Реже стреляли пулеметы, орудия и минометы, танки, заканчивались патроны и снаряды. Все меньше оставалось людей — солдаты полка майора Бардеева выстояли — плацдарм не сдали. Много гитлеровцев нашли себе здесь могилу, а оставшиеся в живых ретировались назад.

Была еще не одна попытка немцев отвоевать плацдарм у воинов 151-й дивизии, но это им не удалось.

Отводила с занимаемых рубежей назад к Миусу свои соединения и 28-я армия. Полки выходили к балке Дедовой. 118-я стрелковая дивизия сосредоточилась на восточном берегу реки Миус у населенного пункта Мартыновка, 387-я стрелковая дивизия заняла оборону у балки Крутой Яр, в километре восточнее села Крепаки. Отвод 127, 347, 118-й стрелковых дивизий и других частей армий проходил в сложных условиях при непосредственном соприкосновении с противником, массированном воздействии авиации, тем не менее войска сумели оторваться от противни-

ка и 2 августа вывели материальную часть и огневую силу на восточный берег реки Миус. В справке, подписанной командующим армией генерал-лейтенантом Герасименко, членом Военного Совета генерал-майором Мельниковым, начальником штаба генерал-майором Рогачевским, отмечалось, что за время наступательной операции части армии понесли большие потери — до 45 процентов личного состава. Ввиду превосходства противника в силах, армия успеха не имела. Противнику были нанесены большие потери в живой силе и технике.

В воздухе противник был непрерывно активен, днем и ночью действовавший группами по 12-30 и до 100 самолетов. До 700 самолето-вылетов совершала в день вражеская авиация в полосе действия армии. Противнику удалось достичь в основном своей цели, но развить наступление на восточном берегу реки Миус он не смог.

2 августа основные силы ударной группировки фронта отошли назад, на исходные позиции, которые занимали до 17 июля. Об этом в документе штаба фронта записано так:

«Войска фронта в ночь на 2 августа под прикрытием арьергардных частей главными силами 5-й ударной, 2-й гвардейской и 28-й армий провели планомерный отход на восточный берег реки Миус. Авиация проводила массированные налеты. За день сделано 800 самолето-вылетов. Огнем сбито 32 самолета противника».

Как же оценивало главное немецкое командование контрнаступление своих войск, его результаты?

В сообщении от 1 августа указывается, что «севернее Куйбышево наши части, поддержанные силами соединений авиации, перешли в контрнаступление, окружили крупную группировку советских войск и уничтожили ее.

В результате нашей атаки занята новая территория. Штурмом взята большая командная высота (Саур-Могила-прим. авт.). Советы здесь понесли особенно тяжелые потери как в живой силе, так и в материальной части» (из сообщения за 2 августа).

В сводке за 4 августа подводились итоги контрнаступления. В них указывалось: в боях на Миусском участке фронта пехотные и танковые соединения армии и войска СС под командованием генерала Манштейна и генерала от инфантерии Холлидта при поддержке и образцовых действиях воздушных соединений под руководством генерала от авиации Детлоффа разгромили предпринятые здесь крупными силами повторные неприятельские атаки, стремительным контрнаступлением отбросили врага, ворвавшегося в наше расположение севернее Куйбышево.

До 2 августа в этих боях взяты 17895 пленных, захвачено и уничтожено 730 танков. Потери врага убитыми во много раз превышают число пленных.

Позднее немецкий военный историк генерал Типпельскирх об июльских боях на Миусе писал:

«На реке Миус в районе Куйбышево русским удалось глубоко вклиниться в оборону врага, так как вклинение приняло угрожающий характер, командованию группы пришлось бросить на выручку 6-й армии крупные резервы.

30 июля силами трех пехотных, четырех танковых дивизий и одной гренадерской мотострелковой дивизии 6-я армия нанесла контрудар, завершившийся весьма успешно. В ходе ожесточенных трехдневных боев удалось вернуть захваченные русскими рубежи шириной 20 и глубиной 10 километров. 2 августа 6 армия вышла на прежние позиции по реке Миус. Русские понесли тяжелые потери убитыми ранеными, потеряли почти 18 тысяч пленными и большое, количество

техники. Тем не менее, используя крупные силы, они сковали немецкий резерв на участке, который не считали самым решающим (К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 311)».

Что касается сообщения немецкого командования о потерях наших войск, то можно сказать следующее.

Цифры потерь в Великой Отечественной войне не только в годы войны, но и до последнего времени у нас были под запретом. Документы о потерях носили гриф «Совершенно секретно». Они не обнародовались в печати, не публиковались.

Хотя в последние годы с документов о потерях гриф секретно снят, допуск к ним для широкого круга исследователей, историков, ученых по-прежнему сложен. Работники историко-архивного отдела Генерального штаба мало способствуют улучшению дела. В центральном архиве Министерства обороны или, как его сейчас называют, в Главном военном архиве действуют инструкции о порядке работы исследователей над архивными документами воинских частей, соединений более чем двадцатилетней давности, которые ограничивают допуск ко многим документам.

Об освобождении Донбасса, о боях на Миусе, июльском наступлении войск Южного фронта напечатано немало публикаций. Но в них не приводятся данные о потерях наших войск в живой силе и технике.

У нас нет возможности сделать сравнение наших потерь с теми, которые приводит противник. На наш взгляд, в сообщении немецкого командования данные о наших потерях завышены. Хотя действительно был контрудар немцев, и наши войска были оттеснены назад, на прежние позиции, мы в июльской операции понесли тяжёлые потери.

Подсчитать количество пленных точно можно, а число убитых и раненых противнику даже при объективном подходе (вряд ли таким был подход немецкого командования при определении наших потерь) сразу по горячим следам очень сложно. Известно, что на войне каждая сторона стремится выглядеть лучше. Во имя этого многие военачальники прибегали, мягко говоря, к приукрашиванию действительности. В боевых донесениях, реляциях приводили данные именно такие, которые им были более выгодны.

Видимо, не зря говорят в народе: «Нигде столько не врут, как на войне и охоте».

В начале 60-х годов вышли военные мемуары бывшего начальника штаба Южного фронта С.С. Бирюзова «Когда гремели пушки». Касаясь июльских боев, автор писал, что ценою огромных жертв опять удалось противнику остановить наступление наших войск на Миусе... В результате двухнедельных боев... немецкие войска понесли большие потери. Всего было убито и ранено до 35 тысяч гитлеровцев, а также уничтожено несколько сотен танков и штурмовых орудий.

Какие же потери понес в этих боях Южный фронт? Ответа не дается. Об этом сказано в общих выражениях, вроде таких, как «Для войск Южного фронта июльская операция была своего рода генеральной репетицией. Жаль только, что репетиция эта обошлась нам слишком дорого».

Не приходится сомневаться в том, что начальнику штаба фронта (кому во время боев поступали все сведения из соединений армий, в том числе и о понесенных потерях), а затем с 1955 года заместителю министра обороны, с 1963-го начальнику Генерального штаба Вооруженных Сил страны Маршалу Советского Союза (звание присвоено ему в 1955 году) все было известно о наших потерях в июльской опера-

ции. Высокое положение маршала С.С.Бирюзова в обществе и в армии позволяло ему в книге назвать конкретные цифры потерь. Этого не случилось. Эти цифры, по всей вероятности, не украшали проведенную операцию.

У нас нет полных сведений о боевых потерях ударной группировки фронта. В этих заметках уже приводились некоторые данные, назовем новые.

«За 17-18 июля 1607 убито, ранено 4231 человек. С 17 по 21 июля потери составляли убитыми 2846, ранеными 11139, всего с 17 по 28 июля убиты 4325, ранены 15816 солдат и офицеров» (сведения о потерях и трофеях войск 5-й ударной армии).

Отражая вражеские атаки, соединения армии понесли урон и в последующих боях, при их отводе на прежние позиции. Некоторые стрелковые части потеряли половину и более своего личного состава. 40-я стрелковая дивизия, вступая в бой 17 июля, имела 7634 воина, а когда вышла из боя в начале августа, насчитывала 2994. Потери составили убитыми, ранеными, пропавшими без вести 4640 человек.

«18 июля-4 августа 43-го года корпус вел наступательные бои в районе Гораны-Саур-Могила-Калиновка-Мариновка. Прикрывал отход группировки наших войск с мисского плацдарма. За время боев корпус понес потери: 73 танка, убитыми, ранеными и пропавшими без вести 5400 человек». (Из справки 4-го гвардейского механизированного корпуса, АМО, ф. 3430, о. 1, д. 15, л. 41.)

По неполным данным, около 6000 убитыми и ранеными потерял 2-й гвардейский механизированный корпус, до 20 тысяч человек составили потери в стрелковых соединениях 2-й гвардейской армии. В наступательных боях участвовали и отдельные соединения 51-й и 44-й армий, части фронтового подчинения, которые также имели потери в людях.

Войскам Южного фронта в июльской операции не удалось прорвать оборону противника на Миусе и пробиться в центр Донбасса. Несмотря на неудачу, цель ее в значительной степени была достигнута. Войска фронта своими активными действиями сковали большую группировку врага в Донбассе, не дали возможности за счет нее усилить свои войска на Курском направлении. Гитлеровское командование не только не смогло снять ни одной дивизии с «Миус-фронта» для отправки под Курск, а наоборот, вынуждено было снимать с других фронтов танковые и пехотные дивизии, значительные силы авиации, чтобы не допустить прорыва миусского рубежа, удержать Донбасс.

Войска Южного фронта оттянули на себя значительные вражеские силы и тем самым оказали помощь нашим фронтам в завоевании победы в битве на Курской дуге.

Июльские бои показали, что на реке Миус неприступной обороны у немцев нет, вселили воинам Красной Армии веру в то, что она будет сокрушена, немецкие же солдаты потеряли веру в незыблемость своего миусского рубежа.

Военный Совет Южного фронта результатом июльской операции был недоволен. Войска, казалось, были близки к цели, прорвали «Миус-фронт» севернее Куйбышево, но отступили.

Командование фронта причины неудачи видело прежде всего в нерешительности войск второго эшелона 2-й гвардейской армии, хотя и признавало ввод в бой второго эшелона несколько поспешным. Но были и другие причины.

Несмотря на все предосторожности, противник о готовящемся наступлении Красной Армии знал. Времени на подготовку к наступлению и передислокацию войск к фронту (подвоз большого количества боеприпасов, горючего, продовольствия, других материалов для обеспечения насту-

пательной операции) было очень мало. Движение по дорогам к фронту большого количества войск, автомобильного транспорта не осталось не замеченным противником. Поэтому внезапности нападения не получилось.

Захваченные в плен немецкие офицеры на допросах показали, что они знали о предстоящем нашем наступлении за несколько дней до его начала. Немецкое командование приняло необходимые меры, заранее подбросило новые силы. Это позволило противнику оказать в самом начале боевых действий сильное сопротивление.

В артиллерийской подготовке, в обработке западного берега Миус участвовало большое количество орудий и минометов. Однако не везде огонь артиллерии был высокоэффективным. Нередко стрельба велась по площадям, а не по конкретным целям, вследствие чего на отдельных участках остались неподавленными огневые средства врага.

Воины 347-й стрелковой дивизии, наносившие удар севернее Петрополя, захватили первую и вторую траншеи противника, но им преградил путь сильный огонь из дотов, оказавшихся неразрушенными. Стрелкам пришлось приложить немало усилий, чтобы уничтожить огневые точки врага.

Отдельные танковые и общевойсковые командиры не обеспечили четкого взаимодействия танков и пехоты в бою.

Допускались как поспешность, так и запаздывание при вводе в бой танков, и без знания противотанковой обороны противника.

6-й гвардейской танковой бригаде полковника В.С. Жидкова была поставлена задача совместно с 302-й стрелковой дивизией прорвать немецкую оборону на реке Миус в районе Штеровки, на участке балка Редкая-совхоз «Петровский». После артподготовки танки бригады с десантом пошли в

наступление. Танковые роты 1-го батальона, которым командовал гвардии капитан М.И. Середа, смяли боевое охранение немцев и устремились вперед. При подходе к переднему краю на минном поле подорвался танк «КВ» лейтенанта Б.Ф. Вайнярра. Затем на мину наскочили танки лейтенантов В.М. Губарева и М.Я. Гайсина. Губарев и один член экипажа получили тяжелые ранения, их отправили в медсанбат. Экипаж Гайсина остался в подбитом танке, вел стрельбу по огневым точкам, мешавшим продвижению наших полков.

При попытке обойти минное поле наши танки попали под сильный артиллерийский огонь противника. В первый день наступления бригада потеряла 28 танков, из них подорвалось на минах 24. В течение трех дней подразделения бригады и стрелковые части атаковали передний край обороны немцев — везде встречали минные поля. С 17 по 21 июля безвозвратно в бригаде потеряно 15 танков, 35 машин подорвалось на минах.

Противник в июле оказался сильнее нас. «Миус-фронт» трещал, но удержался. Не надолго. Штурм «Миус-фронта» нам пришлось еще раз повторить.

ПАДЕНИЕ «МИУС-ФРОНТА»

Немецкие войска потерпели сокрушительное поражение на Курской дуге. Они отступали под ударами наших войск. Освободив Белгород, Красная Армия успешно продвигалась к Харькову. Обстановка для нас сложилась благоприятная. Воспользовавшись ею, советское командование решило незамедлительно расширить наступление на юго-западном направлении.

Южному и Юго-Западному фронтам было приказано подготовить новую наступательную операцию с целью освобождения Донбасса от немецких захватчиков и в дальнейшем выхода в район Запорожья и низовья Днепра.

Южному фронту ставилась задача прорвать оборону противника на рубеже реки Миус, перейти в решительное наступление, уничтожить его Таганрогскую группировку, дальше выдвинуться на рубеж реки Еланчик и нанести удар на Сталино (Донецк) и во взаимодействии с войсками Юго-Западного фронта разгромить Донбасскую группировку немцев и овладеть районом Красный Луч, Горловка, Сталино. На подготовку к наступлению отводилось 12 дней.

В частях началась напряженная работа — готовились к предстоящей операции. Полки и дивизии пополнялись личным составом и вооружением. В механизированных корпусах, танковых бригадах и полках восстанавливались выведенные с поля боя подбитые танки. В четвертом гвардейском механизированном корпусе нужно было в считанные дни отремонтировать, поставить в строй 85 таких танков.

12 августа командующего фронтом Ф.И. Толбухина и начальника штаба С.С. Бирюзова принял в Ставке Верховного Главнокомандования И.В.Сталин. Они доложили ему как спланирована фронтовая наступательная

операция. В рассмотрении плана участвовал и первый заместитель начальника Генерального штаба, но фактически исполняющий обязанности начальника штаба генерал-полковник Алексей Иннокентьевич Антонов (назначенный на этот пост Маршал Советского Союза А.М. Василевский в качестве представителя ставки ВГК большую часть времени проводил в действующей армии, на фронтах. В Москву приезжал на несколько дней лишь по вызову Сталина. За весь 1943 год Василевский в общей сложности провел в Москве менее двух месяцев).

Сталин докладчикам задавал вопросы, уточняя отдельные детали проведения операции. Выслушав доклады Толбухина и Бирюзова, Верховный попросил Антонова высказать свое мнение по плану. Антонов существенных замечаний не сделал, сказал, что операция командованием фронта спланирована грамотно, надо полагать, она будет удачно проведена. План Ставка утвердила.

По прибытии из Москвы командующий фронтом собрал совещание руководящего состава общевойсковых армий, корпусов и частей фронтового подчинения. Ф.И. Толбухин проинформировал о положении на советско-германском фронте, поставил задачи, которые предстояло решить войскам в наступательной операции.

Несмотря на то, что июльская операция Южного фронта в целом получила положительную оценку, Ф.И. Толбухин, исключительно требовательный к себе, отличавшийся безупречным выполнением служебного долга, сильно переживал неудавшуюся попытку прорыва «Миус-фронта». Он напомнил военачальникам об упущениях июльской операции, в частности, в действиях артиллерии. Артиллерия, подчеркнул командующий, должна решительно подавить огневые средства противника, расчистить дорогу для пехоты и танков

через миусские укрепления. Прорыв обороны нужно осуществить как можно меньшей кровью.

Стрелковые соединения общевойсковых армий фронта к началу наступления не были полностью укомплектованы личным составом. В короткий срок после июльских боев это не удалось сделать, но армии, особенно те, которые наносили главный удар при прорыве обороны, усиливались новыми частями и соединениями. В состав 2-й гвардейской армии вошла 2-я гвардейская артиллерийская дивизия, истребительно-противотанковые и минометные полки.

13 августа в распоряжение командующего этой армией поступил сформированный 62-й отдельный гвардейский тяжелый танковый полк прорыва. Он имел до 25 тяжелых танков «КВ».

Для усиления фронта в его состав вошел 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус под командованием опытного кавалериста, ветерана Первой Конной армии генерал-лейтенанта Николая Яковлевича Кириченко. Для развития наступления после прорыва обороны Ставка выделила Южному фронту 11-й танковый и 5-й гвардейский Донской кавалерийский корпуса.

2-й и 4-й гвардейские механизированные корпуса насчитывали несколько меньше танков, чем перед началом июльского наступления, но в целом механизированные и танковые соединения представляли внушительную силу

Войска фронта имели значительное превосходство над противником в людях и вооружении. На направлении главного удара — участке прорыва от Дмитриевки до Петрополя шириной в 25 километров — было обеспечено превосходство в живой силе в 4, в артиллерии и танках — в 6 раз. Здесь сосредоточились 23 стрелковые дивизии из 28 имевшихся в составе фронта. Основная роль в прорыве

обороны противника на Миусе возлагалась на 5-ю ударную, 2-ю гвардейскую и 28-ю армии. Они наносили главный удар между Дмитриевкой и Петрополем.

5-я ударная армия имела задачу прорвать оборону неприятеля севернее Куйбышево на участке Дмитриевка-Крепаки шириной 13,5 км и выйти на рубеж Степановка-Амвросиевка-Кутейниково. В армии насчитывалось до 100 танков.

2-й гвардейской армии предстояло прорвать оборону южнее Куйбышево на фронте 9 километров и в дальнейшем наступать на Колпаковку и к концу пятого дня операции выйти на рубеж реки Кальмиус с 65-70 километров западнее реки Миус. Армия имела 230 танков.

Еще южнее, в районе Петрополя, наступала 28-я армия, имея задачу — прорвать оборону на 2,5-километровом участке и наступать в направлении Анастасиевки, Федоровки. Во взаимодействии со 2-й гвардейской армией и 4-ым гвардейским корпусом завершить окружение и уничтожение таганрогской группировки. В танковой бригаде армии было до 50 машин.

Планом наступательной операции предусматривалось создание фронтовой конно-механизированной группы в составе 4-го гвардейского кавалерийского, 4-го механизированного корпусов. Командование этой группой было возложено на командира 4-го кавкорпуса генерал-лейтенанта Н.Я. Кириченко. Группа имела задачу выйти в прорыв, стремительным ударом разгромить ближайшие тылы врага, отрезать таганрогскую группировку и совместно с другими армиями уничтожить ее.

17 августа закончилась подготовка к прорыву. Войска заняли исходное положение на реке Миус для наступления. Саперы, воспользовавшись темнотой, в течение ночи подползали к проволочным заграждениям противника,

ножницами разрезали колючую проволоку, разминировали минные поля, делали в них проходы. У орудий, готовые в любую минуту по команде открыть огонь, сидели артиллеристы, связисты проверяли телефонные линии. Экипажи танков в последний раз осматривали материальную часть, устраняли малейшие неисправности. Стрелки, пулеметчики и автоматчики готовились к броску.

Все — и рядовые, и офицеры, и генералы — находились в ожидании, в последние часы и минуты перед боем испытывали чувство напряжения и тревоги. Все ждали сигнала к штурму.

И вот наступило 18 августа. В 6 часов 00 минут началась небывалая еще здесь по своей мощности артподготовка. Она продолжалась 1 час 15 минут. Снова над Миусом загремела артиллерия. Более 5000 орудий и минометов ударило по укрывшимся в дзотах, блиндажах и траншеях вражеским солдатам. В сплошном сильном, похожем на раскаты грома, долго не умолкавшем гуле выделялись мощные залпы с надрывным воем гвардейских минометов «катюш». К артподготовке привлекались 6 полков М-11 «катюш» и 13-я гвардейская реактивная бригада, способная за один залп, за 8-10 секунд, из своих установок послать 2304 мощных 300-миллиметровых снарядов весом 98 килограммов каждый.

Активно действовала авиация. Следовал один налет за другим штурмовиков и бомбардировщиков на боевые порядки врага. Непрерывно рвались снаряды, мины, бомбы. На всем переднем крае противника стояли стена черного дыма и пепла, сплошной непроницаемый мрак.

...Артиллерия перенесла огонь в глубину обороны врага, гром разрывов снарядов удалялся, и в это время за огненным валом части и соединения перешли в наступление.

Гвардейцы 34-й гвардейской стрелковой дивизии, действовавшие южнее Куйбышево, с дружным криком «Ура!» рванулись в атаку, стремительным броском преодолели нейтральную полосу, ворвались в первую траншею неприятеля. Не выдержав гвардейского удара, немцы начали отступать, но их настигали выстрелы пулеметчиков, автоматчиков и артиллерии. В течение двух часов полки дивизии при поддержке танкистов и летчиков захватили две первые линии обороны врага и к исходу дня вышли на рубеж Мартыновка-Елизаветинский поселок. Захвачены первые пленные. Это были фрицы старшего возраста — 45-50 лет. По их рассказам, немцы несли большие потери.

Пленный, рядовой Иосиф Ульбрихт сказал:

- До боя в нашей роте было 90 человек, к тому времени, когда меня взяли в плен, осталось 40, а когда оглянувшись на своих товарищей, то насчитал всего 6. Вот мы здесь и все.

Успешно начали наступление части 50-й и 54-й гвардейских стрелковых дивизий. Они сумели прорвать долговременную оборону противника и продвинуться вперед на 5-6 километров и к исходу дня захватить третью позицию обороны.

Село Русское расположено в ложине на правом крутом берегу реки Миус. Оттуда, с замиусских высот, противник на многие километры просматривал нашу оборону. Здесь он подготовил крепкую оборону в несколько линий, с системой траншей, дотов и дзотов, насыщенную орудиями, минометами и минными полями. 62-му отдельному гвардейскому тяжелому танковому полку прорыва, которым командовал гвардии подполковник М.М. Анисимов, во взаимодействии с частями 3-й гвардейской стрелковой ди-

визии предстояло прорвать оборону на участке Русское-Берестово и наступать в направлении села Успенское.

18 августа утром, как только шквал огня передвинулся в глубь обороны, раздалась команда «По машинам!» и танковые роты полка из выжидательного района возле села Русское пошли в бой, ворвались в расположение противника. Танкисты утюжили окопы, выстрелами из пушек и пулеметов разрушали блиндажи, уничтожали огневые средства, прокладывая путь пехоте.

Танк «КВ» лейтенанта Ивана Комова вырвался вперед. На пути показались две вражеские пушки. Механик-водитель Николай Шустов, умело маневрируя своей машиной, раздавил оба орудия, уничтожил расчет. Точным выстрелом командир орудия Иван Власов разбил тягач. Танк, ведя огонь на ходу, продвигался дальше.

Вдруг один за другим последовали удары вражеских снарядов по танку. Машина завертелась и остановилась. Танк подбили. Захватив автоматы, боеприпасы и гранаты, экипаж быстро покинул танк и залег в окопе. Экипаж оторвался от танков, с которыми действовал, и оказался в окружении. Рядом с окопом стояли немецкие пушки. Они были исправными. Лейтенант Комов из экипажа танка создал 2 расчета. Зарядив орудия, танкисты приготовились к бою, решили сражаться до последней возможности.

Вскоре появились четыре танка и один броневик противника. Они шли медленно, из башен виднелись головы наблюдателей, на головном танке сидели автоматчики. Вот уже машины приблизились на 100-150 метров, грянули орудийные выстрелы, один танк остановился, другой загорелся. Немецкие танкисты, не ожидавшие выстрелов из своих пушек, оказались в замешательстве. Выведены из строя еще две машины противника.

Немцы окружили наших танкистов, завязался бой. В это время пришла на помощь из полка группа автоматчиков во главе с комсоргом А.И. Богуславским. Несколько часов длился бой. Немцы отступили. Танкисты были спасены. Захватив в плен 10 немецких солдат, наши воины вернулись в расположение своей части. Членов танкового экипажа и отличившихся в бою автоматчиков представили к наградам. Лейтенанта Ивана Ивановича Комова наградили орденом Красного Знамени.

Танкисты и пехотинцы в первый день наступления овладели первой линией обороны противника. Дальнейшее продвижение противник приостановил. Четыре дня гвардейцы-танкисты вели напряженные бои, пока сломили сопротивление врага и пробились к селу Успенское и овладели им. Противник потерял много солдат и техники.

13 тяжелых танков было подбито в полку. Экипажи с ремонтной бригадой быстро восстанавливали машины, и они снова шли в бой.

Стремительно атаковали противника полки 49-й гвардейской стрелковой дивизии 2-й гвардейской армии, переправившиеся через Миус. Они завязали бой и потеснили неприятеля. Дальше наступление замедлилось. Сильный артиллерийский огонь, воздействие вражеской авиации сдерживали продвижение наших воинов. Гитлеровские солдаты сопротивлялись отчаянно, дрались с упорством обреченных. Но тщетно. Наши воины шаг за шагом прогрызали оборону врага.

Командующий 2-й гвардейской армией генерал-лейтенант Захаров со своего наблюдательного пункта, построенного саперами на высоте севернее села Русское, наблюдал за ходом боя, действиями своих полков и дивизий. Иногда он радовался за успехи одних и огорчался за неудачи других,

выражая неудовлетворенность работой артиллерии, требовал от командующего артиллерией армии генерал-майора И.С. Стрельбицкого усилить артогонь.

Хотя и был выскоч наступательный порыв воинов, армия в течение 18 августа прорвать оборону врага не смогла и задачу, поставленную перед ней, не выполнила. Ее дивизии продвинулись вглубь лишь на 1-3 километра.

Другие части 2-й гвардейской армии 18 августа вели бои на рубеже южная окраина Куйбышево — балка Холодная (2 км северо-западнее Берестово), 2 км севернее Петрополя.

Несмотря на мощное артиллерийское наступление и напористость воинов, не смогла продвинуться вперед 28-я армия (командующий генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко). В ее полосе оказалось наибольшее количество дотов, дзотов. Многие из них артоподготовкой не были разрушены.

Успешнее развивалось наступление в правофланговой 5-й ударной армии генерал-лейтенанта В.Д. Цветаева, наступавшей на Колпаковку и Калиновку. Здесь эффективность артиллерийской подготовки оказалось высокой, несмотря на меньшую плотность артиллерии — до 100 орудий на километр фронта. Во 2-й гвардейской и 28-й армиях они достигали 200 стволов, активнее здесь действовали и летчики 8 воздушной армии.

За первый день наступления войска 5-й ударной армии на участке Дмитриевка-Куйбышево расширили фронт прорыва обороны противника на 16 километров и продвинулись вглубь ее на 10 километров. Противник понес значительные потери. 1030 солдат было убито, 129 взято в плен.

В первый день наступления ударная группировка Южного фронта нанесла сильный удар по врагу. Форсировав Миус, войска прорвали первую линию его обороны широкой по-

лосой, взяли несколько населенных пунктов — крупные узлы сопротивления противника — Мариновку, Калиновку, Мало-Петровку, Елизаветинский и другие. Успех обозначился прежде всего на участке 5-й ударной армии. Здесь наносился удар на наиболее широком участке и была преодолена главная оборонительная полоса. Воины проявили высокий наступательный порыв, стремление сокрушить «Миус-фронт» и освободить Донбасс.

Вместе с тем командование фронтом не было удовлетворено итогами первого дня боев. Не все части выполнили поставленные перед ними задачи, сумели преодолеть оборону противника. Допускалось запаздывание с введением в бой подвижных частей.

Недоволен был действиями некоторых военачальников командующий фронтом генерал Толбухин. Он потребовал от них повысить свою ответственность за выполнение боевых приказов, сделал им, невзирая на ранги и заслуги, серьезные предупреждения. Вот одно из них:

«Командиру 4-го гвардейского механизированного корпуса (командовал корпусом генерал Танасчишин Т.И.).

«Вы не выполнили приказ о действиях после 18.30 18 августа, не вошли в прорыв, безо всяких оснований требовали пикирующих бомбардировщиков, не думая об интересах Родины. По какой причине не используется благоприятное время для занятия западного берега реки Крынка? Или вы ждете, пока противник укрепит оборону?

Если к утру 19 августа не выйдете на западный берег реки, то будет доведено до сведения Народного комиссара обороны о вашей нерешительности и невозможности командовать корпусом.

19.08. Толбухин. Гуров. Бирюзов».

«Поставленная перед вами задача не выполнена, - указывалось в радиোগрамме фронта командующему 2-й гвардейской армией. -Приказываю: с 2-00 19 августа ночной атакой овладеть Ново-Бахмутским, Мариенгейм, Густофельд, к исходу дня овладеть западным берегом р. Крынка и частью сил уничтожить противника в районе Ольховчик, Ново-Ольховчик».

Командующему 28-й армией тоже было сделано напоминание о том, что не была выполнена задача, поставленная перед армией на 18 августа, и потребовано от него во взаимодействии с частями 2-й гвардейской армии решительными действиями с 5-00 19.08 уничтожить противника и к исходу дня 19 августа выйти на западный берег реки Крынка.

В штабе фронта подвели итоги потерь. За 18 августа войска потеряли убитыми 1427 человек и ранеными 4124 человека, 30 танков. 8-я воздушная армия в течение ночи 18 августа 69 самолетами произвела 438 самолето-вылетов. Днем 367 самолетов (180 штурмовиков, 122 истребителя, 65 бомбардировщиков) произвели 919 самолето-вылетов. В воздушных боях было сбито 14 самолетов противника, своих потерь 13 самолетов.

На второй день наступления войска фронта теснили противника. Он упорно сопротивлялся, шли ожесточенные бои. 19 августа, выполняя приказ командующего фронтом, 4-й гвардейский мехкорпус в полосе 5-й ударной армии вышел в прорыв. Ночным ударом он смял оборонявшиеся подразделения противника и к утру передовыми частями вышел к реке Крынка, продвинувшись более чем на 20 километров. На правом берегу реки проходила вторая полоса обороны неприятеля. С ходу ее частям корпуса преодолеть не удалось. Весь день корпус вел тяжелые бои в районе Надежда, Калиновка, Алексеевка. 5-я ударная армия, развивая и закрепляя

успех корпуса, продвинулась на второй день на 9-10 километров.

19 августа командующий 2-й гвардейской армией ввел в бой свой второй эшелон — 2-й гвардейский корпус генерала Свиридова. Танковые и стрелковые соединения армии, преодолевая сильное сопротивление, в течение дня продвинулись еще вперед на 3-5 километров. После двухчасового ожесточенного боя танковый батальон и гвардейцы 24-й стрелковой дивизии выбили врага из хутора Ново-Бахмутского — опорного пункта на второй линии обороны. В боях за этот хутор было истреблено до 200 гитлеровских солдат. Наши части также овладели хутором Скелянским.

28-я армия к исходу дня 19 августа овладела селом Петрополье.

Войска фронта 19 августа заняли 12 населенных пунктов. За день потери войск фронта составили убитыми 1041 и ранеными и пропавшими без вести 4024 человека, 50 танков и 17 самолетов.

«ЧЕРНЫЙ ВОРОН»

28-я армия прорывала сильно укрепленную оборону противника севернее Петрополя на узком участке шириной в 2,5 км. Поэтому командарм решил перейти в наступление силами одной стрелковой дивизии, усиленной танками и артиллерией. Остальные соединения армии находились во втором эшелоне, были в готовности развить успех. Для артподготовки применялась артиллерия всех соединений армии. На участке прорыва была создана высокая артиллерийская плотность — до 200 орудий на один километр фронта.

Воинам 248-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник Н.З. Галай, выпала доля быть в рядах атакующих, прорвать оборону врага, овладеть важным опорным пунктом селом Петрополье и высотой с отметкой 124,0, прозванной воинами «Черным вороном». Эта высота господствовала над местностью - была ключевой позицией в обороне врага на этом участке. Взятие высоты разрывало всю систему обороны: не зря она так сильно укреплялась.

248-я СД на Миус пришла с боями в феврале 1943 года. Ее путь пролегал от Астрахани через калмыцкие и сальские степи. Дивизия участвовала в освобождении столицы Калмыкии Элисты, Зернограда, Батайска, Ростова-на-Дону. С февраля стояла в обороне в районе Петрополье-Ясиновский. Отсюда ее воины 18 августа пошли в наступление.

В 6.00 небо озарилось серией зеленых ракет. Через мгновение тишину фронтового рассвета нарушили раскаты артиллерийского грома, вступали в бой все новые и новые орудия и минометы. Почти два часа орудия били по обороне противника. Бомбардировщики наносили бомбовые удары. Над правым берегом Миуса образовалась серая завеса, из пыли

и дыма. Поднимались в воздух фонтаны выброшенной земли вместе с обломками блиндажей, дзотов и их обитателями.

Наши штурмовики, войдя в пике, снижались почти до самых вражеских траншей, обстреливали их, затем с ревом набирали высоту.

Раздалась команда: «В атаку, вперед!» — и голоса командиров были подхвачены многоголосым «Ура!». Пехота поднялась и бросилась в атаку, быстро переправившись через Миус, завязала бой за первую линию обороны. Казалось, что после такой мощной артподготовки на переднем крае немцев в живых никого не осталось. Но оживали огневые точки, бешено строчили пулеметы, в цепях наступающих густо рвались мины и снаряды. Из глубины обороны била дальнобойная артиллерия. Наши бойцы вынуждены были зарываться в землю или ползти назад. Стало очевидным, что во время артподготовки не были полностью подавлены вражеская артиллерия, разрушены доты и дзоты, а многим немецким солдатам удалось спастись, перебежав из первой траншеи во вторую, а затем вернуться назад, когда наша артиллерия перенесла огонь дальше, в глубь обороны врага.

Весь день шел упорный бой. Несколько раз полки дивизии ходили в атаку, но безуспешно, прорвать оборону противника не удалось. 902-й и 899-й стрелковые полки за день продвинулись всего на 300-400 метров.

Вечером командир дивизии собрал на своем командном пункте командиров частей, начальствующий состав дивизии. Полковник Галай был строгим, волевым и опытным командиром. Он прошел все ступени — от солдата до командира дивизии — досконально знал военную службу, строго взыскивал с командиров за каждое упущение. Не ждали они сочувствия и сегодня. Комдив конкретно никого не упрекнул за первый боевой день, лишь заметил: «Плохо мы

сегодня продвигались. Завтра ситуацию надо переломить. Я надеюсь, нам это удастся».

Комдив поставил задачу на 19 августа — 902-му и 905-му полкам взять высоту «Черный ворон», сообщил, что по решению командарма перед наступлением утром будет проведена новая артподготовка.

Командир 902-го стрелкового полка майор Арефьев был озабочен предстоящим боем. Его волновал вопрос: не потеряли ли наступательного духа бойцы, пойдут ли они завтра в бой с такой же энергией и решительностью. Развевал сомнения лейтенант Г.П. Эрайзер, заместитель командира 1-го батальона по политчасти. Он доложил, что настроение бойцов и офицеров боевое, получил от них 18 новых заявлений с просьбой принять в партию.

Ранним утром 19 августа снова заговорила артиллерия. Сотни орудий в течение 30 минут били по позициям противника. Причем многие орудия стреляли прямо с переднего края. Сюда за ночь была подтянута вся полковая артиллерия и приданная дивизии. Ошутимые удары по наземным целям нанесли наши штурмовики и бомбардировщики, сопровождаемые истребителями. После артподготовки все три полка пошли в наступление. В боевые порядки взводов и рот пришли командиры и политработники и вместе с бойцами поднялись в атаку и бежали вперед, воодушевляя своим примером солдат.

Не выдержали нашего штурма немецкие солдаты. На всей полосе наступления дивизии они, неся потери, начали отступать. Воины завладели первой траншеей противника.

Враг попытался остановить наступающих, а затем и отбросить их назад. Немецкие танки с пехотой пошли в атаку. Воины дивизии при поддержке артиллерии и танков отразили ее, разя врага штыком, пулей и гранатами,

пехотинцы прокладывали путь вперед, оттеснили гитлеровских солдат ко второй траншее, а затем в ходе короткого жаркого боя, переходящего в рукопашные схватки, выбили неприятеля и из второй траншеи.

Немецкое командование подтянуло свежие силы и попыталось вернуть утраченные позиции. Пехотный батальон при поддержке 12 танков контратаковал подразделения 899-го стрелкового полка, пытаясь его окружить и уничтожить.

В трудном положении оказался третий батальон этого полка капитана А.И. Байбакова. Немцам удалось выйти во фланг и тыл батальона. Бойцы дрались с невиданным упорством. Они подбили два танка, уничтожили десятки немецких солдат, но сдержать натиск врага не смогли. За два дня кровопролитных боев ряды стрелковых рот батальона сильно поредели, закончились снаряды, гранаты, на учете каждый патрон. Несколько немецких танков с пехотой прорвались к командному пункту батальона. Напрягая все силы, бойцы отбивали атаки немцев. Враг имел численное превосходство в живой силе и, используя танки, потеснил батальон. Только подоспевшие на помощь другие подразделения полка под командованием майора Фурманова — танковый батальон 33-й танковой бригады — приостановили продвижение противника, а затем вынудили его отступить. Преследуя врага, полк овладел населенным пунктом Майндорф. На участке наступления поле было устлано множеством трупов фашистских солдат и офицеров. Всюду стояли сожженные и подбитые танки, брошенные врагом пушки, минометы.

Много пало в бою и наших славных воинов. В третьем батальоне 899-го стрелкового полка потери состави-

ли убитыми 98 человек, ранеными 239. Погиб и командир батальона капитан Александр Иванович Байбаков из г. Ревда Свердловской области. Ему было 28 лет. Его батальон одним из первых форсировал Миус. За два дня боев отразил 10 контратак пехоты и танков противника, нанес большие потери врагу. В последней схватке с прорвавшимися немецкими солдатами на позиции батальона капитан Байбаков лично уничтожил 5 солдат и двоих офицеров. А.И. Байбаков посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

В то время как 899-й стрелковый полк отражал контратаки противника, 902-й и 905-й полки вели тяжелые, упорные бои в районе Петрополя и высоты «Черный ворон». Эта высота была чрезвычайно насыщена противотанковыми средствами, пулеметами, орудиями. Здесь были доты, зарытые в землю бронеколпаки, оборудованные гнезда для тяжелых пулеметов. Высота была опоясана в три-четыре ряда проволочными ограждениями. По всему крутому склону имелось три линии траншей. Заминированные подступы к высоте сильно обстреливались.

Во второй половине дня 19 августа полки подошли к высоте «Черный ворон», после артиллерийской и минометной обработки начался ее штурм.

В 902-ом стрелковом полку саперы под командованием старшего сержанта Виктора Поликарпова проделали проходы в минных полях. Туда устремились автоматчики старшего лейтенанта Ключко, стрелки 8-й роты старшего лейтенанта Нечаева, на штурм повели свои отделения сержанты Александр Курин, Алексей Педан, Александр Новиков. На пехоту обрушился ливень вражеского огня. Артиллеристы выкатывали орудия и прямой наводкой подавляли ожившие огневые точки. Минометчики, которых в любой момент мог-

ли поразить осколки рвущихся снарядов на их огневых позициях, оставались на своих местах, посылая мины на высоту.

Преодолевая сильный огонь противника, войска метр за метром продвигались вперед. Вражеские доты поливали стрелковые цепи пулеметным огнем. Головы не поднять. Воины восьмой роты залегли. Под яростный огонь попал и пулеметчик Абдулла Салимов. Рядом с ним упал смертельно раненный помощник командира взвода Иван Прокопенко. Из запекшихся губ еле улавливались слова:

- Салимов! Надо дзот уничтожить. Только вперед!

- Я сделаю это, командир, — сказал Салимов.

Взяв несколько гранат, он пополз к дзоту. Приблизившись почти вплотную к нему, метнул гранату, другую. Пулемет продолжал стрелять, тогда Салимов грудью закрыл амбразуру. Бойцы снова поднялись на штурм высоты.

Такой же героический подвиг совершил в этом бою старший сержант, помощник командира взвода, парторг 3-й роты 1-го батальона 905-го стрелкового полка 248-й стрелковой дивизии Павел Пудовкин.

...Бой был трудным, шел уже несколько часов. Гитлеровцы упорно отстаивали высоту, засевшие в дотах, дзотах, блиндажах и траншеях, они яростно отстреливались из всех видов оружия. Наши отважные воины под лай автоматных и пулеметных очередей, беря каждый метр с боем, продвигались вперед. Немцы переходили в контратаки. Подразделения 905-го стрелкового полка их отбивали, нанося потери противнику.

...Бойцы третьей роты снова поднялись в атаку. Преодолев 15-20 метров, залегли. С высоты из дзота бешено бил пулемет. Казалось, нет никакой возможности отнять бойцов от земли. Но парторг роты Павел Пудовкин нашел в себе силы, он пополз к пулемету. За ним солдаты Гогладзе и

Иванов. Когда до дзота оставалось 10-15 метров, они стали забрасывать его гранатами. Вражеские пули сразили Гогладзе и Иванова. Павел Пудовкин бросился вперед, швырнул еще гранату и своим телом упал на амбразуру. Пулемет смолк. Рота ворвалась в траншею противника. Шли наши танки, за ними бежали автоматчики. «Тридцатьчетверка» поднялась на гребень высоты, за ней другая. Немецкие солдаты дрогнули, трусливо бежали. Их догоняли выстрелы наших воинов. После 8-часового боя «Черный ворон» был взят. Немцы потеряли здесь сотни убитых. Над высотой взвилось красное знамя, врученное дивизии астраханцами при отправке ее на фронт.

В боях за село Петрополье и высоту «Черный ворон» отличились стрелки и пулеметчики, артиллеристы и танкисты, все, кто в них участвовал. Наводчик Владимир Иванович Чепусов из орудия уничтожил два дзота, 7 огневых точек. Был ранен, но не покинул боя. За отвагу В.И. Чепусов был награжден орденом Красного Знамени.

Отважно действовал командир отделения сержант Алексей Педан. Он ворвался в траншею, в рукопашном бою уничтожил пулемет и из автомата убил 12 немецких солдат. Воины подразделения лейтенанта А.И. Расторгуева истребили 60 и взяли в плен 25 вражеских солдат. За умелое руководство боем и личную отвагу в боях за Подгорный, Петрополье командир роты лейтенант Таисов Александр Николаевич награжден орденом Александра Невского.

Высокой награды — ордена Отечественной войны II степени удостоился и наш земляк — житель Матвеева Кургана артиллерист лейтенант Иван Яковлевич Страшевский. Его взвод поддерживал пехоту огнем и колесами, выкатив орудия на прямую наводку, подбил два немецких танка.

Вражеские автоматчики перешли в контратаку и прорвались к орудиям. Артиллеристы не дрогнули, в рукопашной схватке вышли победителями.

П.Г. Пудовкин и Абдулла Салимов посмертно были представлены к званию Героя Советского Союза.

Из наградного листа Пудовкина Павла Григорьевича, старшего сержанта, помощника командира взвода 3-й стрелковой роты 905-го стрелкового полка 248-й СД, 1904 года рождения, русского, члена ВКП(б), уроженца хутора Марчуки Новоаннинского района Сталинградской области. «Тов. Пудовкин прошел в дивизии славный путь в боях от Астрахани до реки Миус. 19 августа 1943 года при прорыве обороны противника на реке Миус и взятии узла сопротивления населенного пункта Петрополье совершил героический подвиг. 1-й стрелковый батальон, преодолев водный рубеж реки Миус, встретил на западном берегу ожившую огневую точку противника, которая вела огонь из дзота. Каждый метр простреливался и не давал возможности продвижения. Тов. Пудовкин, он же парторг роты, по своей инициативе скрыто подполз к дзоту и стал забрасывать его гранатами. Однако пулемет продолжал вести огонь. Тогда тов. Пудовкин крикнул: «За Родину, за Сталина!». Уже будучи раненым, прямо бросился на пулемет своим телом, тем самым заставил замолчать вражескую пулеметную точку. Героический подвиг старшего сержанта — коммуниста воодушевил всех бойцов на бесстрашную борьбу с немецкими захватчиками. Стрелковые роты бросились вперед и ворвались в траншеи противника, овладели его участком обороны, заняли укрепленный узел сопротивления населенный пункт Петрополье и высоту «Черный ворон».

Изрешеченное тело героя было снято с вражеского дзота бойцами и офицерами 1-го стрелкового батальона.

Тов. Пудовкин, верный сын советского народа, воспитанный большевистской партией, за проявленный бесстрашный подвиг в борьбе с немецкими захватчиками достоин посмертного присвоения звания Героя Советского Союза.

Командир 248-й стрелковой дивизии полковник Галай».

Представление командования дивизии было поддержано командиром корпуса, Военным советом 28-й армии и командующим войсками 4-го Украинского фронта генералом армии Толбухиным (Южный фронт был переименован в 4-й Украинский фронт).

Указом Президиума Верховного Совета СССР 19 марта 1944 года Пудовкину П. Г. было присвоено звание Героя Советского Союза.

Из наградного листа Салимова Абдуллы, рядового, пулеметчика — 902-го стрелкового полка 248-й стрелковой дивизии, 28-й армии. Представляется к званию Героя Советского Союза (посмертно), 1917 года рождения, татарин.

«Рядовой Абдулла Салимов с полком прошел славный боевой путь от Волги до Миуса. 19 августа 1943 года взвод, в составе которого находился Салимов, прорвал укрепленную по последнему слову техники оборонительную линию противника на реке Миус и продвинулся к господствующей высоте на западном берегу реки Миус в районе села Петрополье Матвеево-Курганского района Ростовской области, со взятием которой была дана возможность продвинуться всей роте.

Дорогу загородил ураганный пулеметный огонь из дзота на склоне этой высоты. Бойцы, прижатые к земле, не имели возможности продвинуться вперед.

Рядовой Салимов вызвался уничтожить этот дзот. Попрошавшись с товарищами, взяв с собой лишь несколько гранат, Салимов под ураганным огнем противника пополз к дзоту. В 7 метрах от дзота Салимов побежал во весь рост и с возгласом «За Родину, вперед, товарищи!» забросал дзот гранатами. Пулемет продолжал работать, тогда Салимов последним броском достиг дзота, упал боком и, широко раскинув руки, закрыл своим телом амбразуру.

Вражеские пули пронзили тело Абдуллы Салимова, но пулеметная очередь захлебнулась. Воодушевленные героизмом Салимова, бойцы выбили противника с высоты, ликвидировали сильный опорный пункт противника.

Рядовой Абдулла Салимов, верный сын татарского народа, воспитанный ленинско-сталинским комсомолом, жертвуя собой, обеспечил продвижение всей части и выполнение боевой задачи.

Командир 902-го стрелкового полка майор Арефьев».

Представление командира полка о присвоении А. Салимову звания Героя Советского Союза поддержало командование, дивизии. Наградной лист был направлен в 37-й стрелковый корпус. Его командир генерал-майор С. Горохов своим приказом от 10 ноября 1943 года Абдуллу Салимова наградил орденом Отечественной войны 1 степени.

Абдулла Салимов родился в Казани. В сентябре 1937 года был призван в армию, с июня 1941 участвовал в боях с немецкими захватчиками. Абдулла Салимов и Павел Пудовкин в историю Великой Отечественной войны вошли как воины, повторившие подвиг рядового Александра Матвеевича Матросова, закрывшего 2.2.1943 года телом амбразуру пулеметного дзота гитлеровцев,

препятствовавшего подразделению в продвижении вперед. За время войны подвиг А. Матросова повторили более 200 воинов.

После занятия населенных пунктов Петрополье, Подгорный, высоты «Черный ворон» полки продвигались вперед. 24 августа противник оказал им упорное сопротивление на реке Крынка, но и здесь он не задержался. Рубеж был прорван. Наступление продолжалось. Части с боями прошли Ново-Николаевку, хутора Кулик, Погорелов, Возыкин-1, Возыкин-2 и дальше продвигались в направлении Екатериновки. В начале сентября дивизия вышла на реку Кальмиус, началось освобождение украинских сел.

* * *

Шесть суток шли ожесточенные и кровопролитные бои, пока был прорван «Миус-фронт». Тысячи немецких солдат и офицеров нашли здесь себе могилу.

При штурме миусских укреплений врага понесли немалые потери и наши войска. С 18.8 по 24.8.43 только в 248-й стрелковой дивизии пали смертью храбрых 616 солдат и офицеров. 1728 человек были ранены.

Память о павших за свободу Родины священна. На высоте 124,0 «Черный ворон» воздвигнут обелиск в честь воинов-героев 248 стрелковой дивизии, павших при штурме вражеских укреплений. На одной его стороне на металлической плите сделана надпись:

«Мужеству и отваге воинов 248-й дивизии, прорвавших здесь, у высоты «Черный ворон», немецкую оборону «Миус-фронт» 19 августа 1943 года. От колхозников колхоза имени Калинина, красных следопытов школы № 20, завода РИА и радиотехникума».

В Матвеево Курганском музее боевой славы оформлена диорама «Штурм высоты «Черный ворон». На ней изображен подвиг Павла Пудовкина. Он идет впереди атакующих, бросается на амбразуру дзота.

От Астрахани начался тяжелый, но славный путь дивизии — длиной 3650 километров. Он пролегал с боями через поля Украины. Ее воины участвовали в боях за Мелитополь, Одессу, форсировали Днепр, Днестр, Одер, штурмовали Зееловские высоты, Берлин, брали рейхсканцелярию Гитлера.

Тысячи гитлеровских солдат и офицеров нашли на этом пути смерть от метких пуль, снарядов и мин. Много отважных, беспрдельно преданных нашей Родине воинов дивизии пало на этом славном пути. За период войны в дивизии 11960 воинов были награждены орденами и медалями нашей Родины.

Не расставался с дивизией всю войну и ее командир Н.З. Галай. Родился он в 1901 году в Белоруссии. Начал служить в РККА в 1922 году. Окончил Киевскую военную пехотную школу, высшие академические курсы, командовал взводом, ротой, батальоном и полком. В войну вступил в июне 1941 года в должности заместителя командира стрелковой дивизии. С 1942 года командир 248-й СД. До 1957 года служил в Советской Армии. После ухода в отставку по болезни генерал-майор Николай Захарович Галай — почетный гражданин Одессы жил и умер в этом городе.

РЕЙД В ТЫЛ ВРАГА

20 августа воины фронта продолжали наступление. 2-й гвардейский мехкорпус совместно со стрелковыми соединениями захватил населенные пункты Бишлеровка и Новоалександровский. Соединения 5-й ударной армии продвинулись к реке Крынка.

И вновь, как и в июле, противник к месту прорыва на Миус перебросил резервы с менее активных участков, попытался отрезать и окружить вырвавшиеся вперед соединения 5-й ударной армии и 4-го гвардейского мехкорпуса. Во второй половине дня 20 августа немцы силами трех пехотных дивизий и 70 танков при поддержке авиации нанесли удары по населенным пунктам Семеновский и Алексеевское (Донецкой области). Бой здесь сразу принял ожесточенный характер. Он продолжался всю ночь. Интенсивный огонь вела немецкая артиллерия, непрерывно ползли вражеские танки.

Ночью самолеты противника развешивали осветительные бомбы, они медленно спускались на парашютах, освещая позиции наших солдат, артиллерийские и минометные батареи. Горели селения. В ночной темноте далеко было видно пламя пожаров. Противнику удалось потеснить наши части, захватить Семеновский и Алексеевское, сузить ширину нашего прорыва до 3 километров. Создалась угроза окружения наших войск, вышедших к реке Крынка.

Командование фронта приняло срочные меры, чтобы не допустить этого, подкрепило 5-ю ударную армию. В брешь были введены 140-я отдельная танковая бригада и другие части.

Ранним утром соединения 5-й ударной армии, 2-го и 4-го гвардейских мехкорпусов контратаковали не-

приятеля. В течение дня шли упорные бои, к вечеру 21 августа удалось восстановить положение, вернуть Семеновский и Алексеевское.

Войска 2-й гвардейской армии 20 августа освободили селения Мариенгейм, Густофельд, Майндорф, Писаревский. На 10 километров продвинулась 28-я армия. 44-я армия овладела населенными пунктами Матвеево-Курганского района Надежда, Алексеевка, Александровка.

За четыре дня боев противник потерял до 7 тысяч солдат и офицеров, десятки танков и орудий. В воздушных боях наша авиация сбила 50 самолетов противника.

Враг не унимался, стремился, во что бы то ни стало, задержать наше наступление. Подтянув из Дебальцево на рубеж Степановка-Артемовск три пехотных полка, 13-ю танковую дивизию и другие части, противник 23 августа силами до дивизии пехоты с танками (до 100 танков) нанес еще один удар по нашим войскам на юг, в направлении Успенской. Ему удалось захватить Артемовку и Кринички. Создалась угроза окружения 50-й и 54-й гвардейских стрелковых дивизий, к ним, по существу, были отрезаны пути. Имелся небольшой проход, простреливаемый автоматным огнем со всех сторон.

Целый день части 3-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенанта А.И. Белова отражали контратаки вражеских танков и пехоты. Бой проходил с переменным успехом. Большую помощь нашим воинам оказали «Катюши» и бойцы 4-й гвардейской артиллерийской бригады.

Гвардейцы-артиллеристы уничтожили и подбили 18 танков и два самоходных орудия, вывели из строя много вражеских солдат. В этом бою возле села Артемовка

пали смертью храбрых артиллеристы москвич Сенин, сибиряк лейтенант Пихтарь, узбек Ибрагимов, таджик Норматов, украинец Кузьменко и другие. 13-я гвардейская реактивная бригада произвела один залп, обрушила на врага 1500 тонн смертоносного груза, уничтожила 230 вражеских солдат. Немцы были отброшены назад.

23 и 24 августа продолжались упорные бои по прорыву второй линии обороны.

Части 4-го гвардейского мехкорпуса в ночь на 23 августа в районе Колпаковки перешли в наступление и внезапным ударом овладели Донецко-Амвросиевкой, важным узлом обороны. Противник в панике оставил город.

За 6 дней боев войска фронта прорвали тактическую глубину обороны противника на участке Дмитриевка-Петрополье, нанесли ему большие потери. Пополнить их в ближайшее время было нечем. Трещал не только «Миус-фронт», терпел поражение враг и на других направлениях.

С выходом наших войск в район Донецко-Амвросиевки создались благоприятные условия для ввода конно-механизированной группы в тыл Таганрогской группировки противника и разгрома ее. Эта группа состояла из 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса и 4-го гвардейского механизированного корпуса под общим командованием командира кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Н.Я. Кириченко.

26 августа 4-й гвардейский кавалерийский корпус, находившийся в резерве командующего Южным фронтом, располагавшийся в районе Куйбышево, Карташово, Криничный Луг, Лысогорка, был выведен в район Донецко-Амвросиевки, Колпаковки.

Командующий фронтом поставил задачу корпусу развивать наступление на юг, к Азовскому морю. «С 20.00 26 августа войти в прорыв и к рассвету 27.8 выйти в район Ново-Хопрово, колхоз имени Шевченко, Малоекатериновка, Екатериновка. В дальнейшем с выходом в район Малокирсановки, Латоново группе не допускать отхода таганрогской группировки противника».

4-й гвардейский мехкорпус в 2 часа ночи 27.8 должен начать атаку Кутейниково — узла железных и шоссейных дорог — и главными силами выйти в район Покрово-Киреевка, прикрывая от противника действия 4-го кавалерийского корпуса с запада. В дальнейшем выйти в район р. Сухой Еланчик, Григорьевки (Анастасиевский район) и громить отходящие на Таганрог части противника.

Основная роль в разгроме таганрогской группировки, 29-го немецкого армейского корпуса, оборонявшегося северо-западнее Таганрога, отводилась 4-му гвардейскому кавкорпусу. Этот корпус сформировался осенью 1941 года. По казачьим традициям каждая станица Кубани выставляла свою сотню казаков со всеми видами кавалерийского снаряжения. Две донские кавалерийские дивизии и две кубанские казачьи кавдивизии, в которых много было добровольцев из станиц Дона, Кубани, Сталинградской области, участников первой мировой и гражданской войн, были объединены в составе 17-го казачьего кавалерийского корпуса. 28 августа 1942 года 17-й кавкорпус за стойкость и мужество, за героизм личного состава в боях с немецкими захватчиками на Кубани был преобразован в 4-й гвардейский казачий кавалерийский корпус. Он активно участвовал в зимней кампании 1942-43 годов. За 49 дней наступательных боев прошел 1200 километров от прикаспийских песков до Миуса, в район Матвеева Кургана, в феврале 1943 года. «К нача-

лу операции 4-й гвардейский кавкорпус имел 18789 солдат и офицеров, 11177 сабель, 117 пулеметных тачанок, 11980 верховых лошадей, 1520 парных повозок, минометов 120-миллиметровых — 89, минометов 82-миллиметровых-109» (АМО, ф. 645, о. 5271800, д. 2, л. 12).

В район ввода корпуса была переброшена и 6-я гвардейская танковая бригада полковника В.Ф. Жидкова. Она придавалась для усиления корпуса, имела 25 танков «Т-34», 10 танков «Т-70» и 3 мотострелковых батальона. Корпусу придавались также 134-й танковый полк, дивизион гвардейских минометов, 4-я легкая артиллерийская бригада, зенитно-артиллерийский полк. Для поддержки с воздуха была выделена 289-я штурмовая авиационная дивизия и для ее прикрытия от ударов авиации один полк 9-й гвардейской истребительной дивизии.

26 августа вечером небо осветили красные ракеты. Застучали копыта множества лошадей, колеса пулеметных тачанок, повозок, степь огласилась гулом моторов, скрежетом гусениц танков. Началось движение. Казаки-гвардейцы пошли на дело. Эскадроны кубанской конницы, танковые батальоны, артиллерийские батареи устремились в узкий огневой коридор, пробитый героической пехотой 5-й ударной и 2-й гвардейской армий и артиллерией.

В первом эшелоне параллельными курсами шли 9-я и 30-я гвардейская кавалерийские дивизии, во втором — 10-я гвардейская кавдивизия.

В головном отряде 9-й кавалерийской дивизии находились первый отдельный танковый батальон шестой гвардейской танковой бригады капитана М.К. Середы, отдельный мотострелковый батальон этой же бригады капитана М.И. Мелехова, следом шли главные силы 34-го гвардейского кавалерийского полка, которым командовал гвардии подполковник М. Ка-

рапетян, другие подразделения. По фронту и флангам отряд охраняли усиленные кавалерийские эскадроны.

Перед началом рейда прибыл командир 9-й дивизии генерал-майор И.В. Тутаринов. Собрав командиров, он сказал:

- Мы идем в тыл немцев. Наша задача — действовать смело и решительно, стремительно наносить удары по очагам сопротивления, не ввязываться в затяжные бои, а идти вперед, вырваться на оперативный простор, громить подходящие резервы, органы управления и тылы противника.

Лихие казаки под командованием Тутаринова не раз совершали дерзкие рейды в тылу врага, обрушивались на немцев там, где их не ждали, когда они чувствовали себя в безопасности, истребляли захватчиков огнем и клинком. Воины дивизии покрыли себя неувядаемой боевой славой при освобождении сел и городов Кубани и Дона зимой 1942-1943 годов.

Многие конники были награждены орденами и медалями.

За успешное выполнение заданий командования генерала Тутаринова отметили полководческим орденом, который ему вручили в Военном совете фронта с поздравительным письмом М.И. Калинина незадолго до начала августовского наступления: «Генерал-майору Тутаринову Ивану Васильевичу. Не имея возможности лично вручить Вам орден Кутузова II степени, которым Вы награждены от 31 марта 1943 года, посылаю Вам его с настоящим письмом. Поздравляю Вас с заслуженной наградой, шлю пожелания дальнейших успехов в Вашей боевой деятельности и личной жизни.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин»

(АМО, ф. И-45, о. 67411, д. 1., л. 41).

Генералу Тутаринову шел 39-й год. Окончив в 1926 году Борисоглебско-Ленинградскую кавалерийскую школу, он стал кадровым военным. Командовал кавалерийскими подразделениями и частями, учился на академических курсах усовершенствования командного состава. В 1939-40 годах участвовал в освобождении Западной Белоруссии, в советско-финляндской войне.

9-я гвардейская дважды Краснознаменная орденов Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, Кубанско-Барановичская казачья дивизия под руководством Тутаринова прошла боевой путь от Кубани до Праги. Генерал-полковник Тутаринов после окончания войны командовал войсками Уральского военного округа, был представителем Главного командования объединенных вооруженных сил в Венгрии. С 1972 года находился в отставке, жил в Москве.

С 4-м гвардейским казачьим кавалерийским корпусом действовала и 4-я гвардейская легкая артиллерийская бригада, которой командовал полковник В.И. Кобзев. Артиллеристы бригады активно содействовали успешному наступлению кавалеристов. После того как была прорвана оборона противника, наши части устремились на юг в направлении г. Таганрога. Были освобождены населенные пункты Марфинка, Анастасиевка, Малокирсановка, Греково-Тимофеевка. Бои шли ожесточенные. 23 августа дивизионы гвардии капитана Бегишева и капитана Г.И. Пономарева целый день отражали контратаки 40 вражеских танков и нескольких батальонов автоматчиков. Гвардейцы подбили 18 танков, две самоходки и уничтожили около 200 гитлеровцев.

На рассвете 29 августа у села Атамановка разгорелся сильный встречный бой. До полка мотопехоты с танками и самоходными артиллерийскими установками преградили коннице путь. Артиллеристы 4-й артиллерийской бригады

быстро развернулись и открыли ураганный огонь. Противник отступил, оставив на поле боя 24 орудия 105-мм, около полусотни автомашин, 105 пулеметов, много боеприпасов, 500 вражеских солдат сдались в плен.

Во встречном бою смело и решительно действовали артиллеристы под командованием офицера Г.И. Пономарева. Начав войну 18-летним лейтенантом, командиром взвода, после окончания Астраханского военного артиллерийского училища Г.И. Пономарев в 20 лет командовал артиллерийским дивизионом, а в конце войны был заместителем командира стрелкового полка по артиллерии. За образцовые выполнение задания командования, смелые и решительные действия был награжден пятью боевыми орденами, участвовал в боях под Москвой, в Сталинградской битве, в освобождении Донбасса, Польши, во взятии Берлина. Был несколько раз ранен.

После войны Г.И. Пономарев продолжал службу в ракетных войсках, был преподавателем в Ленинградском военно-морском училище. Находясь в запасе, гвардии подполковник Пономарев активно участвовал в военно-патриотической работе. Умер в 1986 году.

* * *

Через час после начала ночного рейда передовой отряд 9-й кавдивизии достиг села Свистуны (Амвросиевского района Донецкой области). Здесь противник попытался контратаковать наши подразделения. По идущему впереди эскадрону старшего лейтенанта Г.П. Романюка ударили пулеметы. В атаку пошли танки. Конники и танкисты капитана Середы стремительным натиском сломили сопротивление врага, заняли село. Отличился в бою орудийный расчет Попова А.И. из 1-й батареи 181-го артиллерийско-

минометного полка. Открыв огонь во фланг движущимся танкам, он поджег две вражеские машины.

Продвигаясь вперед, кавалеристы и танкисты в течение ночи уничтожили несколько вражеских групп и гарнизонов в Чистяково, Ульяновке, Пролетарском, Варениках, Новоселовке. Колонна совершила 35-километровый бросок по тылам противника. К 8 часам утра 27 августа подошла к крупному селу Екатериновка (Анастасиевский район Ростовской области). А под Новоивановкой шел еще бой. Здесь подразделения 30-й кавдивизии и 134-го танкового полка вступили в бой с крупным вражеским заслоном.

Командир 10-й гвардейской кавалерийской дивизии, шедшей во втором эшелоне, генерал-майор Б.С. Миллеров оказал помощь. Сюда же выдвинулись и отдельные части 4-го гвардейского механизированного корпуса. Совместными усилиями двух кавдивизий и танкистов враг был опрокинут. Взаимодействуя с частями мехкорпуса, 30-я кавдивизия в дальнейшем выбила противника из населенных пунктов Слюсарово, Шурупово, Новохапрово.

Утром 27 августа головная колонна 9-й кавдивизии во-рвалась в Вареники, а потом в Екатериновку.

Здесь размещались штаб, тыловые части, узлы связи, склады, ремонтные базы, госпитали.

К Екатериновке наши подразделения подошли, когда уже было совсем светло. В лучах восходящего солнца видне-лись белые хаты. Село казалось мирным и тихим, но там находился враг, о приближении советских воинов он не по-дозревал. Командир 34-го кавполка подполковник Карапетян принял решение с ходу ворваться в село, овладеть им и удержи-вать до подхода главных сил. Эскадроны охватили село с двух сторон, танки, подойдя к окраинным строениям и садам, оста-

новились, взяли село в полуокружение. Дула танков направили в центр села.

Наводчик разведывательной тачанки Ковалев дал длинную очередь из «Максима» вдоль пустующих улиц. Это явилось сигналом. В разных концах села слышались пулеметные и автоматные очереди. С гиком и криками «Ура!» казаки ворвались в село.

Из домов выскакивали перепуганные фрицы. Казаки носились по улицам и дворам, расстреливали немцев из автоматов, рубили их шашками.

- «Казакен, казакен!», — испуганно кричали немецкие солдаты.

Веками немец ненавидит наших казаков и веками трепещет перед ними. Донские и кубанские казаки не раз жестоко били пруссаков.

В 1759 году во время семилетней войны наши войска взяли Берлин. Русская конница ворвалась в город через главные ворота. Казаки взяли ключи от Берлина и привезли их в Россию. С тех пор и живет страх у немца перед казаками.

В разных местах села вспыхивали яростные схватки. Особенно упорное сопротивление оказал противник у здания, где размещался штаб. Здесь немцы соорудили баррикады, поперек улицы, вокруг дома поставили автобусы и грузовики, из укрытий били пулеметы. Наши воины, ринувшись в атаку, залегли.

Тогда два танка — старшего лейтенанта Василия Прокöpfeвича Негребы и старшего лейтенанта Николая Максимовича Кобзева — прорвались к баррикаде, скидывали машины в кюветы и уничтожали гитлеровцев огнем и гусеницами. Паника охватила врага. Солдаты, бросая оружие, кинулись в сады, но далеко им уйти не удалось. Здесь их поражал огонь артиллерии. Из-за дома выскочили две автомашины

с офицерами — танки их расстреляли. Многие солдаты выходили с поднятыми руками и сдавались в плен. Гарнизон в Екатериновке был разгромлен. Кавалеристы и танкисты захватили 5 складов с боеприпасами, 3 склада с ГСМ, 2 продовольственных склада, 20 автомашин, два госпиталя (один помещался в здании местной школы), в которых находились раненые, около 100 пленных, уничтожили до роты солдат.

В течение ночи и первой половины дня 27 августа части 4-го гв. кавалерийского корпуса выполнили поставленную перед ними задачу: продвинулись по тылам противника на юг на 30-35 километров.

Успешно действовала 6-я гвардейская танковая бригада, за что командир корпуса генерал Кириченко объявил благодарность всему личному составу бригады.

Части 4-го гвардейского мехкорпуса в ночь на 27 августа овладели после короткого боя Кутейниково — большим населенным пунктом. Оставив одну механизированную бригаду в Кутейниково, командир корпуса генерал Танасишин главными силами нанес удар в южном направлении, овладел Покрово-Киреевкой (Старобешевский район Донецкой области). 28 августа корпус вышел в район Григорьевки, Гаевского.

Выдвижение в ночь на 27 августа крупной механизированной группы войск фронта в тыл противника создало реальную угрозу окружения его таганрогской группировки.

Немецкое командование всячески пыталось задержать продвижение кавалеристов и танкистов к Азовскому морю и дать возможность своему 29-му армейскому корпусу вырваться на запад. Оно стягивало для этой цели в район Анастасиевки, Марфинки, Латоново соединения с юга. Сюда же перебросили и 13-ю танковую дивизию. Одновременно с

этим немцы начали спешный отвод своих тылов на запад из района Таганрога на Тельманово и Мариуполь. Вражеское командование сосредоточивало крупные силы за счет переброски танковых и пехотных дивизий с других фронтов в район Старобешеве, Каракубстрой, намечая отсюда 30 августа нанести удар по флангу и тылу конно-механизированной группы и соединиться с окруженными войсками таганрогской группировки.

Командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Манштейн вместе с командующим 6-й немецкой армии генерал-полковником Холлидтом 27 августа, как только соединения конно-механизированной группы прорвались в тыл таганрогской группировки войск, прибыли в ставку Гитлера, в г. Винницу.

Доложив ему о создавшемся тяжелом положении, они попросили его усилить донбасскую группировку войск не менее чем 12 дивизиями.

Манштейн в своих мемуарах «Утраченные победы» пишет: «Я поставил перед Гитлером ясную альтернативу: или быстро выделить нам новые силы, не менее чем 12 дивизий, или отдать Донбасс».

Гитлер, боясь потерять Донбасс, пообещал дать дивизии. Но это обещание осталось невыполненным.

Командование Южного фронта разгадало замыслы противника и приняло меры для прикрытия с запада наступающих войск. Оно отдало боевое распоряжение.

«Командиру 4-го гвардейского кавалерийского корпуса:

1. Разбитые и окруженные части таганрогской группировки противника пытаются прорваться на запад в направлении Анастасиевка-Федоровка.

2. 4-му гвардейскому кавалерийскому корпусу решительно продолжать уничтожение окруженной группировки противника, сжимая кольцо, для чего к утру 29.8.43 овладеть районом Ново-Петровский-Латоново-Крещатик.

3. Сильным отрядом захватить переправу через Миусский лиман у хутора Ломакин»

(АМО, ф.225, т.225, с.505, д. 185, л.121).

Четвертому гвардейскому мехкорпусу было приказано овладеть Федоровкой, не допустить прорыва противника из Анастасиевки.

* * *

27 августа передовые части 9-й гвардейской кавдивизии и 6-й танковой бригады, овладевшие Екатериновкой, весь день вели бои в окружении. Утром танкисты заняли круговую оборону в районе Ново-Спасовки, кавалеристы 34-го кавалерийского полка и 2-й танковый батальон — на рубеже высот Вареники, Екатериновка в ожидании подхода главных сил.

До батальона пехоты противника, поддержанной тремя танками, тремя самоходными орудиями и семью полевыми орудиями, перешли в наступление из Мало-Екатериновки в направлении Ново-Спасовки. Наши подразделения, чтобы не обнаружить себя, не открывая огня, пропустили танки и пехоту в балку, а затем с тыла контратаковали неприятеля. Вспыхнул жаркий бой, атака была отбита. Враг потерял 2 танка и 3 самоходных орудия, десятки убитых и раненых.

В 10 часов утра бой развернулся в районе хутора Рождественский, где значительные силы врага атаковали наши подразделения. И эта атака была сорвана. На поле боя остались до ста убитых, сожженные два танка и одно самоходное орудие.

Противник никак не смог смириться с потерей Екатериновки. Во второй половине дня, подбросив свежие силы, он начал наступление на село с юга. На позиции танкистов и кавалеристов устремились танки с пехотой. Когда вражеские машины подошли на близкое расстояние, по команде заместителя командира батальона старшего лейтенанта Михайлова Никифора Владимировича танки открыли по ним огонь. Мотострелки и кавалеристы из стрелкового оружия уничтожали пехоту. В ходе напряженного боя нападение гитлеровцев было отбито. Немцы потеряли 6 танков и самоходных орудий, много солдат. При отражении атаки понесли потери и наши подразделения — погибли заместитель командира батальона Михайлов, помощник командира танковой роты старший техник-лейтенант Стулов Сергей Васильевич и другие. Всего в боях за освобождение Екатериновки и окружающих хуторов отдали жизни более 100 наших воинов.

В боях в районе Екатериновки отличились танкисты батальона капитана Середы М.К., танковых рот И.Н. Маслова, А.А. Кононова, казаки кавалерийских эскадронов старших лейтенантов Григория Романюка, Александра Данилова и другие подразделения.

Эскадрон Данилова с флангов был атакован 9-ю танками и ротой автоматчиков. Силы были неравными. Казаки не растерялись. Бронебойщики и артиллеристы открыли огонь по танкам. Боевые тачанки пулеметным огнем отсекали автоматчиков от танков.

- Шашки к бою, — скомандовал Данилов. Рванулись кони. Среди танков засверкали клинки. Под ударами шашек падали гитлеровцы. Было выведено из строя 6 танков. Враг получил должный отпор.

Во имя победы над врагом пожертвовал своей жизнью комсомолец гвардии казак Затулин.

Боец Затулин мужественно отражал контратаки, от его выстрелов замертво валились на землю солдаты. Кончились патроны. Затулина окружили озверевшие гитлеровцы.

- Получайте, гады! — крикнул казак и бросил гранату в фашистов. Осколки разорвавшейся гранаты сразили нескольких солдат. Погиб в схватке и сам Затулин. Когда казаки пошли вновь в атаку и подошли к месту, где вел бой Затулин, они увидели много убитых немцев.

Гвардейцы казаки вместе с танкистами 27 августа отбили все атаки противника, удержали занятые рубежи до подхода главных сил.

Ночью 27 августа 9-я кавдивизия получила задачу продолжить рейд в тыл противника. Оставив один полк в качестве заслона в районе Новоспасовки, дивизия выступила по маршруту Екатериновка-Мало-Кирсановка. На рассвете 28 августа 32-й гвардейский кавалерийский полк и танки 6-й гвардейской танковой бригады с десантом мотострелков подошли к Мало-Кирсановке и после короткого, но мощного удара сломили сопротивление оборонявшегося здесь 3-го батальона 95-го стрелкового полка 336-й немецкой пехотной дивизии и овладели ею, заняли окружающие высоты, отрезав пути отхода противника на запад. В Мало-Кирсановке были захвачены 120 пленных. Первой в Мало-Кирсановку ворвалась танковая рота, которой командовал старший лейтенант А. А. Кононов. Танкисты уничтожили несколько автомашин с боеприпасами и до 30 солдат. Выбитые из Мало-Кирсановки остатки батальона отступили в направлении Анастасиевки.

Противник три раза переходил в контратаки, пытаясь выбить наши части из Мало-Кирсановки, но безрезультатно.

Во второй половине дня 28 августа немцы начали контратаку на Мало-Кирсановку со стороны Латоново.

Конно-разведывательный дозор доложил командиру кавалерийского полка, что на Мало-Кирсановку движутся до батальона пехоты и более 10 танков. Командир полка приказал эскадрону в конном строю и танковой роте в составе пяти танков под командованием лейтенанта Казнина выйти в тыл наступающим немцам и нанести удар по ним. Удар танкистов и кавалеристов был неожиданным и ошеломляющим. Танки расстреливали вражеские бронемашины. Казаки с яростью бросались в бой. Между танками мчались лихие всадники, размахивая клинками. Казаки били неприятельских солдат штыками, прикладами, рубили саблями. Немцев охватила паника. На поле боя осталась разбитая вражеская техника, много убитых. Враг отступил в Латоново, отбив все атаки, наши воины удержали село.

На хутор Марксист первым вступил взвод танков Т-70 старшего лейтенанта Андрея Ивановича Дрожей с десантом во главе с командиром отделения Иваном Егоровичем Кириченко.

Танкисты здесь уничтожили батарею противотанковых орудий, до 20 автомашин и до взвода солдат. В бою был выведен из строя один наш танк. Смертью героя погиб командир танка лейтенант П.Ф. Сметанко.

28 августа до восхода солнца 138-й кавалерийский полк 30-й кавдивизии, которым командовал подполковник И.Д. Минаков, преодолев за ночь 30 километров, с ходу выбил немцев из Греково-Тимофеевки. Сюда же подошли и другие части этой дивизии.

Войска фронта в течение 28 августа силами 5-й ударной, 2-й гвардейской и 28-й армий расширили прорыв и завершали окружение противника подвижными войсками в рай-

оне Матвеева Кургана, Таганрога, Федоровки, Анастасиевки. 4-й гвардейский кавалерийский корпус, выйдя в район Екатериновки, Мало-Кирсановки, Греково-Тимофеевки, перехватил пути отхода противника из Таганрога на запад.

Эскадроны казаков шли все дальше и дальше в тыл врага. Этот путь был нелегким.

Противник подвергал ожесточенным налетам наступающие войска. Тучами висели над ними самолеты: не смолкал рев моторов, непрерывно рвались бомбы, горела степь, горели дома, танки, автомашины, гибли кони и люди.

Из района Марфинка-Анастасиевка 28 августа силами до двух пехотных полков при поддержке 70 танков неприятель контратаковал наши части в направлении Латоново, Мало-Кирсановка, Греково-Тимофеевка, пытаясь пробиться в западном направлении. Атаки немцев сопровождались массированными ударами авиации. В течение дня группы по 30-50 самолетов неоднократно бомбили боевые части кавалерийского корпуса. За день было сделано 1400 самолетовылетов. Находясь под воздействием фашистских стервятников, кавалеристам пришлось отражать и яростные атаки пехоты и танков.

Вражеская бомбардировочная авиация произвела мощные налеты на Мало-Кирсановку, Греково-Тимофеевку, Екатериновку.

При налетах авиации казаки зарывались в землю. Коповоды уводили лошадей в балки, овраги, посевы кукурузы и подсолнечника. Такая маскировка позволяла уменьшить урон от бомбежек. Однако части несли потери, порой и значительные.

Неожиданное произошло в Греково-Тимофеевке. В ранний час, когда появилась «рама» (немецкий самолет-разведчик), по селу пастух гнал стадо скота на пастьбу, которое не-

мецкий разведчик принял за конницу. Вскоре появилась армада тяжелых немецких бомбардировщиков — 71 самолет «хейнкель-III», каждый из которых имел бомбовую нагрузку до двух тонн. В среднем было сброшено 140 тонн смертельного груза невиданной силы. Сотни бомб разного калибра взрывались почти одновременно, совсем рядом, одна за другой. Сидевшие в земле воины телом ощущали, как она дрожит, словно живая, дышит, движется. Осыпались наскоро отрытые окопы, блиндажи, щели, рушились постройки, вздымались в воздух вырванные с корнем деревья, со свистом проносились горящие осколки. Слышны стоны раненых. По селу носились оторвавшиеся от привязи кони.

Вспоминая об этом налете, полковник В.П. Тюлин писал: «Под многими и очень сильными бомбежками мне довелось побывать, но такое я испытывал впервые. Сделав свое подлое дело, самолеты улетели в направлении Старобешеве».

Житель Греково-Тимофеевки Николай Федорович Базыкин, находившийся в то время в селе, рассказал, что при бомбежке кавалерия понесла большие потери - было убито и ранено значительное число бойцов и командиров, очень много выведено из строя лошадей. Только на территории своей усадьбы он обнаружил 7 убитых казаков и 13 лошадей.

С ожесточением гитлеровские летчики бомбили 29 августа Екатериновку и прилегающие к ней районы, где находились подразделения 42-го гвардейского кавалерийского полка. Сюда сразу налетело до 60 бомбардировщиков. Бомбы падали в центре села, рвались и на сельском кладбище, взрывной волной выбрасывая в воздух обломки гробов. Рушились дома, гибли мирные жители.

Два налета, каждый 30-35 самолетами, немецкая авиация произвела на Мало-Кирсановку. Расчеты зенитных ору-

дий Петра Матвиенко и Виктора Максименко при отражении воздушной атаки сбили три бомбардировщика.

Кавалерийские части в эти дни понесли немалый урон. Только с 26 по 29 августа в кавкорпусе было убито 2150 и ранено 650 лошадей. Потеряно личного состава — 738 солдат и офицеров. Основная часть потерь — результат воздействия авиации врага.

На исходе дня 28 августа, после залпа гвардейских минометов, 30-й и 32-й гвардейские полки с танковым батальоном 6-й гвардейской танковой бригады начали наступление на Латоново, куда отходил противник. К утру кавалеристы и танкисты вошли в Латоново, но затем были выбиты из него. Весь день шел упорный бой. К утру 30 августа полки 9-й гвардейской дивизии с подошедшими частями 49-й стрелковой дивизии 28-й армии вновь овладели селом. Был отрезан последний путь отхода на юг анастасиевской группировке противника. В боях за Латоново 28-29 августа были выведены из строя до 600 и взяты в плен 150 вражеских солдат.

Многие воины отличились здесь. Командир танка старший лейтенант В.И. Рафаев с десантниками сержантами В.В. Колия и Г.И. Галия захватили тягач с оружием и 70 солдат врага. Отважным гвардейцам были вручены медали «За отвагу».

Взвод из 32-го гвардейского кавалерийского полка старшего лейтенанта Лысенко Николая Ивановича, донского казака, участника первой мировой и гражданской войн, в бою за Латоново истребил десятки немцев, взял в плен 9 солдат. Сам Лысенко из автомата сразил 11 немцев. Командир дивизии наградил Лысенко медалью «За отвагу».

Бесстрашно действовала старшина медицинской службы 19-летняя Анна Щербакова из г. Керчи. Во время боя она спас-

ла многим жизни, вынесла из-под огня 18 раненых воинов. Ее заслуги отмечены медалью «За отвагу».

В этих боях в составе отдельного истребительного противотанкового дивизиона Кубанского кавалерийского корпуса участвовали и латоновцы И.А. Дзыгарь, И.И. Непряхин, В.И. Шиленко и другие. Ночью прошли Мало-Кирсановку, а рано утром 29 августа артиллеристы были на латоновской земле. У хуторов Красная колонна, Духов казаки вступили в бой. Немцы отчаянно сопротивлялись, дивизион потерял два орудия и только к исходу дня хутора были освобождены, на поле боя остались разбитые пушки, убитые солдаты врага. До взвода было взято в плен. За отличия в бою командир огневого взвода Иван Андреевич Дзыгарь был награжден орденом Красной Звезды.

С Кубанским кавалерийский корпусом он прошел с боями от Краснодара до Праги, удостоившись четырех боевых орденов. Вернувшись после войны к мирному труду, десятки лет работал в колхозе. И.А. Дзыгарь стал почётным гражданином Латоново.

Не все вернулись из этого боя, дождалось Дня Победы. Немало воинов пало смертью храбрых на миусской земле. Здесь погиб прославленный герой гражданской войны, трижды награжденный орденом Красного Знамени, будучи уже заместителем командира кавалерийского полка, Тихон Иванович Кондра. Вражеская пуля сразила кубанского казака-хлебороба, отважного командира эскадрона, гвардии капитана Максима Федоровича Паневика. При отражении одной из атак убиты автоматчик Леонтий Прокофьевич Кандывка, артиллерист лейтенант Н.С. Экономов. Начальник политотдела 9-й кавдивизии в политдонесении приводил примеры героизма и мужества воинов, указывал, что в первые дни

рейда дивизия потеряла убитыми и ранеными 120 коммунистов и 68 комсомольцев.

В то время, как два полка 9-й кавдивизии вели бои за Латоново, командир корпуса выслал 34-й гвардейский кавалерийский полк этой дивизии, усиленный танками и артиллерией, для захвата Таганрога. Полк на рубеже Родионовский, Марьевка встретил сильное сопротивление противника. Полк и часть танков 1-го батальона 6-й гвардейской танковой бригады оказались в полуокружении.

В течение дня 29 августа и ночи на 30 августа кавалеристы и танкисты отражали атаки танков и пехоты противника.

Войска фронта продолжали теснить противника на юг и юго-восток. 2-я гвардейская и 28-я армии с севера, 44-я армия с востока, 4-й гвардейский кавалерийский корпус с запада постепенно сжимали кольцо окружения. Опасаясь окружения, немцы бросали все силы, чтобы удержать дорогу, идущую вдоль моря.

В ночь на 29 августа 138-й кавалерийский полк 30-й кавдивизии выступил из Греково-Тимофеевки, овладел Ефремовкой. Заняв село, перерезал дорогу немцам из Таганрога на Тельманово, а во второй половине дня 29 августа головной отряд этого полка в составе усиленного эскадрона капитана Г.Л. Шейкина подошёл к переправе через Миусский лиман в районе Ломакино.

Немцы знали, что в их тылу действуют кавалерийский и механизированный корпуса, они заранее усилили охрану моста. Но такого быстрого появления казаков здесь не ожидали. Первым у переправы оказался сабельный взвод А.Г. Бурдули со станковыми пулеметами и орудиями. Конный дозор, высланный на высоту, доложил, что по шоссе из-под Таганрога движется на Буденновск (Новоазовск) сплошная

колонна автомашин с солдатами и грузами, тягачей с орудиями. Солдаты, охранявшие мост, не предвидя близкой опасности, сидели на берегу лимана, некоторые из них купались. Капитан Шейкин и старший лейтенант Бурдули решили, не дожидаясь подхода всех сил полка, атаковать в конном строю неприятеля, используя для прикрытия пулеметы и артиллерию. Внезапное появление мчащихся казаков ошеломило, привело в замешательство вражеских солдат. И те, кто находился в подошедшей колонне, и солдаты, охранявшие переправу, искали спасение в бегстве. Их разили наши пулеметы. Казаки с обнаженными клинками проскочили по мосту на противоположный берег лимана и атаковали скопление войск. В короткой схватке противник был разгромлен, кавалеристы взяли в плен более 200 солдат. Наши подразделения удерживали занятый плацдарм, саперы подготовили мост к взрыву. Когда стемнело и на мосту появился танк, а за ним автомашины врага, раздался взрыв. Мост рухнул. Важная дорога из Таганрога на юг Донбасса была перерезана.

Части 4-го мехкорпуса 29 августа утром захватили Федоровку, а 36-я танковая бригада этого соединения к исходу дня прорвалась в рыбацкий поселок на берегу Азовского моря Весело-Вознесенку. Путь отступления противнику и здесь был отрезан.

Однако полностью окружить и уничтожить таганрогскую группировку противника не удалось, часть ее сил — 29-го армейского корпуса, в том числе и 13-й танковой дивизии — вышла из окружения в сторону Мариуполя. Этому способствовало то, что конно-механизированная группа действовала на широком фронте до 60-70 км. Между кавалерийскими частями были значительные проходы. Противнику удавалось в промежуточные полосы между нашими частями уходить на запад.

Вторая гвардейская армия и правый фланг 44-й армии (130-я стрелковая дивизия) продолжали наступление с севера на восток и вышли на рубеж Марфинка-Дараганов. 28 августа 416-я стрелковая дивизия вела бои в Марфинке и прилегающих к ней хуторах, 29 августа 1376-й стрелковый полк этой дивизии под командованием подполковника Тищенко Алексея Ивановича при поддержке подразделений 5-й гвардейской механизированной и 37-й гвардейской танковой бригад выбил немцев из Анастасиевки. Здесь отважно сражались танковые экипажи лейтенанта Земскова, И. Арабели, командир отделения автоматчиков В. Уфимцев, наводчик орудия сержант А.И. Сафиулин, рядовые В. Ангилев, М. Саликбаев и другие.

После освобождения Анастасиевки 416-я стрелковая дивизия устремились на Таганрог. Ее полки участвовали в освобождении населенных пунктов Духово, Графский, Таврический, Носово.

Войска 28-й армии своими тремя дивизиями также продвигались вперед. 28 августа 248-я стрелковая дивизия перерезала железную дорогу в районе станции Закадычное. 416-й стрелковый полк 118-й стрелковой дивизии в этот же день подошел к Ново-Николаевке. Противник оказал сопротивление. Под прикрытием танков пошли в наступление немецкие автоматчики. Командир стрелковой роты ростовчанин лейтенант Николай Иванович Лазнев отбил атаку, последовала новая. Но тут из строя вышел командир батальона. Лазнев принял командование на себя. Он три раза водил его в атаку, отразил нападение немцев. Мужественный офицер в этом бою за Николаевку получил смертельное ранение.

Отважно дрался 3-й батальон 463-го стрелкового полка 118-й стрелковой дивизии старшего лейтенанта, коммуниста,

кавалера ордена Александра Невского Чернецкого Василия Яковлевича. Его батальон, посаженный на танки, действовал как десант. Сел на танк и Чернецкий. Стремительным броском батальон ворвался в хутор Кислицкий, танки и десантники уничтожили несколько орудий, много гитлеровцев. Комбат личным примером увлекал подчиненных на выполнение боевой задачи. Танк, на котором находился Чернецкий, вырвался вперед, попал под огонь вражеского снаряда. Погиб экипаж. Оставшись один, комбат, окруженный со всех сторон немцами, продолжал отбиваться, поражая их из автомата. Будучи уже несколько раз раненым, он поднялся во весь рост и пошел с автоматом на врага, убив еще несколько солдат.

Пуля смертельно ранила отважного командира. Пехотинцы и танкисты вновь пошли в атаку, отбили Кислицкий у врага. Когда бой закончился, тело Чернецкого было похоронено с воинскими почестями. Командующий 28-й армией посмертно наградил В.Я Чернецкого орденом Отечественной войны первой степени.

Здесь же, рядом, в бою за хутор Самойлово героический подвиг совершили три танкиста. Командир танкового батальона дал задание командиру танка младшему лейтенанту 19-летнему Алексею Дмитренко разведать противника в хуторе Самойлово. Танку № 527 удалось обходным путем прорваться в тыл на 12 километров. Танкисты на проселочной дороге встретили 5 автомашин с солдатами и 2 орудия, прицепленные к машинам. Командир башни старшина Жуйков с ходу ударил снарядом по первой машине. В воздух полетели обломки кузова вместе с убитыми немцами. Огнем и гусеницами экипаж уничтожил автомашины, орудия и солдат.

И вот танк мчится по хутору Самойлово, стреляет из пулемета и пушки. Среди немцев переполох. В тыл прорвался советский танк. Значит, окружение. Бросая оружие, они стали разбегаться кто куда. Когда наш танк был уже на другом конце хутора, по нему открыли огонь немецкие пушки. От попадания снаряда танк загорелся. Из него вылезли раненые и обожженные командир танка Дмитренко, механик-водитель Деев, старшина Жуиков. Решили не сдаваться. Стали приближаться к ним немцы, пытаясь взять танкистов живыми.

С трех сторон автоматчики, сзади горящий танк. Герои отбиваются гранатами, от каждого броска падали на землю немцы. Кольцо окружения сжимается, запас гранат кончается. Три танкиста сомкнулись теснее, спина к спине. Дмитренко сдвинул предохранитель с последней гранаты, раздался грохот взрыва, вслед за ним упали три героя, не сдались живыми, не пошли в немецкий плен. Навечно погибли в миусскую землю Алексей Дмитренко из села Вырывка, что вблизи Конотопа, Николай Деев из села Зеленого, на Запорожье, и русский воин Николай Жуиков, выросший в далекой деревне Тимошино Пермской области. О подвиге танкистов писала фронтовая газета.

Посмертно награждены младший лейтенант Алексей Дмитренко орденом Отечественной войны 1-й степени, старший сержант Николай Деев и старшина Николай Жуиков орденами Красной Звезды.

Недалеко от хутора Самойлово поставлен обелиск, увековечивший жизнь и подвиг героев-танкистов.

В то время как другие армии фронта решали задачу уничтожения таганрогской группировки немцев и овладения Таганрогом, 5-я ударная армия вела бой на севере. Она медленно продвигалась вперед. В полосе ее наступления находилось несколько сильно укрепленных пунктов и ключевая

высота на территории Донбасса (в районе города Снежное) — Саур-могила. Взятием этой высоты завершился прорыв немецкой обороны и открывался нашим войскам выход на простор к восточной части Донбасса.

И не случайно противник крупными силами пехоты и танков при поддержке авиации постоянно контратаковал наши подразделения, пытаясь задержать их наступление. Отбивая атаки и изматывая врага, воины к концу августа оттеснили его к кургану и завязали бой у подножья Саур-могилы. Их вели три стрелковые дивизии — 34-я и 127-я обходили высоту справа и слева, 96-я гвардейская полковника Героя Советского Союза Семена Самойловича Левина наступала на противника, который оборонялся на Саур-могиле. 29 августа после артподготовки начался штурм. Дивизия охватила высоту с трех сторон. Полки продвинулись вперед, были уже недалеко от вершины. Противник сумел потеснить наши части. Потребовалась новая атака, она принесла успех. Важную роль в этом сыграл отряд из 293-го гвардейского стрелкового полка в составе 17 человек во главе с младшим лейтенантом Г.П. Шевченко и старшиной Кораблевым. По заданию командования отряд, под покровом темноты просочившись сквозь боевые порядки противника, на рассвете 30 августа проник на самую вершину Саур-могилы и закрепился там. Гитлеровцы не могли смириться с потерей вершины и решили уничтожить смельчаков. В течение 12 часов гвардейцы стояли не на жизнь, а на смерть, отбивая атаки врага, которые следовали одна за другой.

Их обстреливали из минометов, танков и самоходных орудий, на них падали бомбы, шли автоматчики. Гвардейцы держались, пока не подошли главные силы. Ударом всех трех полков дивизии к вечеру 30 августа враг был сокрушен. Саур-могила стала вновь нашей. На ее вершине развевал-

ся красный флаг, сделанный раненым младшим лейтенантом Шевченко из своей нательной рубахи, окрашенной собственной кровью.

Красноармейская газета «Советский боец» 2 сентября 1943 года писала в заметке «Донбасс не забудет их имена»: «Подвиг 17 воинов войдет в историю освобождения Донбасса как один из самых ярких эпизодов.

Вас прославит народное слово,

И легенда расскажет о вас.

Про бесстрашный отряд Кораблева

Никогда не забудет Донбасс».

На Саур-могиле ныне установлен памятник воинам-героям, участвовавшим в прорыве «Миус-фронта» в 1943 г. —obelisk из серого гранита высотой 36 метров. На его фоне стоит фигура советского солдата с автоматом в руках, отлитая из металла. На монументе высечены имена 17 воинов, которые первыми ворвались на вершину легендарной Саур-могилы: младший лейтенант Шевченко, старшины Кораблев, Веремеев, красноармейцы Алешин, Иванов, Кобзев, Гаин, Селиванов, Дудко, Симаков, Калинин, Чертков, Гавриленко, Петраков, Локрв, Бондаренко, Меркулов.

Двое из них — наши земляки с Дона: Иванов Георгий Васильевич — из хутора Верхнеломова Зимовниковского района, Дудко Иван Антонович — из деревни Сергеевка Киевского района Ростовской области.

С выходом нашей конницы и механизированных частей к берегу Азовского моря окружение немецких войск на суше в основном было завершено. Настал момент удара по Таганрогу, прорыва обороны противника в районе Самбека. Таганрог был опоясан многолинейной обороной. Укрепления самбекских высот, уступом выдвинутые вперед, поднимались над Миусом, как огромные бастионы.

27 августа 44-я армия перешла в наступление на всем своем участке обороны. Командующий армией генерал-лейтенант В.А. Хоменко приказал прорыв обороны севернее Вареновки возглавить лично командиру 130-й стрелковой дивизии полковнику Василию Константиновичу Сычеву, подчинив ему один батальон 416-ой стрелковой дивизии.

В этот день после 15-минутного огневого налета сводный отряд 130-й СД, усиленный артиллерией, танками, начал штурм немецкой твердыни в районе Вареновки. Впереди шли саперы, проделывая проходы в минных полях. Вражеские орудия, шестиствольные минометы ударили по наступающим. Поле содрогалось от разрывов мин и снарядов.

Сильное сопротивление встретила первая стрелковая рота 371-го стрелкового полка под командованием старшего лейтенанта Василия Тимофеевича Куцепина. Более пяти часов длился бой. Три раза бросалась рота в атаку, пока не был сломлен противник. Бойцы роты 30 августа одними из первых вошли в Таганрог. За отличие в боях при взятии города Куцепин был награжден орденом Александра Невского. Отличились бойцы пулеметного взвода и сам командир Игнат Дмитриевич Лейба. Он выдвинулся вперед и из станкового пулемета преградил путь немецкой пехоте, перешедшей в контратаку; будучи раненым, не покинул поле боя.

Особенно тяжелые бои пришлось вести бойцам третьего батальона старшего лейтенанта Василия Артемовича Жихарева в горящих камышах на левом берегу реки Самбек. Батальон наступал в обход Вареновки через заросли камыша, подожженные немцами. Едкий дым разъедал глаза, попадал в легкие, но бойцы, преодолевая огневое сопротивление, шли вперед.

В наступающих цепях находились бойцы пулеметной роты уроженца Таганрога старшего лейтенанта Николая Никитина. Отвагу проявил пулеметчик ефрейтор Хиза Мухаметов. Когда кончились патроны в магазинах пулемета, он стрелял в приближавшихся солдат из винтовки, забрасывал их гранатами, сражался до подхода подкрепления.

Действия пехотинцев активно поддерживали артиллеристы, минометчики и танкисты.

О напряженности и ожесточенности боев на подступах к Таганрогу свидетельствует тот факт, что только 27 и 28 августа потери 130-й дивизии составили убитыми 178 и ранеными 421 человек. Несли потери и другие части. 29 августа вновь разгорелась битва, которая к вечеру достигла наивысшего напряжения. Бои на самбекских высотах продолжались трое суток. 30 августа подвижной отряд 130-й СД и первого гвардейского краснознаменного укрепрайона, преследуя отходящего противника, после короткого боя в 7 часов утра ворвался в Таганрог. Примерно в это же время в районе кожзавода вступили в город два батальона 416-й СД.

Утром Таганрог был очищен от немцев. Город был взят ударом наших частей в лоб, с фланга и с тыла. Но судьба его решалась в боях на дальних и ближних подступах многими родами войск Южного фронта.

После прорыва нашей конницы и танков в глубокий тыл противника оккупанты, боясь быть отрезанными, начали отступать. 28-29 августа днем севернее Таганрога приземлились до трех десятков немецких транспортных самолетов и вылетели отсюда с награбленным добром.

В самом городе боев почти не было, появлявшиеся отдельные очаги сопротивления небольших групп противника быстро ликвидировались или брались в плен.

Сообщения в отдельных публикациях о том, что в городе развернулись кровопролитные бои, дрались за каждую улицу, каждый дом, не соответствуют действительности.

В ходе боев с 18 до 30 августа войска Южного фронта завершили разгром «Миус-фронта». Немцы здесь понесли большие потери. Только убитыми враг потерял 35 тысяч солдат и офицеров. 5100 солдат были взяты в плен. 2000 пленных захватил 4-й кавалерийский корпус. Им были убиты 4000 солдат противника. Наши войска захватили большие трофеи.

За время августовского наступления войсками Южного фронта было освобождено свыше 150 населенных пунктов, в том числе районные центры Анастасиевка и Федоровка. Ростовская область полностью была освобождена от оккупантов.

В разгроме таганрогской группировки немцев и освобождении Таганрога большая роль принадлежит 4-му гвардейскому кавкорпусу. При этом особенно отличились 9-я гвардейская кавдивизия генерала И.В. Тутаринова и 30-я кавалерийская дивизия генерала В.С. Голосовского. Верховный

Главнокомандующий объявил благодарность личному составу этих дивизий.

Благодарность была объявлена воинам 15-й механизированной бригады 4-го гвардейского мехкорпуса.

Приказом Верховного Главнокомандующего 130-й и 416-й стрелковым дивизиям было присвоено наименование «Таганрогские».

Большую помощь наземным войскам в разгроме гитлеровских войск на Миусе оказали летчики 8-й воздушной армии, которой командовал генерал-лейтенант Т.Т. Хрюкин, 6-я гвардейская Таганрогская бомбардировочная авиационная дивизия генерала Г.А. Чучева, входившая в состав этой армии.

Воздушная армия насчитывала 700 самолетов. В ожесточенных боях 1943 года в небе над Миусом многие советские летчики проявили героизм и мужество. Второй Золотой Звездой здесь был награжден прославленный летчик А.И. Покрышкин. В воздушных боях над Миусом Герой Советского Союза капитан А.В. Алелюхин сбил 12 вражеских самолетов, Герой Советского Союза капитан Амет-Хан Султан уничтожил 11 самолетов противника.

44 боевых вылета провел летчик самолета Ил-2 76-го гвардейского штурмового авиационного полка младший лейтенант Лаврентий Павлов в Донбасской наступательной операции. Меткими попаданиями он уничтожил много танков, автомашин, орудий, живой силы противника в районе Ворошиловграда, Куйбышево, Анастасиевки, Федоровки. За проявленную смелость при выполнении боевых заданий Лаврентию Петровичу Павлову было присвоено звание Героя Советского Союза. За время с 18 по 31 августа 1943 года летчики 8-й воздушной армии провели 285 воздушных боев и сбили 280 фашистских самолетов.

В ночь на 30 августа, оставив самбекско-миусский оборонительный рубеж, противник поспешно отходил через Николаевку на запад, прикрывая отход массированными ударами авиации. Наша артиллерия прямой наводкой вела огонь по движущимся колоннам. Командир дивизиона 4-й легкой артиллерийской бригады гвардии подполковник Пономарев Георгий Иванович вспоминал, что артиллеристы бригады своим огнем нанесли большие потери прорывавшейся колонне. Противник оставил 24 орудия, около полусотни автомашин, 105 пулеметов, боеприпасы, много вражеских солдат было взято в плен.

Положение немецких войск после сокрушения «Миус-фронта» и потери Таганрога резко ухудшилось (обещанных 12 дивизий для спасения Донбасса Гитлер не дал). Фельдмаршал Манштейн вынужден был отдать приказ об отводе 6-й полевой армии и 1-й танковой армии с Донбасса за реки Молочную и Днепр. Была дана директива войскам, в ней говорилось, что при отходе Донецкий бассейн должен быть эвакуирован в хозяйственном отношении и полностью разрушен. Все, что не может быть эвакуировано, подлежит разрушению, в особенности водонапорные и электрические станции, шахты, заводские сооружения, урожай, который не может быть вывезен, деревни и дома.

Командующий Южным фронтом, чтобы сорвать осуществление этого безумного плана, приказал конно-механизированной группе усилить преследование отходящего противника в направлении на Мариуполь, основными силами перенести главный удар в центр Донбасса, на Донецк.

4-й гвардейский кавалерийский корпус и 4-й гвардейский мехкорпус подошли к реке Грузский Еланчик.

Здесь противник приостановил продвижение наших частей. Командование фронта торопило командующего подвижной группой. 2 сентября начальник штаба Южного фронта генерал Бирюзов направил ему радиogramму:

«Т. Кириченко.

Тов. Сталин требует взять Мариуполь. Ищите слабые места и, связавшись с 4-м мехкорпусом, взаимодействуйте с ним», а 4.09. 1943 г. из штаба Южного фронта командиру 4-го гв. корпуса поступило новое предписание:

«Противник отходит, сжигая все на месте. Пора понять, что вы своими медленными действиями, слишком опасливым движением даете время противнику разрушить и уничтожить ценности нашей Родины.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Принять все меры для энергичного преследования, окружения, уничтожения противника.

Толбухин, Гуров, Бирюзов».

Сражение в Донбассе не затихало. 6 сентября наши войска освободили Макеевку, 8 сентября – Сталино (Донецк), 10 - Волноваху, 20 сентября войска Южного фронта подошли к Запорожью, рубежу на западном берегу реки Молочная. Борьба за освобождение Донбасса успешно завершилась.

22 сентября 1943 года закончилась Донбасская стратегическая наступательная операция Советской Армии (13 августа-22 сентября). Она проводилась войсками Юго-Западного и Южного фронтов, продолжалась 41 день. Ширина фронта — 450 км, глубина прорыва войск — 250-300 км, участвовали в операции: Юго-Западный фронт — 565200 человек, Южный фронт — 446700. Всего 1011900. Потери наших войск составили убитыми и ранеными 273 522 человека.

Первое приближение.

В истории Великой Отечественной войны найдется, пожалуй, не много регионов бывшего Советского Союза, через которые фронт проходил два года. Два года войны. Два года кровопролитных боев...

К таким территориям относится и Ростовская область. Но есть и ещё одна особенность военных событий происходивших на полях донского края. Состоит она в том, что за эти три года войны фронт под Ростовом перемещался несколько раз и всякий раз он останавливался практически в одном месте, на берегах небольшой, но извилистой речки Миус.

Грандиозных военных событий или операций мирового масштаба здесь не происходило, но, тем не менее, эта линия трехлетних, упорных и изнурительных боев вошла в учебники и мемуары по Великой Отечественной войне под особым названием «линия Миус-фронта».

Проезжая сейчас по дорогам Неклиновского, Матвеево-Курганского, Куйбышевского районов среди богатой зелени полей, холмов и балок, кажется, что лишь обелиски да памятные стелы напоминают нам о войне. Нет в нашей области болот и лесов как под Новгородом и Смоленском, где еще живы следы войны, и можно встретить нетронутые окопы и остовы разбитой техники, нет подземелий как пол Керчью и Одессой, где на стенах выцарапаны предсмертные строки, а под ногами мертвый камень вперемешку с фронтовым металлом... Более 80 % территории в Ростовской области занято пахотными полями, огородами, населенными пунктами. Каждый участок благодатной земли обрабатывается и возделывается... И, тем не менее, каждую весну только после вспашки на полях лишь этих трех

районов обнаруживают по несколько десятков взрывоопасных предметов и новые неизвестные солдатские захоронения!...

До 1995 года в Ростовской области не производились целенаправленные поисковые экспедиции и Вахты Памяти по поиску и перезахоронению останков советских солдат. А те немногие поисковые отряды и клубы, что существовали, чаще всего выезжали на работу в другие регионы. Писались труды, издавались мемуары по истории военных событий на Дону. Но все эти книги отражали фронтовую историю Ростова и области как-то фрагментарно, бессистемно, с повышенным пафосом, но минимальным анализом и ссылками на архивы. А сами эти исследования придерживались сугубо официальных воззрений на события в этих местах или готовились к юбилейным датам, а значит, несли в себе много пафоса и мало информации о подлинных действиях. Может быть, именно поэтому, этот раздел истории нашего края содержит в себе перечисление военных операций, имена военачальников, даты оккупаций и освобождений районов, но практически не отражает трагичность происходивших здесь событий.

И, тем не менее, по официальным данным на территории области за годы Великой Отечественной войны погибло около 350 тысяч наших солдат и командиров. Имеется несколько сот братских и одиночных захоронений, установлены памятники, мемориалы, стелы. В послевоенный период несколько раз (к 10-летию и 20-летию Победы) из безымянных захоронений останки солдат переносились к братским могилам в населенных пунктах. На части могил имеются имена солдат...

Видимо именно эта, некоторая иллюзия благополучия нашей области в отношении воинских захоронений и

увековечивания памяти погибших, влияла долгие годы на областное руководство, чем оно и обосновывало ненужность поисковых работ и не особо поощряло попытки написать полную историю военных событий на Дону в 1941-1945 годах.

К середине 90-х годов стаж работы Ростовского областного клуба «Память-Поиск» по поиску не захороненных солдат и установлению имен составлял уже 15 лет. За это время было проведено 18 экспедиций под Керчью, в Смоленской, Волгоградской областях и на перевалах Северного Кавказа. Пять лет на базе нашего клуба журнал ЦК ВЛКСМ «Вокруг света» проводил Всесоюзные военно-патриотические экспедиции «Аджимушкой» по поиску документов и архивов подземного гарнизона, сражавшегося 170 дней в полном окружении под Керчью в 1942 году. К тому времени только Ростовский клуб «Память-Поиск» из всех более чем 500 отрядов и клубов, входивших в Союз поисковых отрядов России, имел за плечами опыт не только подземных, но еще и опыт пяти зимних экспедиций. В наших отрядах к тому времени работали не только студенты и не просто студенты, с кого начинался клуб, а люди прошедшие армейскую подготовку, прошедшие Афганистан, имеющие высшее образование, имеющие опыт работ на предприятиях и правительственные награды... В области к тому времени насчитывалось еще более десятка энтузиастов-исследователей Великой Отечественной войны, которые занимались изучением отдельных периодов войны, исследованием боевого пути отдельных дивизий и армий. Среди них фронтовик А.В. Ткаченко (г. Ростов-на-Дону), краевед ... (Обливский р-н), директор школы г. Каменска А.Н. Чеботарев, историк В.И. Зайдинер и экономист С.А. Кованева (Зерноградский р-н), фронтовик, а по-

сле войны редактор районной газеты Г.К. Пужаев (Матвеево-Курганский р-н), краевед и создатель первого музея в Вешенском районе Дейнега, историк В.Д. Гладченко (г. Аксай), сын пропавшего без вести солдата А.Е. Филев (г. Ростов) и другие. И естественно, что наиболее серьезные исследователи войны считали, что в истории боевых действий и в ситуации с захоронениями погибших солдат Великой Отечественной на донской земле не так уж все идеально и просто, как могло показаться. Тем более мы понимали, что архивы и документы особо тяжелого и сложного периода 1941-1942 года, когда наши войска были вынуждены отступать, сохранились не все, мало осталось в живых и участников тех драматических событий, а значит наверняка многие эпизоды, будни, и даже героические странички войны в Ростовской области до конца неизвестны!..

Эти же догадки подтверждал и начальник архивного отдела Ростовского клуба «Память-Поиск», один из лучших специалистов по военной истории (к чьему мнению прислушиваются поисковики всего юга России), проработавший много лет в областном краеведческом музее Владимир Иванович Афанасенко. Об этом же свидетельствовали воспоминания наших земляков, участников боев и освоения области.

Поэтому, когда в апреле 1995 года Главой Администрации Ростовской области В.Ф. Чубом подписывалось Постановление «О реализации Закона РФ на территории области «Об увековечивании памяти погибших защитников Отечества» и утверждался План проведения областных Вахт Памяти «Слава и слезы России» и «Фарватер Славы», мы понимали, что приближаемся к новым незаслуженно забытым трагическим и героическим военным страничкам и загадкам истории нашего края...

И уже первые два года целенаправленных работ в области подтвердили эти догадки.

Вот лишь некоторая статистика первых двух лет:

Были найдены новые архивные данные по 38-й Донской Морозовско-Донецкой Краснознаменной стрелковой дивизии, формировавшейся перед войной из уроженцев Ростовской области, и считавшейся с осени 1941 года пропавшей без вести в полном составе в окружении под Смоленском.

На полях боев на реке Миус найдены и перезахоронены останки 329 (триста двадцати девяти) советских солдат;

Найдено 48 (сорок восемь) солдатских медальонов, различных документов и личных вещей.

По солдатским медальонам и архивным документам установлены имена 2899 (двух тысяч восьмисот девяноста девяти) советских солдат погибших на территории Ростовской области, большинство из которых ранее считалось без вести пропавшими;

Обнаружено и обезврежено — 103 (сто три) взрывоопасных предмета.

Самое парадоксальное и трагическое было то, что из восемнадцати прочитанных солдатских медальонов, найденных на останках бойцов на линии «Миус-фронта», два из них принадлежали нашим землякам: лейтенанту Казаченко, уроженцу г. Ростова-на-Дону, п. Лендворц, и Максиму Федоровичу Яценко, 1909 г. рождения, уроженцу г. Батайска.

А когда в Центральном архиве Министерства обороны удалось отыскать лишь часть списка погибших с 20 по 27 июля 1942 года между Ростовом и Батайском, всего одной из отступавших дивизий, нас неприятно задел один факт.

В этом неполном списке из 527 (пятисот двадцати семи) погибших и «оставленных на поле боя» (так записано было в документе) 16 оказались уроженцами нашей области. При проверке оказалось, что в большинстве семей все пятьдесят лет так и не знали, где погибли их отцы, братья, деды!... А из этих шестнадцати наших земляков — семь (!) человек тех, кто непосредственно родился или чьи родственники до войны жили в Ростове или его окрестностях:

1. Пищенко Федор Тихонович, 1910 г.р. жена: Анна Николаевна проживала Ростовская обл., п. Ростсельмаш, д. 28, кв. 128;

2. Батаев Степан Ниванович, 1906 г.р. жена: Прасковья Алексеевна проживала г. Ростов-на-Дону, ул. 1-я Советская, 3, кв.4;

3. Сосков Федор Семенович. 1917 г.р. Жена; Прасковья Никифоровна проживала г. Ростов-на-Дону;

4. Кислицкий Емельян Петрович, 1899 г.р. Жена: Ларина Марина Онуфриевна. Проживала г. Ростов н/Дону, ул. Извольская, д.7;

5. Чесноков Павел Гаврилович, 1907 г.р. Жена: Евдокия Стефановна проживала: г. Ростов н/Д, Военвед, д. 8, кв. 1;

6. Кривенко Петр Тимофеевич, 1906 г.р. Жена: Варвара Ивановна, проживала г. Ростов н/Д., ул. Филимоновская, 134

7. Авилов Семен Иванович, 1902 г.р. Жена: Александра Павловна проживала г. Ростов-на-Дону...

... Все они волею судеб и обстоятельств были оставлены на поле боя. Не захоронены, а оставлены ... И некоторых из них до последнего времени считали без вести пропавшими. И жены, и матери и дети некоторых из этих семи человек до последнего времени разыскивали по всей стране

своих близких, не зная, что они погибли буквально «в нескольких метрах» от родного дома!..

Пожалуй, тогда, мы очередной раз поняли, что боевая история нашего края отражена в официальной и мемуарной литературе как-то однобоко и не глубоко, а «главной книги о войне» в Ростовской области так еще и не написано.

Потом были новые Вахты Памяти, экспедиции, новые поиски в архивах, новые имена и кипы проштудированной литературы...

Всего, лишь за пять лет, с тех пор как Администрацией Ростовской области поддержаны областные Вахты Памяти, с воинскими почестями захоронено 2857 останков наших солдат, когда-то забытых на полях боев. Установлены имена и места гибели более семи с половиной тысяч солдат погибших на территории области. Открыты новые загадки Миус-фронта...

Легенды Миуса

Первый раз эту историю мы слышали уже в первый год работы на Миусе от местных жителей. Даже для нас, людей, знавших Великую Отечественную не только по учебникам и мемуарам, она показалась дикой и невозможной, видимо именно поэтому мы и ...не придали ей в начале большого значения.

В 1996 году уже третий год областную Вахту Памяти мы вынуждены были проводить у хутора Суржино, что не далеко от Самбека. От самого хутора осталось лишь несколько целых домов да свиноферма одного из таганрогских заводов, а местных жителей и того меньше — два человека. Хутор вымирал, и только наши ребята и девушки вносили оживление в этот грустный пейзаж, ежегодно разбивая там свои палатки и упорно просеивая землю на глубину до двух с половиной метров.

С 1988 года один из уважаемых ветеранов-фронтовиков города Ростова Александра Васильевна Ткаченко утверждала, что еще в шестидесятые, когда в хуторе жило пятнадцать семей, ей местные жители показывали старый противотанковый ров, где во время войны закопали около 250 погибших наших солдат. После войны вроде бы собирались перенести это захоронение к братской могиле под памятник, но так и не дошли руки у местной администрации. А в начале восьмидесятых, когда жители разъезжались в города, да в крупные населенные пункты на том самом месте, где были прикопаны наши солдаты, построили свиноферму. И вот теперь ветеран бил тревогу и возмущался бездушности военкома и местной администрации. В 1988-1989 годах об этом случае (со слов ветерана и на основе его заявлений) писали неоднократно и «Комсомольская правда»,

и «Красная звезда» и областные газеты. Военком Неклиновского района тогда получил несколько взысканий, но не мог не опровергнуть эти заявления ни подтвердить. Да и у ветерана были лишь записанные воспоминания местных жителей, которых сейчас нельзя было опросить.

Вот поэтому мы и выезжали туда с таким упорством. За три года работы в Суржено мы добросовестно перекопали на глубину от полутора до двух с половиной метров больше гектара земли и просеяли десятки кубометров грунта, в том числе под свинофермой и вдоль рва. Много чего тогда нашли: и семь одиночных забытых захоронений наших солдат, и больше шестидесяти взрывоопасных предметов, и около тонны постороннего металла, но на то захоронение 250 человек так и не вышли. И тогда я дал нашим поисковикам два дня, чтобы еще раз опросить всех, кто в войну жил в этих местах. А в областной Вахте тогда принимали участие и ростовские поисковики, и школьники из Мордовии, и отряд из Каменск-Уральска, и у каждого свои методы, свои подходы к людям. Опрос особо принципиального о захоронении ничего не дал. Многие опрошенные знали или слышали о том крупном захоронении, но места указывали все разные.

Еще через месяц мы все же нашли захоронение в полукилометре от указанного ветераном места и не под свинофермой, а на поле, и не 250 человек было там, а двадцать пять. И тогда же пришли к убеждению, что то захоронение, забытое потомками, где лежат около 250 человек действительно существует! Вопрос только — где точно? Но это было уже чуть позже.

А сразу после опроса важным оказалось то, что все кто в войну был в этих местах и стар и мал, говорили об исто-

рии, которую мы первоначально считали легендой или мифом этих мест.

Все старожилы на вопрос, что за годы войны запомнилось больше всего, в один голос вспоминали зиму 1941-1942 года, когда, всего за несколько дней заснеженные поля, балки и холмы на несколько километров вокруг, особенно у Самбекских высот, стали розовыми от крови и были усеяны телами наших солдат. Несколько месяцев убитых не могли убрать, поскольку с высот у Самбека, где закопались в землю немцы, километра на два к нашим позициям хорошо простреливалась вся площадь. Несколько месяцев сотни бугорков серых шинелей и черных бушлатов чернели на снегу и служили новым наступающим нашим подразделениям только защитой от пуль...

Никто ни до того, ни после не видел ничего более страшного. Та картина врезалась в память всех очевидцев кровью и болью. И даже после войны назойливой мыслью приходила во снах тех, кто в войну был детьми.

Но не в мемуарах, не в официальных источниках, ни на страницах книг о войне мы долгое время не могли найти подтверждений и оснований тех воспоминаний очевидцев.

В ходе наших исследований и в результате общения с местным населением появлялись новые легенды. Так мы слышали легенду об отчаянной атаке наших кавалеристов, которые с шашками и ручными гранатами бросились на гитлеровские танки, которые рвались к Ростову. Слышали рассказ о нескольких советских танках, которые как «Летучий голландец» в течение нескольких дней и ночей наводил ужас на фашистов в их тылу студеной зимой 1941-1942 года. Слышали рассказы о том, как после одного из

неудачных наступлений наших войск, на немецком берегу сутки держал круговую оборону раненый морячок...

Мы не могли не верить нашим рассказчикам, поскольку косвенные подтверждения этих легенд, мы сами находили на полях и балках Миус-фронта. Но не могли это и доказать, поскольку в советской литературе лишь робкие упоминания о чем-то подобном, и ни одного серьезного документа, а тем более исследования... А новых серьезных и объективных исследований о Великой Отечественной войне в те «мутные» девяностые трудно было даже ожидать. Тогда территорию бывшего Советского Союза еще сотрясали гражданские войны и мелкие локальные конфликты, правительство и чиновники в Москве думали только собственном благополучии, а новые учебники даже по истории «свободной России» выходили только после рекомендаций «доброжелателей» из Америки.

Поэтому книга «Кровь и слава Миуса» вышедшая в 1998 году в издательстве «Сфинкс» города Таганрога явилась одновременно и подвигом и открытием автора и всех, кто помогал ее издать. Она стала результатом многолетней кропотливой работы с документами центральных и областных архивов, многочисленных поездок, часто на собственные деньги, и утомительных месяцев перед бумагой анализируя данные пятидесятилетней давности... И эта колоссальная и трудоемкая работа была сделана не историков по образованию и не городским человеком в расцвете сил, когда можно без ущерба для здоровья не спать ночами и не бояться эмоционального переутомления. Эта напряженная и сложная работа проводилась и без поддержки со стороны областных чиновников от культуры, а иногда и без понимания со стороны окружающих. Все это взвалил на себя фронтовик, послевоенный журналист и энтузиаст-исследо-

ватель Григорий Кириллович Пужаев из поселка Матвеев Кургана. Сам Григорий Кириллович, будучи участником Великой Отечественной войны, прошедший танкистом от, не смог остаться безучастным и равнодушным к забытым сверстникам войны, которых из года в год все поднимают и поднимают на огородах, на приусадебных участках, на полях и балках района, где он живет с 1968 года. Не мог он согласиться и с замалчиванием тех событий, которые происходили три фронтовых года по линии «Миус-фронта». Не смог он остаться равнодушным и к официальным помпезно многословным трактовкам истории Великой Отечественной на Миусе.

Но, даже учитывая энергию и энтузиазм, с которым Георгий Кириллович Пужаев и сегодня занимается исследованием военной истории района и области, принимает участие во всех мероприятиях района и встречается с молодежью, наверное, даже при всем этом ему сложно было бы издать эту книгу тем более в те годы. Сложно и проблематично, если бы не поддержка земляков и первых лиц администрации Матвеево-Курганского района. Ведь именно они в конце нестабильных девяностых, когда село выживало, как могло, смогли понять важность этой книги для будущих поколений и смогли найти деньги на издание сборника.

Руководитель Ростовского областного
клуба «Память-Поиск» В. Щербанов

Досрочный экзамен.

Восьмого октября тысяча девятьсот сорок первого года передовые части Первой танковой армии генерал-полковника Эвальда фон Клейста вторглись в пределы Ростовской области. Дорога к столице Дона вдоль азовского побережья оказалась незащищенной — главные силы Южного фронта, его Девятая и Восемнадцатая армии были окружены противником севернее Мелитополя. Спешно выдвинутые для прикрытия Донбасса только что сформированные и недовооруженные 383-я, 393-я, 395-я Шахтерские стрелковые, 35-я, 38-я и 56-я легкие кавалерийские дивизии, Десятой резервной армии сходу вступили в бой и вместе с остатками окруженных соединений и частей задержали армейские корпуса Семнадцатой полевой и Первой танковой армий вермахта. Эти бои, в которых наши воины проявили массовый героизм, еще не отражены в полной мере в военно-исторической литературе. Но участок от Успенки до устья Миусского лимана оказался открытым — кроме, в беспорядке отступающих, тыловых подразделений и разрозненных групп бойцов и командиров из состава 218-й стрелковой дивизии, боеспособных войск не было.

Для закрытия этой зияющей бреши решением Ставки Верховного Главнокомандования создается Таганрогский боевой участок. В его состав включаются выведенная на переформирование 150-я стрелковая дивизия, недообученная и невооруженная 339-я Ростовская дивизия, а также перебрасываемая, но еще не прибывшая из Армении и предназначавшаяся для обороны Москвы кадровая, укомплектованная 31-я Сталинградская стрелковая дивизия. Из войск таганрогского гарнизона включались 26-й мотоциклетный полк (450 человек) и 33-й мотострелковый полк

НКВД с минометной ротой. Для сосредоточения всех этих сил на рубеже реки Миус необходимо было выиграть несколько дней, а враг между тем стремительно приближался к Таганрогу.

И тогда, с целью задержать бронетанковые соединения Клейста западнее реки Миус, восьмого октября из Ростова навстречу врагу выступили два сводных полка и два пушечных дивизиона, сформированные из личного состава преподавателей и курсантов Ростовских военных училищ: военно-политического, пехотного и артиллерийского. Из Новочеркасска в район Малой Кирсановки выдвинулся сводный полк высших кавалерийских курсов усовершенствования командного состава (ВККУКС) под командованием полковника Б.Н.Байкова.

9 октября курсанты вступили в бой с танками и мотопехотой 3-го моторизованного корпуса генерала танковых войск барона Э.А. фон Макензена. Четверо суток не утихал ожесточенный бой на рубеже Мало-Кирсановка–Марьевка–Носово. Ценою больших потерь курсанты обеспечили развертывание на рубеже р. Миус главных сил 339-й и 31-й стрелковых дивизий. Остатки артучилища были сведены в артдивизион двухбатарейного состава. Первая батарея у хутора Латоново поддерживала наступление 1137-го Ростовского полка 339-й дивизии и погибла в неравном бою с немецкими танками 17 октября. Вторая батарея заняла огневые позиции у села Николаевка, прикрывая артогнем пехоту первого батальона 75-го полка 31-й Сталинградской дивизии. Побывавший на огневых позициях курсантов РАУ командующий артиллерией Северо – Кавказского военного округа генерал-майор артиллерии Георгий Спиридонович Кариофилли с горечью сетовал: « Наше артиллерийское училище готовит славные кадры. Отличные ребята. Это же

без пяти минут командиры. Черт возьми, как не по-хозяйски получается! Грамотные, почти офицеры, а в расчетах действуют как подносчики снарядов, заряжающие, даже ездовыми. А что поделать? Затыкаем дыру...».

Обескровленные роты Ростовского пехотного училища были отведены в Самбек. Передышка оказалась недолгой. Вечером 13 октября эсэсовцы дивизии «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» захватили село Троицкое. Возник разрыв между смежными флангами 339-й Ростовской и 31-й Сталинградской дивизий. Поредевший курсантский полк занял позиции по восточному берегу реки Миус у села Покровское. До вечера 17 октября курсанты отражали непрерывные атаки танков и мотопехоты, сражаясь в окружении. Отчаянная и кровавая атака кавалеристов 66-й дивизии полковника В.И.Григоровича в направлении станции Кошкино помогла курсантам прорваться к селу Курлацкое. Еще двое суток они сражались под Самбеком, обеспечивая развертывание на Ростовском оборонительном рубеже соединений только что сформированной 56-й Отдельной армии. 23 октября остатки сводного курсантского полка были отведены в Батайск. Личный состав военно-политического, пехотного и артиллерийского училищ экзамены на командиров взводов сдал досрочно. Подвиг этих мальчишек более полувека никем не воспет и ждет своего исследователя. В живых остались единицы. В истории о тех боях и о мальчишках-курсантах почти ничего не известно....

Ростов-на-Дону.
В.И.Афанасенко. 2000 г.

Крещение огнем и кровью.

В августе сорок первого года в г.Ростове-на-Дону формировалась 339-я стрелковая дивизия. В зданиях электротехнического техникума, средней школы № 5, в Лендворце и на ипподроме тысячи мобилизованных мужчин распределялись по подразделениям и получали обмундирование. В ночь на третье сентября двенадцать тысяч наших земляков выступили из города по Новочеркасскому шоссе, провожаемые прощальными взглядами матерей, жен, детей и невест.

В Персиановском лагере шестого сентября личный состав дивизии принял военную присягу и приступил к ускоренной боевой подготовке. Девятого сентября в командование соединением вступил полковник Александр Михайлович Пыхтин. Партийные и советские организации Дона взяли шефство над Ростовской дивизией, вручили полкам шефские знамена и они именовались: 1133-й Таганрогский, 1135-й Сальский, 1137-й Ростовский, 900-й Азовский артиллерийский. Несмотря на новые, сокращенные штаты, по которым из дивизии был изъят гаубичный полк, вдвое меньше стало противотанковых пушек, разведывательный и автотранспортный батальоны сокращались до роты, а зенитный артдивизион – до батареи 37-мм пушек, оружия и вооружения катастрофически не хватало. Из музеев изъясали экспонаты гражданской войны — «максимы», «кольты», именные «маузеры» и «наганы».

Прорыв немецких танковых соединений к Таганрогу заставил командующего Северо-Кавказским военным округом генерал-лейтенанта Ф.Н.Ремезова немедленно отправить на фронт недоученную и не довооруженную дивизию. Винтовки бойцы получили в день выступления, восьмого октября. Под проливным дождем походные колонны выступили по маршруту Персиановка, Грушевская, Большие Салы, Чалтырь, Политотдельское. Из-за нехватки

транспорта часть снаряжения солдаты тащили на себе. В ходе пятисуточного марша по раскисшим степным дорогам личный состав вышел к Миусу в крайне изнуренном состоянии, с большим количеством заболевших и отставших в пути красноармейцев.

Рубежом развертывания 339-й дивизии был восточный берег реки Сарматская, в пятнадцати-двадцати километрах западнее Миуса. Но первая встреча с врагом произошла уже перед р.Миус. На рассвете 12 октября разведрота дивизии под командованием старшего лейтенанта И.Г.Ермакова столкнулась с немецким дозором у хутора Богатырев. В скоротечном бою разведчики взводов лейтенантов М.П. Хвороста и К.Б. Гаранжи подбили и захватили три автомашины, убили десять и пленили пятерых солдат противника. К исходу дня части вышли к Миусу в полосе Матвеев Курган–Ряженое.

13 октября батальоны 1133-го полка майора Б.К.Алиева отразили атаки передовых подразделений немецкой танковой дивизии и обеспечили переправу остальных частей на западный берег реки. Вечером в село Ивановка-Вторая, где разместился штаб дивизии, доставили выписку из фронтовой директивы № 00200 о переходе в полдень четырнадцатого октября в наступление для разгрома вражеской группировки, наступающей на Таганрог, с задачей: к исходу пятнадцатого выйти на рубеж Платоново – Отраденский и в дальнейшем наступать на Ефремовку.

В течение трех последующих дней воины Ростовской дивизии наступали в юго-западном направлении, продвинувшись на пятнадцать-двадцать километров. На правом фланге, в тесном взаимодействии с малочисленным 674-м полком 150-й дивизии генерала И.И. Хоруна, успешно продвигался 1137-й полк майора Григория Михайловича Смех-

нова. 15 октября враг потерял здесь шесть танков, десять бронемашин, минометную батарею. Пулеметным огнем был сбит «Мессершмидт-109». На следующий день полки 339-й стрелковой, уничтожив восемь танков, более пятидесяти автомашин, два десятка мотоциклов с колясками и еще два самолета. Потери ростовчан за три дня боев превысили две тысячи бойцов и командиров. Только 16 октября погибло более 250 воинов и около 750 получили ранения и увечья.

Командующий 1-й танковой группой генерал-полковник Эвальд фон Клейст, сосредоточив на таганрогском направлении три танковые и три моторизованные дивизии, семнадцатого октября начал наступление. В полосе 339-й Ростовской стрелковой развернулись два соединения – 14-я танковая и 60-я моторизованная, до ста танков и четыре полка мотопехоты. Главный удар 60-70 танков и двух полков мотопехоты пришелся по 1137-му полку. Поддерживавшая полк курсантская батарея, подбив несколько бронированных машин, была раздавлена. Ростовчане отбивались гранатами и бутылками с горючей смесью. У Большой Неклиновки стойко сражались батальоны 1133-го полка. Пример подавали комиссар полка В.З.Клевшинский, парторг Я.Г. Бобрушкин, политруки М.Е. Пантелеев и А.И. Покладов. Ценою жизни они сожгли четыре танка.

В хуторе Карасенко немецким танкам и мотопехоте удалось окружить главные силы Ростовского полка. Начальник штаба капитан А.В.Ульянов организовал прорыв, используя меткую стрельбу артиллеристов старшего лейтенанта И.С.Демченко из 900-го артполка, подбивших три вражеских танка. Более пятисот воинов вырвались из стального кольца. Красноармеец взвода конной разведки Матвиенко, работавший до войны на заводе «Эмальпосу-

да», рискуя жизнью, пробрался к пылавшему зданию штаба и спас знамя Ростовского полка.

Вечером из хутора Богатырев, из штаба дивизии за подписями комдива, военкома и начальника штаба с нарочным в штаб армии было отправлено боевое донесение следующего содержания:

«1. В наступательных боях за 14, 15, 16 октября против мотомеханизированных и мотоциклетных групп противника, в условиях полного отсутствия противотанковой артиллерии, вообще артиллерии и танков, дивизия понесла огромные потери в людском составе и вооружении. Кроме того, на боеспособность дивизии повлияли и другие факторы, как-то:

а) недоукомплектованность дивизии перед выступлением на фронт.

(800 человек было изъято по политико-моральному состоянию).

б) большое количество отставших и больных во время пятисуточного марша.

в) стрелковое вооружение было получено только в день ухода на фронт

(оружие осваивалось на ходу).

г) повлияло также на боеспособность дивизии комплектование ее из Ростовской местности (многие разбегаются по домам).

2. Дивизия представляет собой следующее:

а) 1137 СП – не существует. Командир полка явился в штадив без полка.

б) в остальных полках по количеству насчитывается по 1-1,5 батальона.

в) противотанковых и зенитных средств – нет.

г) многие случаи сдачи в плен (первый и второй батальоны 1137-го стрелкового полка 17 октября).

Общие выводы:

1. Остатками сил дивизия занимает оборону между Ряженое и Покровское по р. Миус, однако бороться против танков не в состоянии.

2. Дивизия в полном смысле небоеспособна.

3. Остатки дивизии необходимо отвести в тыловой район для приведения в порядок, вооружения, укомплектования, обучения и политико-моральной обработки” (ЦАМО РФ, Ф.1656, ОП.1, Д.10, Л.10).

Но обстановка не позволяла сделать эти необходимые для сохранения боеспособности дивизии меры — враг захватил Таганрог и приближался к Ростову. Восемнадцатого и девятнадцатого октября, истекая кровью, 339-я дивизия сдерживала противника на рубеже р.Миус у села Ряженое.

С утра 20 октября немцы усилили свои атаки на ростовском направлении. В сводке штаба Южного фронта отмечалось, что «в направлении Ряженое противник группами, каждая до 15 танков с пехотой, наступал с рубежа Ряженое, разъезд Ряженое — на хутор Богатырев и балка Туркова. Отдельными группами танков и пехоты выдвигался на Копани. До 30 танков, выдвигавшихся из Ряженое на Колесников, были остановлены огнем нашей артиллерии. Овладев Ивановка (8 км восточнее Ряженое), противник ведет бой с нашими частями юго-восточнее Политотдельское. До 60 танков и 100 автомашин выдвигались с х.Рясный на Копани, Дачники. В направлении Чалтырь свыше 50 танков противника пытались наступать от Веселый на юго-восток, но огнем нашей артиллерии остановле-

ны у балки Каменная». (Сборник боевых документов № 42, С.133).

В этот день в балке Туркова у хутора Седовский танки и мотопехота окружили 1135-й Сальский полк. Его командир успел отправить начальнику штаба дивизии короткое донесение: «Рыбину. Танки до 12 штук с пехотой окружают пехоту и обстреливают ком. пункт. Средств борьбы нет, кроме винтовок и гранат. Это последнее сообщение (донесение). Кузнецов.20.10.41. Балка Туркова.» Майор Василий Алексеевич Кузнецов, военком полка Петр Федорович Михайлов и политрук Ф.З.Плотников связками гранат подорвали четыре танка и погибли в бою. Остатки полка, до двухсот человек, в сумерках вывел из смертельного кольца к селу Марьевка начальник штаба капитан Мороз.

Об отчаянном положении дивизии еще раз было доложено в оперативной сводке, отправленной в полночь в штаб 9-й армии из Марьевки:

1. 20.10.41 г. с 8-00 на участке 1135 СП – балка Туркова – хут. Седовский, противник в составе 30 танков и до двух батальонов мотопехоты, усиленной артиллерией и минометами, прорвал фронт обороны, окружил танками и мотопехотой 1135 СП и почти полностью уничтожил. Командир и комиссар полка убиты. Потери уточняются. Остатки 1135 СП с 20-00 20.10. стягиваются в Марьевку.

2. 1133 СП 20.10. оборонял район Андрианово, курган Турчаниново, хут. Шабельский. Противник обстреливал минометным огнем.

3. 1137 СП находился в резерве — с. Политотдельское.

4. Выводы: Дивизия в составе двух полков, с наличием в полку 300-350 стрелков, почти без материальной части (отсутствие станковых пулеметов, ручных пулеметов, минометов). Например, 1133 СП имеет станковых пулеметов

– 4, ротных 50-мм минометов – 3, 82-мм мино-метов – 5. Такое же положение и в 1137 СП. При отсутствии матчасти и противотанковых пушек дивизия совершенно не боеспособна и не в состоянии оборонять предназначенные рубежи.

НШ 339 СД – полковник Рыбин.

Комиссар штаба — старший политрук Иванов.

Нач. опер. Отдела — майор Очкусь». (ЦАМО РФ Ф.1656. ОП. 1. Д.10. Л.7).

В течение 21-22 октября остатки 339-й стрелковой дивизии с боями отошли на рубеж Крюково — Большекрепинская. Штаб разместился в хуторе Платово-Князевский. Впереди были бои за Ростов.

Десять суток длилось огненное крещение Ростовской дивизии на миусском рубеже суровой осенью сорок первого. В ходе контрнаступления ее воины вновь вернулись на Миус, освободили Матвеев Курган и до середины июля сорок второго года воевали на Миус-фронте. Но никогда больше 339-я Ростовская дивизия, ставшая к концу войны Таманской, Бранденбургской, Краснознаменной, ордена Суворова второй степени, не платила такой кровавой цены, как в те октябрьские дни своего боевого крещения на Миусе... И фамилии всех погибших до сих неизвестны...

Владимир Афанасенко.
«Память-Поиск».

Сам погибай, а товарища выручай.

Семнадцатое октября сорок первого года стало переломным днем в сражении под Таганрогом. На рассвете с западного берега Миуса открыли шквальный огонь сотни орудий и минометов, перепахивая окопы 31-й Сталинградской стрелковой дивизии полковника М.И. Озимина. Десятки «юнкерсов» засыпали бомбами огневые позиции артиллерии вдоль насыпи железной дороги Покровское – Марцево. Затем с захваченных плацдармов у сел Троицкое и Николаевка на Таганрог двинулись колонны танков и мотопехоты 3-го моторизованного корпуса танковой армии генерал-полковника Э. фон Клейста. Раздавленные массой бронетехники, поредевшие полки сталинградцев откатывались к городу, на окраине которого, в поселке Северный, в бой вступили подразделения таганрогского гарнизона.

Авиаразведка Южного фронта установила скопление до сотни танков и двухсот автомашин в Троицком, двадцати танков на шоссе у Самбека. Свыше девяносто танков, прорвав фронт наших частей у Самбека, продвигались на восток. Секретарь обкома партии М.П. Богданов позвонил из Таганрога генерал-лейтенанту Ремезову и попросил незамедлительно принять необходимые меры для ликвидации прорыва вражеских танковых колонн к Таганрогу и Ростову. У Федора Никитича, только приступившего к формированию 56-й Отдельной армии, предназначенной для обороны донской столицы, никаких боеспособных войск на таганрогском направлении не было. Тогда Ремезов связался с командующим 9-й армией генералом Харитоновым, которому подчинялись все части Таганрогского боевого участка, передал ему просьбу секретаря обкома и свою просьбу не допустить разгрома Сталинградской дивизии. Ближе

всего к месту прорыва, в районе села Курлацкое и хуторов Садки, Бузина, Седовский, находились две легких кавалерийских дивизии и вышедший из окружения 23-й стрелковый полк 51-й ордена Ленина Перекопской Краснознаменной дивизии.

В полдень Федор Михайлович Харитонов отдал боевое распоряжение командирам 66-й и 68-й кавалерийских дивизий полковникам Григоровичу и Кириченко: подчинив себе 23-й полк, с рубежа — высота 82,7, курган Соленый, Курлацкое в 15-30 нанести удар во фланг противника в направлении станции Кошкино.

Командир немецкого корпуса генерал танковых войск барон Эберхард Август фон Макензен, наблюдавший за ходом наступления с гребня одной из миусских высот, указал стоящим с ним командирам дивизий на темную, шевелящуюся массу, скатывавшуюся с пологих западных склонов курганов Соленый и Армянский. Прекрасная цейссовская оптика открыла генералам поразительную картину: по безкрайнему полю, растянувшись на несколько километров по фронту, с интервалами между эскадронами и полками, мчались тысячи всадников. За ними поспешали десятки пулеметных тачанок и на рысях шли артиллерийские упряжки с передками и легкими пушками. Командир моторизованной дивизии «Лейб-штандарт «Адольф Гитлер» обергруппенфюрер СС Йозеф Дитрих, любимчик и бывший телохранитель фюрера, фамильярно хлопнул Макензена по плечу: «— Барон, ну прямо как уланы в Польше!»

Поморщившись, Макензен приказал командиру тринадцатой танковой дивизии отразить атаку и выделил для усиления батальон 36-го танкового полка оберста Эссера из четырнадцатой дивизии. Генерал Дюверт немедленно развернул вдоль шоссе Покровское — Самбек следовав-

ший колонной 93-й моторизованный полк оберстлейтенанта Штольца.

Бой конницы с танками и мотопехотой, имевшей автоматы, пулеметы, минометы и пушки, превратился в кровавую бойню. Из шести полков наиболее организованно действовал 179-й кавполк подполковника И.И.Лободина. В донесении политуправлению 9-й армии военком 66-й дивизии батальонный комиссар Скакун отмечал: «17.10.41 г. 179 КП прикрывал в районе Таганрога выход из боя 31 СД. Полк еще не успел окопаться, как его атаковало тринадцать танков противника. Но тов. Лободин правильно расположил огневые средства, сам находился на передовой линии огня и личным примером храбрости и самоотверженности воодушевлял бойцов и командиров на активные боевые действия. В результате кавалеристы успешно отразили вражеские атаки, нанесли значительные потери фашистам. А главное, отвлекли силы и средства противника на себя, тем самым обеспечив выход частей 31 СД из боя».

Но политдонесение умолчало, что в полку после этого дня боеспособным оставался лишь второй эскадрон капитана Я.Г.Бондаренко. Командиры дивизий Владимир Иосифович Григорович и Николай Моисеевич Кириченко ничем не могли помочь своим погибающим под массированным огнем конникам. На выручку поспешили экипажи 8-го отдельного дивизиона бронепоездов майора И.А. Суханова. Курсируя на перегоне между станциями Марцево и Кошкино, бронепоезд № 59 под командованием капитана А.Д. Харебава обрушивал огонь четырех орудий и шестнадцати пулеметов на немецкие танки и мотопехоту, отвлекая их на себя. В жестоком бою стальная «крепость на колесах» погибла, засыпанная бомбами двадцати семи пикирующих бомбардировщиков. Из ста человек экипажа чудом выжило

шесть израненных бойцов. Остатки конницы и 31-й дивизии отошли на восток, сдерживая бронетанковые дивизии вермахта.

Кульминацией стало двадцатое октября. В этот день 179-й кавалерийский полк отразил шесть атак мотопехотного батальона, поддержанного семьюдесятью танками и полусотней мотоциклов с пулеметными колясками. Конники второго эскадрона уничтожили свыше тридцати мотоциклов вместе с экипажами, подбили четыре и сожгли три танка, до роты пехоты. Но слишком неравными были силы. Враг обошел позиции кавалеристов с флангов и окружил командный пункт. В скоротечной неравной схватке погибли почти все находившиеся на КП командиры штаба, связисты и коноводы. Лишь подполковнику Лободину с двумя лейтенантами удалось вырваться из кольца. Они доскакали до хутора Копани, но там уже были танки и мотопехота противника. Тогда командир полка забрался на чердак окраинного дома и огнем автомата скошил полтора десятка солдат. Фашисты развернули танк и зажигательными снарядами подожгли дом. Но и из клубов дыма раздавались скупые короткие очереди. Когда пламя охватило крышу, Лободин прыгнул во двор. Он получил мелкие осколочные ранения и сильные ожоги, был весь в крови. На обгоревшей гимнастерке алым блеском сияли два ордена Боевого Красного Знамени и орден Трудового Красного Знамени Таджикской республики. Командир, начинавший службу в дивизии В.И.Чапаева, гроза басмачей, с маузером в левой и шашкой в правой руке бросился на окруживших двор врагов. В треске ревающего пламени неслышно прозвучали несколько выстрелов. Упали еще трое бросившихся к Лободину солдат. Отбросив уже ненужный пистолет, Иван Иванович взмахнул шашкой. Пятясь, автоматчики в упор, длин-

ными очередями, буквально изрешетили героя. Осатанев от пережитого страха, они облили тело бензином и сожгли. Останки были тайком похоронены местными жителями в соседнем хуторе Садки. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1942 года И.И. Лободину присвоено звание Героя Советского Союза. Посмертно.

И если подвиг подполковника Лободино И.И. известен и уже описан в литературе, то еще один факт, свидетельствующий о трагизме и ужасе этих дней на донской земле, мало известен.

...Командир 13-й танковой дивизии генерал-майор Вальтер Дюверт, руководивший из командирского Т-4 отражением невероятной кавалерийской атаки у станции Кошкино, заболел нервным расстройством и долго лечился в психиатрической клинике у лучших врачей рейха. Его мучила одна и та же картина — по бесконечному, до горизонта, полю мечутся сотни оседланных коней и дико, пронзительно ржут, шарахаясь от ревущих танков, чьи борта и гусеницы черны от крови, смешанной с грязью и ошметками солдатского обмундирования...

В.И.Афанасенко.

История войны еще не дописана...Загадки Миуса остаются...

«Какая вопиющая «географическая несправедливость»! — однажды заявил наш начальник архивного отдела В.И.Афанасенко, когда обсуждали места проведения очередной Вахты Памяти-2000 на «линии Миус-фронта». – Все реки в европейской части бывшего СССР, текущие в меридиальном направлении, по естественному закону вращения «шарика», имеют высокий, крутой правый (западный) берег и низкий левый (восточный)...

Действительно, во время своего наступления в 1941-1942 годах гитлеровцы выходя на рубежи рек Днепра и Дона, оказывались в выигрышном положении. С высоких западных берегов далеко и как на ладони просматривался противоположный берег. Да и держать оборону на крутых берегах было гораздо легче.

Такая же ситуация была и на Миусе. А если учесть, что гитлеровцы стояли на этой реке два года, то они позаботились и о бетонных укрытиях и о долговременных огневых точках. А у хутора Скилянский, где правый берег под углом почти 50 градусов взметнул сорокаметровые скалы, зимой 1941, 1942 и 1943 годов противник еще и заливал его водой, создавая действительно неприступный ледяной барьер.

Но по опыту работы мы уже знаем, что педантичность и предусмотрительность немцев не могла им позволить ограничиться только этими мерами укрепления обороны и предосторожности. И хотя к тому времени мы были уже «вооружены» отдельными архивными данными и энциклопедической точностью дат, номерами частей и последова-

тельность боевых событий на Миусе, благодаря книге Георгия Кирилловича Пужаева, тем не менее, мы были уверены, что многие нюансы нам предстоит еще уточнить и узнать, исследуя Миус-фронт. Поскольку чем больше мы узнавали о событиях на Миусе, тем больше вопросов у нас появлялось.

И одним из первых таких вопросов стал вопрос — чем кроме немецкой педантичности и предусмотрительности можно объяснить минимальные потери гитлеровцев в затяжных миусских боях?

...Первой серьезной подсказкой явились архивные документы, которые свидетельствовали о том, что уже в конце сорок первого под Ростов в степную зону были переброшены несколько батальонов из горно-стрелковой дивизии «Эдельвейс»!... Элитные, хорошо подготовленные горные части и в степи...

С чем это было связано? Почему немцы использовали на равнинной местности своих опытных горных егерей? Каковы были их замыслы?.. И еще множество вопросов не укладывались в официальные точки зрения, а значит, не позволяли нам в полной мере увидеть картину боевых действий, их напряжение и трагизм. Не позволяли понять проблему дислокации не столько гитлеровцев, сколько наших частей, вплоть до участков расположения отдельных батальонов на ровных простреливаемых полях.

И только когда мы исследовали эти участки бывшей обороны на местности с лопатами и щупами, когда прошли не один десяток километров по линиям старых окопов, только тогда многое стало понятно.

Батальоны горных стрелков из дивизии «Эдельвейс» немцы поставили на скальных берегах, превратив их в крепости, но используя минимальное количество войск. Егеря

оборудовали линию обороны с учетом специфики гор, поэтому вдвойне сложнее было нашим войскам вести боевые действия на этих направлениях. Даже каменистый грунт, где было практически невозможно рыть траншеи полного профиля, они использовали себе во благо. Имея опыт использования в горах любого материала для оборудования укрытий (а в степи такого материала, особенно дерева, было мало), они прочно укрепляли свои блиндажи любым подручным материалом: кусками рельсов, каменею с этих же скал, могильными камнями и даже надгробными плитами с гражданских кладбищ.

Так в 1998 году исследуя старые окопы и траншеи с помощью металлодетектора и рамок, наш активный поисковик из Куйбышево Александр Ващенко обнаружил громоздкую могильную плиту прошлого века вылитую из чугуна. Когда очистили глину, стали проступать буквы: «Здесь покойся прах Александра Петровича Машлыкина. Родился 1844 г. Скончался 20 апреля 1889 г.» Эта плита толщиной до пяти сантиметров надежно прикрывала вход в немецкий офицерский блиндаж...

И все таки даже немецкой практичностью нельзя было объяснить минимальные их потери, которые они несли во время бомбежек и артобстрелов, особенно ближе к Таганрогу, где уже не было скал. По архивным документам и мемуарам мы лишь знали, что во время артобстрелов «личный состав на передовой укрывался в надежных убежищах» Но что это за «надежные убежища» в степи? Что они из себя представляли? Мы продолжали поиск...

И в 1999 году наши усилия были вознаграждены. Мы вышли на элементы «секретного оружия обороны» Вермахта!

Под дном траншей полного профиля на глубине 80 см. (т.е. почти 2 м 50 см от уровня земли) обнаружили гофрированную кромку подземных сборных металлических бункеров. В свое время эти бункера разрабатывались для частей Германии воевавших в Африке. Но с 1942 года их стали эффективно использовать в степной зоне Советского Союза.

Найденное группой Дмитрия Санина сборное подземное полевое укрытие — первая такая находка на территории бывшего СССР. Тем более об использовании данного приспособления у нас до последнего времени не знали ни историки, ни военные, ни поисковики!...

Сколько же еще загадок таят поля Великой Отечественной? Сколько же еще «белых пятен» военной истории нам откроет только Миус-фронт?...

Сколько еще неизвестного нас ожидает в боевой истории Ростовской области?...

В. Щербанов, 2000 г.

Судьба из старого сада

Единственное, что несколько успокаивало — это место.

В нашей степной зоне в военное время было крайне мало мест с обилием деревьев — парки, сады, даже лесопосадки были на счету и их были единицы. Но этот старый панский сад, некогда гордость богатого донского помещика, частично сохранился и до наших дней. Огромные фруктовые деревья за шестьдесят лет после Великой Отечественной разрослись и давали хорошую тень, а годы отсутствия ухода за садом и дикорастущие кустарники малины, шиповника и терна превратили его в труднопроходимую чащу.

Но весной, когда, среди буйного разнотравья за Миусом, зацветают и старые абрикосы в этом саду, а природа наполняется не только новыми свежими запахами, но и щебетом птиц и жужжанием пчел — эта низина недалеко от села Ряженое Матвеев Курганского района превращается в действительности райский уголок.

...Они лежали оставленными в спешке очередного неподготовленного и неудачного наступления, и забытые более чем на шесть десятков лет. Двенадцать человек в четырех неглубоких воронках на небольшой садовой поляне.

Первые останки Дмитрий Санин обнаружил уже через несколько минут, после того, как зашел в этот дикий оазис 1 мая 2003 года.

В еле заметной неглубокой впадине от воронки лежали останки трех бойцов. В районах карманов — обоймы с патронами и металлические пуговицы со звездочкой и якорем. Но солдатский медальон, найденный на останках, к

сожалению не читался. Рядом, еще в трех местах были обнаружены на небольшой глубине человеческие кости.

Поставив на эти четыре воронки старшекласников из Егорлыка и студентов из Ростова, Дмитрий Санин сам стал расширять раскоп у первых обнаруженных останков.

Здесь, в этой еле заметной неглубокой впадине от воронки лежали останки трех солдат. В районах пояса – патроны к винтовке Мосина, пряжки и металлические пуговицы. На останках одного из бойцов – солдатский медальон! Это удача — есть шанс узнать имя погибшего!

Но, когда раскрутили пенал медальона, школьникам от досады хотелось выть — бумажный вкладыш не сохранил ни одной буквы!...

Неужели нет ни единой зацепки, чтобы узнать имена, или, хотя бы, принадлежность к воинской части?

Просеивая сквозь пальцы землю у останков, нашли несколько проржавленных комочков, когда очистили, это оказались металлические пуговицы — одна со звездочкой и две с якорем! Так значит, моряки!... Это уже кое-что...

Поскольку на Миус-фронте только в 1942 году держали оборону и пытались наступать 68-я, 76-я и 81-я морские бригады, значит, морячки должны быть из этих частей.

В нескольких метрах от первых трех, под яблоней, нашли останки еще одного солдата. И опять надежда. Алюминиевую флягу протирали аккуратно, как будто от этого зависело, есть ли на ней надпись, или нет.

Ничего. Ребята молча продолжали очищать останки. Но, отношение Судьбы к нашей работе стало явно изменяться...

Минут через десять решили еще раз просмотреть флягу, омывая водой. И на одном из боков стали прорисовываться слабые штрихи двух букв: «П.Г.»! А еще через пять

минут был найден медальон. И, хотя, вкладыш сохранился не полностью, и, кое-где, шрифт расплылся, все-таки удалось прочесть: «Пилишвили ...со Заликович, красноармеец, 1918 года рождения, Грузинская АССР, р-н Хашурский, с/с Карельский, д. Нижний Астет. Адрес семьи: Залеко Леванович, Грузинская АССР, Тбилисская обл. Призван: Хашурским РВК. Группа крови – «4» по Янскому.»

... Рядом, в третьем раскопе, лежали в различных позах пять человек. Здесь находок было больше: гранаты, обоймы, индивидуальные пакеты, ложка с выцарапанным якорьком и два солдатских медальона.

В четвертой воронке на этой же полянке среди цветущих фруктовых деревьев, ярких цветов и сочной зелени буйнотравья еще трое. И еще один медальон!

Из последних трех медальонов, к сожалению, вкладыши были только в двух, но зато оба вкладыша удалось прочесть, частично или полностью:

«Рябов Савелий Валерьевич, 1922 г.р. Уроженец: ...»

«Лагунов Григорий Сергеевич, 1907 г.р. Уроженец: Орджоникидзевского края Александровского р-на с Садова. Призван: Александровским РВК».

Потом потянулись месяцы переписки, запросов, объявлений в газеты... Сейчас даже Дмитрий Николаевич Санин, который взял на себя основной груз переписки, не сможет сказать точно, сколько запросов он сделал в военкоматы, архивы, милицию, администрации. В тех случаях, когда ответы все же приходили, в письмах была стандартная формулировка: «Сведений нет».

После майской Вахты Памяти 2003 года нам удалось провести еще 14 поисковых экспедиций и Вахт Памяти. Дважды выезжали в международные экспедиции под

Керчь (Украина), работали в Смоленской области, подняли только на донских полях более 600 останков таких же забытых, как Рябов С.В., Пилишвили Г.З. и Лагунов Г.С., установить имена еще 130 солдат, считавшихся безымянными. Было найдено много интересных и редких находок для музеев. Появились новые линии поисков судеб вновь найденных солдат, провели три встречи с родными солдат, которых мы поднимали несколько лет назад... Но, обнадеживающих сведений по трем фамилиям из старого сада под Ряженым все не было.

Это произошло уже 31 июля 2004 года, когда меня «накрыл» очередной цейтнот и все из-за той же общественной работы. Я «выкроил» две недели на работе, отстоял их (или забрал от семьи), чтобы провести очередную международную экспедицию в каменоломнях Аджимушкая «незалежной» Украины. Основная организационная суета была уже позади. Уже выехали по нашему согласованию ребята из тюменского Тобольска и из Астрахани, из Москвы и Волгограда, а мы сами паковали рюкзаки, комплектовали снаряжение на всех россиян и украинцев, которые будут с нами работать. Просматривали в последний раз документы на экспедицию и для пересечения границы, подсчитывали в очередной раз деньги, которые я снял со своей фирмы и собрал с ростовских участников. Вот в этот самый напряженный момент, когда до отъезда оставались считанные часы, Санин Д.Н. вышел на связь. Он говорил не спеша, но голос дрожал от эмоций:

-Кириллыч, сегодня пришел ответ из Центрального архива по запросу на Логунова, Рябова и Пилишвили. Есть кое-что новое и интересное... И, сегодня же, позвонил из Владикавказа внук Пилишвили... Нашлась семья!

По звонку из Владикавказа следовало ожидать возможного приезда родственников Пилишвили Г.З., и надеяться на уточнения судьбы солдата по их приезду. А вот ответ из ЦАМО уже кое-что давал сухими строками официального документа:

«По документам учета безвозвратных потерь сержанта и солдат Советской Армии установлено, что:

-стрелок 3 батальона 68 морской стрелковой бригады рядовой Логунов Григорий Сергеевич, 1907 г.р., место рождения не указано, призван в СА Александровским РВК Орджоникидзевского края, погиб 8 марта 1942 г, похоронен: братская могила в д. Колесниково Матвеев-Курганского р-на Ростовской области.

-стрелок рядовой Пилишвили Г.З., 1918 г. р., уроженец ГССР, Карельского р-на, пропал без вести в августе 1941 г. Жена — Пилишвили Елена Александровна, проживала по месту рождения учтенного. Учтен в 1947 г. по материалам Карельского РВК.

-Рябов Савелий Валерьевич, 1922 г.р., по документам учета безвозвратных потерь сержантов и солдат СА не значится».

Итак, по этой информации с большей долей вероятности можно предположить не только даты гибели всех троих, но, также и обстоятельства, при которых это произошло.

В годы Великой Отечественной войны в нашей степной зоне (хотя у Таганрога и Азовское море начинается), воевало сравнительно немного моряков. В основном, они были из 68-й, 76-й и 81-й морских бригад, а так же отряда Цезаря Кунникова, и сражались в наших краях до июля 1942 г. А, если учесть, что морские бригады за этот период часто не меняли дислокацию, и использовались на кон-

кретных участках фронта, то, принадлежность погибших к подразделениям, можно попытаться определить довольно точно. Единственное, что несколько усложняет уточнение — это тот факт, что боевые события на участке Ряженое-Матвеев Курган до трагического лета сорок второго происходили дважды. Первый раз с 8 октября 1941 г, когда гитлеровцы прорвались до Миуса. Здесь они увязли в боях с неподготовленными, необученными, а часто и невооруженными подразделениями, наспех собранными советским командованием из курсантов, артиллеристов различных курсов, новобранцев и отрядов Ростовского народного ополчения. Затем, прорвали все же оборону самоотверженных и, 21 ноября 1941 г. первый раз захватили Ростов-на-Дону. Второй раз фронт вернулся на Миус уже через неделю. Тогда подошедшие регулярные части Красной Армии освободили Ростов и отбросили гитлеровцев на 70-80 км. И, опять, рубеж этой небольшой извилистой речки Миус стал рубежом упорного противостояния. С 4 декабря 1941 г. наступающие наши части были остановлены у высоких укрепленных западных берегов реки, и перешли к позиционным боям. И, хотя с конца сорок первого до лета 1942 г. советское командование неоднократно и пыталось прорвать оборону гитлеровцев, но, только бездарно теряло тысячи солдат...

Поэтому найденные останки наших солдат, тем более на западном берегу Миуса, могли относиться ко дням первого отступления октября 1941 г., когда фронт стал по реке. Но это маловероятно. Повышенная скученность погибших, большое количество морских элементов снаряжения, «вражеский берег» и дата гибели Логунова Г.С. дают серьезные основания полагать, что, почти все из найденных здесь солдат, видимо, остались здесь после трагических и преступ-

ных дней начала марта 1942 года. Именно тогда, командование Южным фронтом (командующий – генерал-лейтенант Малиновский Р.Я.) решило в преддверии Международного женского дня 8 марта сделать Сталину подарок — прорвать оборону гитлеровцев.

Те мартовские события 1942 года подробно и детально изучены в единственном серьезном труде по событиям того периода на Миусе — в книге нашего земляка, человека прошедшего Великую Отечественную войну и одного из лучших исследователей военной истории области Георгия Кирилловича Пужаева. И я опять (в который уже раз) за разъяснениями и уточнениями тех дней 1942 года с головой окунаюсь в документы его книги «Слава и кровь Миуса».

...Первого марта командующим фронтом отдал боевое распоряжение командующему 56-й армией о проведении наступательно операции. Но, 2-я гвардейская дивизия, которая должна была участвовать в наступлении, только утром этого дня, прибыла к линии фронта, и не успела еще ознакомиться ни с местностью, ни с обороной противника. 81-я морская бригада, которая должна была идти во втором эшелоне наступления за 68 бригадой, и рядом с солдатами 2-й гвардейской, получила орудия только в первых числах марта в городе Ростове. И к началу операции не успела ознакомиться с материальной частью, а ко дню наступления даже не успела подойти к фронту. Не было артиллерии из 68-й бригады, она только вечером 8 марта добралась к Миусу от Ростова. А у тех артиллерийских частей, что уже были на фронте, не доставало боеприпасов. Вот что писал в те дни в политдонесении начальник политотдела 81-й отдельной морской бригады батальонный комиссар Каретников Г.Н. в политуправление Южного фронта: «В частях ис-

пытывался острый недостаток грубых кормов: в артдивизионе 76-мм пушек их нет три дня, такое же положение в минометном дивизионе, стрелковых батальонах.

Особенно ощущается острый недостаток в боеприпасах: в минометном дивизионе на 8-30 7 марта нет ни одной мины... В артдивизионе 76-мм пушек нет ни одного бронебойного снаряда. Взвод автоматчиков 3-го стрелкового батальона имеет только наполовину боевого комплекта патронов для ППШ.

Большие недостатки в снабжении питанием. 1,2 и 3-й стрелковые батальоны 7 марта не имели хлеба. В минометном дивизионе третий день нет жиров и сахара. В результате марша у большого кол-ва бойцов обувь нуждается в немедленной замене»...

И, тем не мене, командование фронтом и 56-й армией 8 марта с утра начали наступление голодных, уставших, неподготовленных, необеспеченных частей!... При этом, советские войска имели лишь незначительное превосходство в количестве людей, по танкам и артиллерии силы были равны, а в небе господствовала авиация гитлеровцев.

С 8 по 16 марта командование 56-й армии бросало изо дня в день солдат в бесполезные атаки. Результатов не достигла, но потери были страшные.

За эти дни только 68-я отдельная морская стрелковая бригада потеряла 2532 человека, в том числе убитыми 639 человек, ранеными и пропавшими без вести 1893 человека.

81-я морская бригада за эти же дни потеряла 2350 человек личного состава.

63-я отдельная танковая бригада, которая единственная имела в 56-й армии танки (46 танков) потеряла 20 тяжелых и средних танков из 26 и практически все легкие танки...

Подразделения 2-й Гвардейской дивизии потеряли 2/3 личного состава. По боевым донесениям того времени (НМО, ор. 1043, 0.1, д.21, л.97) три батальона только 395-го стрелкового полка ко 2 апреля 1942 г. имели только 245 активных штыков, хотя только на 8 марта (до наступления) в них было более тысячи человек...

...Рабочий день уже закончился, и я, отпустив сотрудников нашего социологического центра, решил немного задержаться, посидеть над готовящимся к изданию сборником к 15-летию официального поискового движения в России. Эта работа, которую готовил Ростовский областной клуб «Память-Поиск», по заданию Департамента по молодежной политике Министерства образования России затягивалась из-за несобранности наших коллег-поисковиков из других территорий, которые никак не могли найти время прислать материал о своем поисковом объединении. Поэтому, для подстраховки, я был вынужден просматривать сотни газетных публикаций, брошюры за последние семь лет, прослушать свои аудиозаписи, сделанные в разные годы, с руководителями поисковых объединений Курска, Белгорода, Москвы, ..., чтобы написать за них статьи. Вот как раз в разгар такой работы 7 октября 2004 г. меня и застал звонок Дмитрия Санина:

-Кириллыч, меня только что нашел внук Пилишвили, он проездом в Ростове. Хочет съездить сегодня на место гибели деда. Сможешь через час-полтора присоединиться к нам?

Они подъехали в восьмом часу вечера. Отар — двоюродный внук солдата Пилишвили оказался примерно нашего возраста, спортивного телосложения, по-кавказски серьезен. Во Владикавказе у него фирма. По делам прихо-

дится много ездить. Вот и теперь, будучи в Москве и Калуге, решил воспользоваться случаем на обратном пути. Ко всему, и мы оказались на месте. Самое интересное, что Дима Санин лишь день назад тоже вернулся из Калуги, где с ребятами участвовал в Межрегиональной Вахте Памяти. А я еще был в Ростове, поскольку через пару дней должен был встречать поисковый отряд из Мордовии, и вывозить их на Миус в Неклиновский район, где мы планировали проведение областной Вахты Памяти. Туда же и Дима должен был ехать, начальником лагеря.

Пока ехали по дороге, Отар рассказывал о двоюродном деде все, что помнил из рассказов своего деда и бабушки Елены Александровна.

-А как же Елена Александровна может тебе доводиться родной бабушкой, если в документах архива она названа женой Герисо Заликовича? — не удержался я.

-Да нет, она не была женой Герисо. Герисо вообще не был женат, когда уходил на фронт в июне 1941 года ему всего-то 23 года было. А моя бабушка Елена тогда была старшая женщина в роду, и для Герисо она была вместо матери. Она и с фронта его всю жизнь ждала, и письма его хранила. Да и дед мой... всю жизнь до смерти надеялся и ждал, что узнает, где погиб Герисо. Он почти каждый день перед смертью брата вспоминал. Поэтому, когда его хоронили, я на его памятнике рядом с фотографией деда поместил фотографию молодого Герисо.

Он помолчал, глядя в окно.

-Что интересно, — продолжил он, — у моего деда и у меня было какое-то убеждение, что Герисо обязательно найдется! Жаль, что бабушка не дождалась. Умерла всего два года назад, когда ей уже за девяносто лет было.

По дороге Отар попросил своего водителя тормознуть возле магазина, взять продуктов помянуть деда.

На место бывших боев добрались уже в полной темноте в одиннадцатом часу ночи. Хотя бы луна была, а то темнота и только звезды. Честно говоря, были опасения — удастся ли найти место в дикой степи среди балок в темноте ночи? Но Санин сориентировался быстро, и уже через 20 минут, даже не имея фонарика, мы стояли среди старых абрикос и яблонь, пожелтевших, но еще не сбросивших листву.

Ветра не было. Была ночь, осень, старый сад и звезды. Мы молчали. Отар что-то говорил еле слышно, стоя в углу-блении, где 60 лет лежал его дед. И к его шепоту добавлялся лишь шелест падающих листьев, и росчерки падающих звезд на черном небе среди миллионов вечных светил.

-А вы знаете, — сказал Отар, разливая в одноразовые стаканы поминальный напиток, — он, наверное, очень хотел, чтобы мы узнали, где он погиб. Ведь то письмо, Дима, которое ты написал в Грузию на старый адрес, мы не должны были получить. Уже больше десяти лет как весь наш род выехал оттуда. А прошлым летом я случайно проездом был в Грузии, и решил посмотреть на наш старый дом. И соседи, узнав меня, передали это письмо...

... Да, странного и случайного в истории прояснения судьбы одного лишь солдата из старого миусского сада было и остается действительно много.

Стоя у места гибели Герисо, мы обнаружили, два интересных совпадения. Мы с Отаром родились в один день, только я 11 июня 1960 г, а он 11 августа того же года. И могилу в селе Ряженое мы посетили уже в начале первого ночи 8 октября — ровно через год после торжественного захоронения рядового Пилишвили Г.З. и его боевых това-

рищей в братской могиле. А по дороге в Ростов мы еще раз осознали простую истину, что все мы очень близки, все мы — «выходцы» из нашей бывшей огромной единой страны. Двоюродный брат солдата Пилишвили генерал армии... Плиев жил в Ростове, командовал Северо-Кавказским военным округом и не знал, что его брат лежал безымянным и забытым совсем рядом.

Фамилия Пилишвили — это не коренная фамилия всего большого их рода, а издержки расселения семей. В XIX веке часть рода Плиевых переехала жить в Грузию, и, казалось, навсегда, поскольку страна была единая. Местные жители настояли, чтобы вновь приехавшие поменяли фамилию на «более грузинскую». Вот тогда и пришлось изменить фамилию Плиевых на созвучную Пилишвили.

Ирония судьбы — осетинский род, чтобы жить в мире с соседями, изменил даже фамилию на грузинскую. В тяжелое время для страны осетин Герисо из рода Плиевых уходил на фронт как сын Грузии с фамилией Пилишвили и погиб за своих родных и соседей, погиб, защищая Родину в сороковых.. А в девяностых, потомки его соседей стали изгонять «некогда пришлых», чтобы очистить свою Грузию. Среди изгнанников оказались и Пилишвили-Плиевы. Вот только интересно, станет ли после этого коренная нация чище и здоровее? И лучше ли и спокойнее живется, и будет житься «очищенной» Грузии, по мелочам предающей своих детей? На этот вопрос ответит только Время.

Мы же, очередной раз должны были признать, что даже в истории боевых действий у этой небольшой речке Миус мы еще не все знаем. И эту славную и трагическую историю еще придется вписать не одну страницу.

В. Щербанов, 8. 01. 2005 г.

НЕ интересные находки Миусской земли

На бывших полях боев, в старых траншеях и взорванных блиндажах, среди заплывших воронок и впадинкам когда-то одиночных окопчиков, где приходится работать мне и моим коллегам, отыскивая и захоранивая забытых солдат Великой Отечественной, бывает встречаются находки, которые остаются в тебе на долгие годы острой болью Памяти и, наверное, Совести. Нет — это не обнаруженные гитлеровские сейфы или штандарты, это даже не уникальные и бесценные для истории полусгнившие документы советских погибших частей и подразделений,... Иногда, это может быть отдельный, ни чего не значимый на первый взгляд предмет военного быта или одиночные останки безымянного бойца, что мы поднимает десятками, а иногда сотнями и тысячами даже через шестьдесят лет после войны. Но почему-то именно эта, казалось бы, привычная (почти обыденная) для тебя находка остается в тебе занозой, не проходящей болью, навязчивой мыслью... Она не уходит из памяти, она часто вспоминается по случаю и без одного, она приходит во снах, хотя о самой находке и рассказать то особенно нечего. Такие случаи помнит каждый, кто уже не год и не два ежегодно выходит в свое время и в свой отпуск на места боев, кто занимается поиском и увековечением захороненных солдат. Я сейчас не говорю о коллекционерах военной атрибутики или любителях военных раритетов, и уж тем более не о «черных поисковиках», я говорю об энтузиастах - Искателях человеческих Судеб, Хранителях Памяти о не погребенных солдатах. Я говорю о большом отряде юношей и девушек, мужчин и женщин посвящающих себя поиску погибших.

К таким находкам не относятся именные вещи или награды. По ним можно установить имя человек и проследить его судьбу и его жизнь. Это и не документы, которые могут открыть историю последних дней фронтовой жизни подразделения и имена десятков солдат и командиров и их адреса. Это даже не редкая или уникальная вещь (медаль участника ВДНХа, самодельный неординарный мундштук или деревянная саперная лопатка...). Тем не менее, это вещи с неизгладимым отпечатком на себе фрагмента войны, который сложно или не всегда можно увидеть, а тем более «прочитать» этот отпечаток. Так в более чем двадцатилетней истории Ростовского областного клуба «Память-Поиск» и моей поисковой практике есть десять-двенадцать ОБЫЧНЫХ (!?), но очень ЗНАЧИМЫХ для меня, НЕПРИМЕТНЫХ, но ЦЕННЫХ и ВАЖНЫХ находок.

Это — две каски, красноармейская кираса штурмовых отрядов, ржавая немецкая канистра из-под воды, помятая алюминиевая солдатская фляжка, три нательных крестика, пленка из немецкого фотоаппарата, проявленная через пятьдесят с лишним лет, орден с надписью и два старых обручальных кольца. И есть еще три-четыре такие же «болезненные» находки, которые остались только на фотографии, поскольку это раскопы одиночных окопчиков, ставших нашим бойцам могилами. Нет, это не единственные одиночные окопчики-могилы, которые нам удалось отыскать за двадцать с лишним лет нашей работы. Подобных мы поднимаем много, но именно эти три-четыре, «обычных свидетеля» войны приходят мне в памяти и мыслях чаще других таких же, а то и более, казалось бы, «уникальных, редких и значимых» своих «собратьев».

И хотя тема и сам поиск погибших все же не относится на прямую к астрально-мистической тематике, тем не

менее, говорить об этом не на много легче. Ведь поднимая останки солдата, изучая причину его смерти, и часто видя последние минуты его жизни, а потом по крупницам восстанавливая его довоенную и военную судьбу, ты сам «опускаешься» на тот временной уровень, в те давние фронтовые дни, настраиваешься и поднимаешься на «волну» солдат сороковых. А «настроившись», ты начинаешь понимать, почти «слышать» тех не вернувшихся из атак солдат и командиров...

Год 2002. Октябрь. Сводный отряд донских поисковиков и ребят из Республики Мордовия ведет четвертый день раскопки старого колодца в Матвеев-Курганском районе у села Ряженое. В войну эти места входили в так называемую «линию Миус-фронта». Каждый день морозящие дожди. Грязь. Но работы не прекращаем, поскольку точно знаем, что здесь лежит более десятка наших солдат 1942 года. Подняли уже останки девяти человек, и нашли уже семь (!) медальонов. Такое количество солдатских медальонов всего на девять человек — очень много! Вперемешку с останками идут гранаты и обоймы с патронами в карманах шинелей, ложки, котелки, личные вещи... Медальонов-смертников не только много, но некоторые из них и читаются. Одни написаны на стандартных вкладышах, другие на обрывках газетной или оберточной бумаги, а потому представляют более плотные рулончики и хуже сохраняются.

Когда мы находим даже три медальона на десять погибших солдат, мы знаем точно — в этом подразделении был исполнительный и умудренный жизнью старшина, который понимал тогда, чтобы не сгинуть безымянным, нужно заполнять и хранить медальон. Понимал это и объяснял солдатам. И эту не хитрую житейскую мудрость в первую

очередь воспринимали солдаты, у которых остались где-то жены и дети. Молодежь не придавала этому значения, пренебрегала уставными рекомендациями, часто посмеивалась над бывалыми солдатами. А потому чаще всего на десять останков удается отыскать лишь один (!) медальон...

Но вот подняли очередной черный пенальчик и, открыв его крышку, увидели, как плотно свернут вкладыш, так и решили – опять самодельный. Бумажный рулончик оказался такой плотный и толстый, что вынуть из медальона не представлялось возможности. Пришлось разрезать капсулу. Но каково же оказалось наше удивление, когда вкладыши оказались все же стандартными, только их было не два, как обычно, а... четыре!?

Даже первый вкладыш сохранился, словно и не пролежал в земле шестьдесят лет. На нем четко просматривалась запись:

«Смальков Михаил Александрович, 1920 г.р. Красноармеец. Уроженец: Куйбышевская обл., г. Сызрань, с. Ореховка. Призван: Радищевским РВК. Адрес семьи: г. Сызрань, с. Ореховка.»

Три последующих вкладыша точно дублировали первый!... Такое мы встретили впервые за все годы поиска. И первые вопросы, которые приходят с голову в подобных ситуациях – это многократное «Почему?». Почему солдат заполнил вкладыш, когда его товарищи не заполняли, а часто и выбрасывали медальоны? Почему он заполнил четыре, когда давалось только два, а его однополчане не заполняли и одного? И так далее...

На первое «почему?» ответ очевиден. Ему было очень важно, чтобы он не сгинул в горниле этого вселенского пожара бесследно!

На второе «почему?», почему именно для него это было архиважно — ответ почти очевиден. Может быть, осталась любимая девушка, которая его ждала. А может быть дома уже росли малые дети, и он понимал, как трудно будет его жене поднимать их если он не вернется... Не исключено и то, что он оставался последним мужчиной в семье или роду и без него заглох бы целый семейный «корень»...

На следующий день в этом же колодце, только сантиметров на пятнадцать ниже нашли солдатский котелок с четко видной надписью: «Смальков М.А. ...»

Почему солдат усиленно пытался сохранить, донести до нас свое имя? Какой мыслью хотел поделиться с нами солдат не желавший умирать, но предполагавший, что пережить те бои, скорее всего, не сможет?...

Вопросы, вопросы, вопросы... Как бы там ни было, но почему-то именно он решил перестраховаться и заполнить в два раза больше вкладышей в надежде, что может быть хоть одна бумажка сохранит его имя!... Именно он пытался оставить свое имя и на котелке.

Судьбе было угодно сохранить все четыре записки в хорошем состоянии и уберечь котелок с подписью, и таким образом донести до нас живущих его последний крик и надежду.

Даже общаясь с нашими коллегами, ведущими поиск в других территориях бывшего СССР, где проходил фронт, я слышал только одну-две подобные истории.

Май 2001 года. Мы уже пятый год вели поисковые работы на высотах у села Русское Куйбышеского района Ростовской области. На высотах за речкой Миус три года в войну были первые линии окопов горных стрелков из не-

мецкой дивизии «Эдельвейс». Наша территория была на противоположном пологом берегу. Эти места с высот, занимаемых гитлеровскими егерями, просматривались и простреливались на десятки километров. И эти высоты три года и в зимние морозы, и в весеннюю распутицу, и по летней жаре штурмовали наши слабо подготовленные, часто не вооруженные солдаты. Штурмовали без поддержки танков и артогнем наших батарей. Сколько их здесь легло — никто не знает. Генералы скрывали истинные потери, часть архивов погибла, а из участников этих боев после войны оставались живы единицы, да и тем приходилось молчать... Вот и вгрызаемся несколько лет подряд в один клочок Миус-фронта, и каждый год идут все новые и новые находки.

Вот и тот год особенным ничем не отличался — десятки кубометров грунта просеяно, найдены десятки останков, чаще всего безымянных. Останков немецких солдат практически нет — их аккуратно хоронили. Идут только наши: кавалеристы сорок первого, морячки из сорок второго, танкисты и пехотинцы, пехотинцы, пехотинцы...

В один из дней ребята нашли ржавую металлическую канистру из-под воды. На одном из помятых боков выдавлены буквы: «WATER 20 L. 1942». А сама канистра больше похожа на решето — 47 пробоин мы насчитали в ней от пуль и осколков!...

Вечером, как всегда у костра подводили итоги дня. Говорили о пройденных метрах старых траншей, о проверенных участках высот, о найденных останках, о взрывоопасных предметах. Говорили о самом важном и значимом. О старой ржавой канистре даже не упомянули. А что о ней говорить?... Ее даже сборщики металлолома не подберут — ни металла, ни веса.

Вот только глаза ребят почему-то часто останавливались на этом помятом коррозированном куске металла. Да и сам я ловился себя на том, что не произвольно взгляд замирает на расстрелянной войной канистре.

Сколько же смертоносного металла озвучивало воздух в этих местах, если через объем всего 0,02 кубических метра фронтового хозяйственного предмета прошло около тридцати осколков и пуль?... И это ведь не за три года, пока стоял здесь фронт, а за пару месяцев из трех лет, пока изрешеченную канистру не накрыло землей после очередного взрыва!... Кто же подсчитает объем смертоносного «летавшего» над землей бомбового, артиллерийского и стрелкового металла?...

Останки находили практически каждый день. В траншеях, блиндажах, окопчиках, а чаще воронках. Очередной одиночный окопчик, который отыскал с помощью металлической рамки наш местный поисковик Александр Ващенко, ничем не отличался от предыдущих кроме обилия винтовочных и автоматных гильз вокруг, а так же множества небольших воронок рядом. Но вот когда окопчик углубили сантиметров на пятьдесят, и стали видны останки человека, мы – выдавшие виды за десятилетия поисков были заинтригованы, а молодежь «поплыла» от восторга. Вперемешку с останками шел многочисленный металл: цинковый ящик с патронами, гранаты различных систем, мины, патроны автоматные, винтовочные и даже патроны к противотанковому ружью, множество осколков, противогаз, саперная лопатка и т.п. И это все, видимо, составляло боезапас погибшего солдата, поскольку винтовочные патроны в обоймах и патроны к ПТР шли чуть выше, чем гильзы от этого же оружия. Вскрытый цинк с патронами к ППШ

стоял у ног солдата, а гильзы оказались сверху останков и попали с землей с бруствера, когда засыпали эту боевую могилу. Боевого металла было слишком много. Настолько непривычно много, что мы тогда решили пересчитать боезапас погибшего до последней гильзы. Такую детальную «бухгалтерию» практически невозможно вести на большинстве фронтовых территорий бывшего Советского Союза, да это и ничего не дает там, где фронт проходил несколько раз, и где не всегда удается точно определить к какому периоду будут относиться те или иные находки, а не то что гильзы. Но все же в четырех-пяти местах нашей бывшей великой страны, сломавшей хребет фашистскому монстру, где события ушедшей войны четко ограничены естественными обвалами стен и историческими датами: Брестская крепость, взорванные доты Киевского укрепрайона, подземелья Аджимушкая, развалины береговых артиллерийских батарей Севастополя, да катакомбы Одессы, ..., там такой скрупулезный подход дает поразительные результаты. Вот тогда весной 2001 года мы впервые, пожалуй, попытались проверить этот метод у себя в степной зоне. Поскольку границы этой чьей-то последней солдатской крепости были четко очерчены, и была надежда довольно точно определить время тех событий, мы решили пересчитать весь смертоносный металл, который был в окопе и на бруствере. Привожу эту запись по полемому дневнику без изменений:

«Всего того, что обычно сопутствует местам боев и гибели солдат, и что обычно поисковик не в состоянии даже детально фиксировать из-за колоссального объема работ и постоянного недостатка времени – количество патронов и гильз к стрелковому оружию, оказалось гораздо больше, даже чем казалось на первый взгляд:

- патроны 7,62 мм к винтовке Мосина в обоймах — 15 шт.;

- гильзы к винтовке Мосина — 33 шт.;

- патроны к автомату ППШа — почти полный ящик;

- гильзы от автомата ППШа — 57 шт.;

- патроны противотанковые к ПТР — 7 шт.;

- гильзы от ПТР — 5 шт.;

- противотанковая граната РПГ-41 — 1 шт.;

- бутылка с зажигательной смесью — 1 шт.;

- ручная граната Ф-1 — 2 шт.;

- ручная граната РГД-33 — 4 шт.;

- немецкая ружейная осколочная граната (могла использоваться как ручная граната) — 9 шт...»

И хотя ни винтовки, ни автомата, ни ПТР обнаружено не было (все оружие после боя собиралось как немецкими, так и нашими трофейными командами), по всему было видно, что солдат держал оборону основательно и долго. А патроны, которые у него были, не просто собирал, а применял по назначению, это подтверждают гильзы в ногах и на бруствере. И это значит, что вел огонь он и из винтовки, и из автомата, и из противотанкового ружья! Боезапас гранат мы видим, но уже никогда не узнаем, сколько он их использовал, сражаясь на этом своем последнем рубеже, пока не погиб!...

Солдатик сделал все что мог и хлебнул сполна. Вот еще одна запись из Акта обнаружения останков: «Кость левой лопатки пробита пулей, на кости предплечья левой руки бороздка от еще одного пулевого ранения. Кости ног перебиты, отсутствует правая кисть, а в тазобедренных костях и в позвоночнике застряли два осколка сантиметра по два...»

Но что все-таки произошло здесь весной сорок второго, до конца было не ясно. Оставалось много вопросов. Почему солдат не отступил, когда атака захлебнулась? Что заставляло его держаться до последней возможности в глубине вражеской оборонительной линии, когда наши наступавшие части, видимо, уже отошли? Кто был этот солдат, из какой части?...

И ответы на некоторые наши вопросы мы смогли найти только в исследовании событий Великой Отечественной войны на Миусе фронтовика, проработавшего ... лет редактором районной газеты Матвеево Курганского района Григория Кирилловича Пужаева: «....

Но по ряду других вопросов можно было только догадываться или предполагать, пока мы не расчистили тот окопчик до дна.

К сожалению, солдатского медальона, который так надеялись найти на останках, что дало бы нам надежды узнать имя солдата, обнаружить не удалось. Зато на самом дне увидели менее ценные и почти не интересные предметы. Когда земля-мешанка почти закончилась, и лезвие малой саперной лопатки стало с трудом вгрызаться в целину, у самого дна обнаружили стабилизатор от минометной 50-ти миллиметровой мины. На этом распространенном элементе фронтовых полей можно было бы не акцентировать внимание, если бы не пара НО.

НО первое. Этот стабилизатор, скорее всего, являлся наиболее крупным фрагментом того, что явилось первопричиной смерти солдата. Поскольку множественные переломы костей ног и наличие мелких и крупных осколков говорили о том, что рядом (под ногами) произошел взрыв. А два двухсантиметровых осколка, застрывших в позво-

ночники, были с достаточной точностью идентифицированы как осколки мины (металл, толщина, изгиб).

Но второе. Это был в окопчике уже второй стабилизатор! Первый более крупный с фрагментом корпуса мины 80-мм обнажили несколькими минутами раньше, но не стали сразу поднимать. А для одиночной огневой ячейки это многовато, тем более как говорили на фронте: «Дважды снаряд в одну воронку не падает». Значит один из стабилизаторов, скорее всего, относится к военному мусору.

Но этот второй стабилизатор, когда его поддели слегка ножом, не поддался. Это была целая боевая мина с пробитым капсюлем. Мина вошла практически целиком в грунт и прочно сидела в земле ниже уровня дна, хотя и не взорвалась.

Но тогда это, хотя и косвенно, но лишний раз можно считать подтверждением того, что стабилизатор от 50-мм мины оказался в окопчике, видимо, не случайно, а являлся осколком того взрыва, который был причиной гибели этого неизвестного бойца?

Решили проверить эту догадку. Не успели опустить металлодетектор в окоп, как датчик стал показывать обилие металла. Под ногами и особенно в стенках одиночной ячейки нашли более двадцати осколков различной формы и величины от минометной мины. Сомнений не оставалось — мина взорвалась в самом окопчике...

После возвращения в Ростов еще раз подняли сводки боевых действий, список частей и мемуарную литературу по февралю-маю 1942 года. По многим документам видно, что помимо основных частей и маршевых рот в штурме этих высот принимали участие штрафные роты. Вот как писал один из исследователей тех событий:

Не исключено, что погибший был как раз из штрафников. Поэтому отходить назад к своим, где стояли, скорее всего, пулеметы заградительная опора, и погибнуть от своей пули, считал для себя не возможным. А может быть, этому солдату надоело отступать на собственной земле. Или рядом был его дом, и он не мог позволить фашистам ступить в его двор, в его станицу...

Нам уже не узнать последних мыслей этого солдата, но не трудно понять насколько он «достал» горных егерей и немецких солдат из частей поддержки, если за его одиночным окопчиком охотились несколько минометных батарей. Можно представить, сколько мин пришлось выпустить по одному человеку, чтобы в углубление размером 40 на 70 сантиметров попало две мины!...

Действительно, солдатик сделал все что мог и хлебнул сполна.

Кто-то может цинично рассуждать о его неумении идти на компромисс с судьбой, что, мол, его и погубило. Кто-то может посетовать на его непредусмотрительность, что не позволило сохранить его имя. Кто-то может сказать, что, мол, зря была его смерть, если, подняв через шестьдесят лет его останки из окопчика, ставшего его могилой, мы нашли только НЕИНТЕРЕСНЫЕ предметы войны...

Вот только хотелось бы, чтобы те, кто, прочитав эти строчки, и «размышляя над сложностью проблем» не забыли о главном. Что именно погибшие и в большинстве своем безымянные солдаты той Великой войны, и не обязательно победного сорок пятого, а в большей степени трагических сорок первого и сорок второго годов, дали нам главное — Победу и Жизнь живущим ныне! Почему именно безымянные? А потому, что в Книгах Памяти большин-

ства территорий бывшего СССР пропавших без вести от 50 до 80 процентов от всего числа не вернувшихся с войны!...

А на счет главного... Видимо они в сорок первом или в сорок втором лучше нас знали и понимали, что все тогда происходившее: война с оккупантами, все тяготы и лишения, наконец их смерти ради победы — все Это было действительно ГЛАВНОЕ!

И хорошо бы нам сегодняшним понять, что все пройденное и свершенное ИМИ — ГЛАВНОЕ и ПЕРВИЧНОЕ, как и наша ПАМЯТЬ о них. ПАМЯТЬ, которая требует знать больше о том времени и о солдатах, тех огненных лет...

В. Щербанов, 15. 04. 2006 г.

*Генерал-лейтенант
Я.Г. Крейзер — Герой Со-
ветского Союза, коман-
дующий 2-й гвардейской
армией.*

*Генерал-лейтенант
К.А. Гуров.
Член Военного Совета Юж-
ного фронта.*

*Генерал-лейтенант
Т.И. Танасчишин. Командир
4-го гвардейского Сталин-
градского механизированного
корпуса.*

*Лейтенант Есауленко В.В. командир 7-й
стрелковой роты 71 стрелкового полка.
27 марта 1942 г. посмертно присвоено
звание Герой Советского Союза.*

*Майор Епальчин А.Д. Герой Советского
Союза присвоено 17 апреля 1943 г.*

Генерал-лейтенант Ковалев И.М. Родился в 1916 году, был начальником штаба, командиром 71-го стрелкового полка 30-й Иркутской стрелковой дивизии при ведении тяжелых оборонительных боев на Миусе (территория Матвеево Курганского и Куйбышевского районов). Почетный гражданин поселка Матвеев Курган. Живет в городе Сочи.

*Моряк-черноморец , старший матрос
Баев Ф.М. родился в 1920 году. Погиб 8
марта 1942 года при штурме вражеских
позиций в селе Колесниково Матвеево-
Курганского района Ростовской области*

*Герой Советского Союза
Казак Д.В. Герой Советского Союза
командир роты*

*Бойцы вспоминают минувшие дни. Участники ВОВ жители Матвеево Курганского
(слева направо) района Лапшов М.М., Мазуров С.И., Страшевский И.Я.*

*Герой Советского Союза, майор
Юдин М. Ю.*

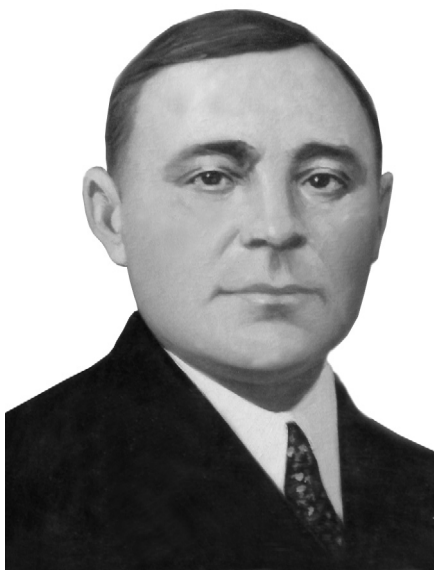
*Герой Советского Союза, политрук роты
71-го стрелкового полка Гардеман Г.И.*

*(слева на право) Капитан III ранга Шамин В.С. Гв капитан Фабрикант А.Е. Капи-
тан Гранга Крыжановский В.М. Участники боевых действий за высоту 101 у села
Ряженое 8 марта 1942года. Фабрикант А.Е. был рнен и контужен.*

*Участник боев за освобождение Матвее-
во Курганского района Пономарев Г.И.*

*Герой Советского Союза
Пудовкин П.Г. (1904-1943)*

*Возложение венков к памятнику Воинам ВОВ в Матвеевом Кургане. Впереди несут
венок Глава Администрации Криворотов А.С. и почетный гражданин Ковалев И.М.*

*Герой Советского Союза
Ерошин А.М.*

*Герой Советского Союза
Ерошин А.М.*

Солонский Ф.К.

Памятник Солдату-освободителю в Мемориальном сквере поселка Матвеев Курган.

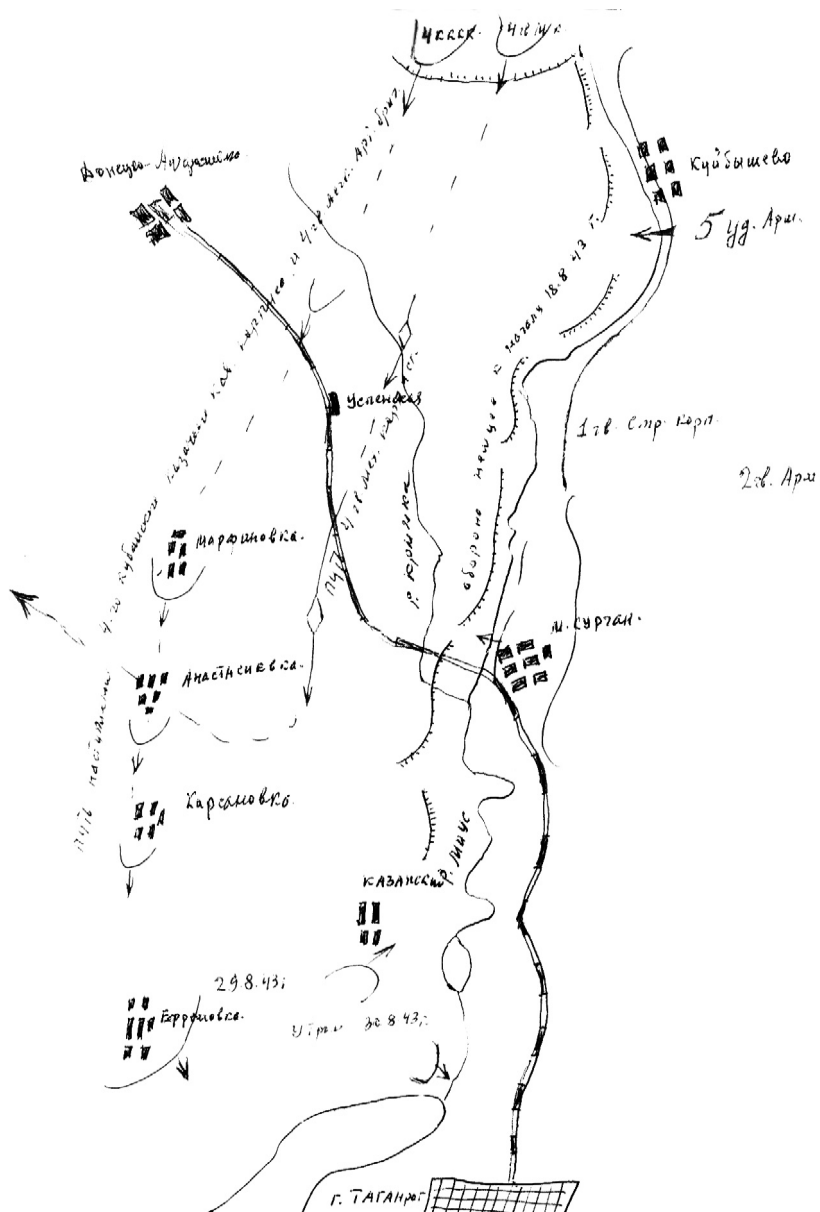
Автор книги «Кровь и слава Мюса» Пуржасев Г.К. во время проведения научно-практической конференции юных краеведов Матвеева Кургана в зале центральной районной библиотеки 17 февраля 2004 г.

30 августа 1983 г. в районе села Алексеевка Матвеево Курганского района, открытие памятника «Прорыв»

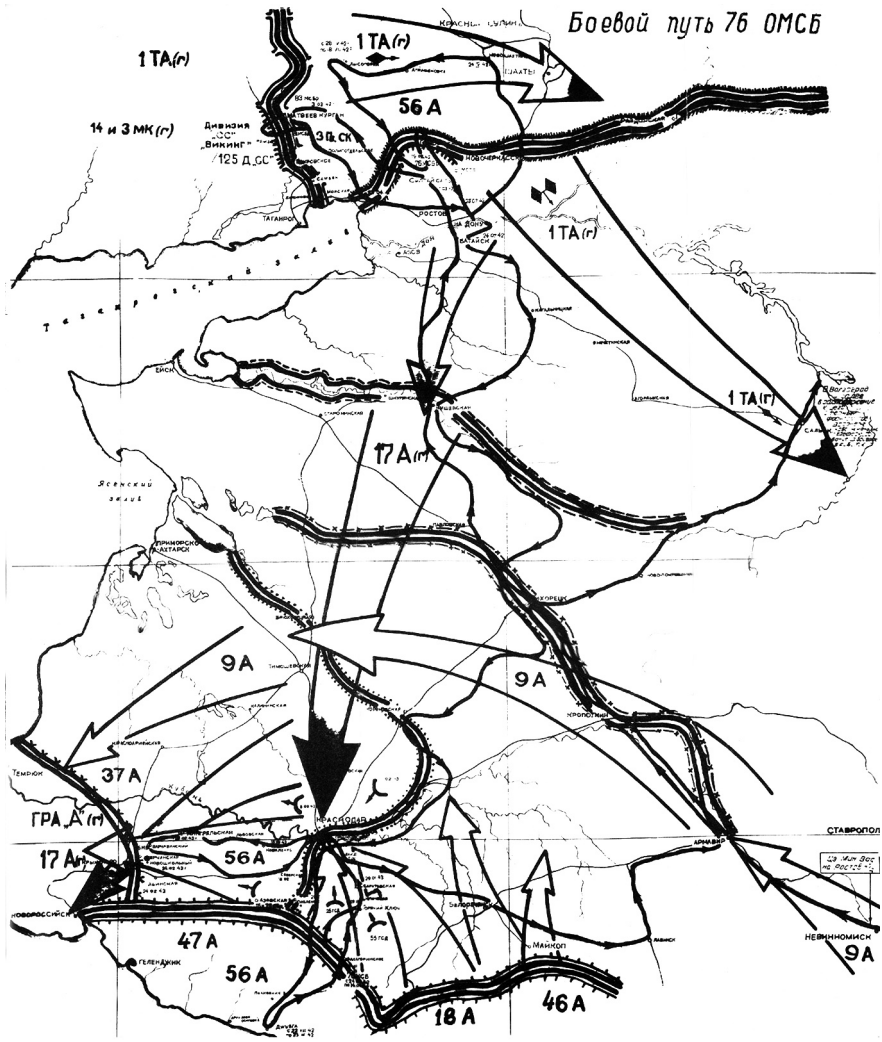
Перезахоронение останков погибших советских воинов в годы Великой Отечественной войны в мемориальном сквере села Ряженое Матвеево-Курганского района 5 мая 2006 года.

Жданов

Боевой путь 76 ОМСБ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ПРИШЛИ ТАНКИ КЛЕЙСТА	5
ТАГАНРОГСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ	13
БРИГАДЫ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ	21
2-Я ГВАРДЕЙСКАЯ	42
30-Я ИРКУТСКАЯ	48
81-Я МОРСКАЯ СТРЕЛКОВАЯ БРИГАДА	59
ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ	65
ВТОРОЙ ЭТАП ОПЕРАЦИИ	70
С «ИНТЕРНАЦИОНАЛОМ» НА УСТАХ	75
И ВНОВЬ — В АТАКУ	82
ГОРЬКОЕ ЛЕТО 42-ГО	99
НА МИУСЕ	106
НА ПОДСТУПАХ К РОСТОВУ	112
ГЕНЕРАЛ АРШИНЦЕВ	116
ОТХОД ЗА ДОН	119
ПРИКАЗ №227	124
ПОБЕДА НА ВОЛГЕ	130
МАТВЕЕВ КУРГАН	135
В ОКРУЖЕНИИ	142
БОЙ ДВУХ ПОЛКОВ	158
В ДЕБАЛЦЕВО	170
РЯЖЕНОЕ	178
КУЙБЫШЕВО	188
ИЮЛЬ 1943 ГОДА	199
РЯДОМ С ФРОНТОМ	205
ГЕНЕРАЛ ТОЛБУХИН	212
НАСТУПЛЕНИЕ	218
БРАТЬЯ ГУРОВЫ	226
КОНТРУДАР	245
ПАДЕНИЕ МИУС-ФРОНТА	261
ЧЕРНЫЙ ВОРОН	273
РЕЙД В ТЫЛ ВРАГА	285
ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ (ДОПОЛНЕНИЕ)	319

Пужаев Григорий Кириллович
КРОВЬ И СЛАВА МИУСА

Верстка, обложка *С. С. Корецкая*
Технический редактор *В. А. Баранова*

Подписано в печать 12.01.2006 г.
Гарнитура TimesNewRoman.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж экз. Заказ № 4
Типография «БАННЭРплюс».
г. Таганрог, 2006